

СОДЕРЖАНИЕ

2017

№ 2 (14)

ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ НАУКИ; ГРАЖДАНСКИЙ И АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕССЫ

Барнакова Е. В., Парягина О. А. Дистанционный труд: особенности и проблемы правового регулирования	3
Вишневский А. В. Перспективы объединения АПК РФ и ГПК РФ в единый Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации	7
Иванов В. М., Пяо Мэйшань. Упрощенное судопроизводство в России, Германии и Китае	10
Мальханова Е. В. Спорные вопросы правоприменения при расторжении трудового договора по п. 7 ст. 77 Трудового кодекса Российской Федерации.....	14
Некрасов С. Ю. Инициатива суда и судебское усмотрение в гражданском и арбитражном процессе.....	19
Нижечек Е. В. Некоторые проблемы применения норм при увольнении отдельных категорий сотрудников государственной службы.....	24

УГОЛОВНОЕ ПРАВО, КРИМИНОЛОГИЯ, УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

Данеев А. В., Данеев Р. А., Тамбовцева Г. М. Алкоголизм и эскалация преступности.....	32
Степаненко Ю. С. Актуальные проблемы исполнения наказания в виде принудительных работ	38

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС, КРИМИНАЛИСТИКА, СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА; ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Буфетова М. Ш., Литвинцева Н. Ю., Завгородняя Е. С., Чаманов В. В. Актуальные проблемы осуществления судебного контроля в российском уголовном судопроизводстве.....	41
Попова И. П. Возникновение и становление уголовно-процессуального законодательства об обвинительном приговоре в дореформенной России. Часть 1	46
Середнев В. А. К вопросу о «совести» как компоненте морально-нравственных основ в уголовно-процессуальной и оперативно-разыскной деятельности	53
Степаненко Д. А., Митрофанова А. А. Криминалистическое обеспечение расследования как категория криминалистики.....	60
Хорошева А. Е. Использование специальных знаний в судопроизводстве с участием присяжных заседателей: исторические практики и наше время.....	65
Черкашин Р. Н. Некоторые вопросы использования результатов оперативно-разыскного мероприятия «прослушивание телефонных переговоров» в оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел.....	72

ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

Власова Е. А. Внешний муниципальный финансовый контроль и его особенности	76
Зедгенизова И. И. СМС-рассылки и административная ответственность.....	80
Игнатьева И. В. Международная безопасность и актуальные проблемы ее обеспечения	86
Старков К. Н. О некоторых вопросах применения ч. 3 и 3.1 ст. 14.13 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях	93

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА, ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ

Барашева Е. В., Гундаров И. С. Проблемы участия институтов гражданского общества в реализации антикоррупционной политики.....	97
Титов В. Ю. Законодательная инициатива граждан: от писем-протестов к идеям государственного строительства: по материалам журнала «Коммунист» (1950–1960 гг.)	103

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Терещенко А. Г., Васильев Н. Г. Вопросы развития профессионально важных качеств личности в системе профессиональной подготовки студентов-юристов.....	109
Правила оформления статей, представляемых для публикации в журнале «ГлаголЪ правосудия»	115

УДК 349.2

ДИСТАНЦИОННЫЙ ТРУД: ОСОБЕННОСТИ И ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Парягина Ольга Александровна

кандидат юридических наук, доцент Юридического института ИГУ, г. Иркутск

Барнакова Елена Викторовна

студентка Юридического института ИГУ, г. Иркутск

e-mail: dgeronimolena@mail.ru

REMOTE WORK: CHARACTERISTICS AND PROBLEMS OF LEGAL REGULATION

Olga Paryagina

Associate Professor of Law Institute ISU, candidate of Legal Sciences, Irkutsk

Elena Barnakova

Student of Law Institute ISU, Irkutsk

АННОТАЦИЯ

Целью данной работы является выявление особенностей и проблем регулирования трудовых отношений с дистанционным работником. Методологическая основа исследования состояла в применении метода диалектики как общенаучного метода познания, а также ряда частнонаучных методов: исторического, технико-юридического, логического, системного анализа в их различном сочетании. Также были использованы следующие методы научного исследования: изучение нормативно-правовой базы; изучение монографических публикаций и статей. Введение дистанционной занятости в формат официальных трудовых отношений позволит удаленным работникам пользоваться всеми социальными гарантиями, предусмотренными Трудовым кодексом РФ (ТК РФ). Электронный документооборот, предусматриваемый законопроектом в отношении дистанционных работников, а также возможность заключения с ними трудового договора в электронном виде, сделает более удобными правоотношения между сотрудниками и работодателями, сократит время принятия управленческих решений. Преимущества и недостатки в применении и использовании удаленной работы есть как у работодателя, так и у работника. Насколько она эффективна в данном конкретном случае, решать каждому работодателю в зависимости от направления деятельности организации, категории персонала и целей, стоящих перед компанией.

ABSTRACT

The purpose of this work is to identify the peculiarities and problems of regulating labor relations with a remote worker. The methodological basis of the research consisted in applying the method of dialectics as a general scientific method of cognition, as well as a number of private scientific methods: historical, technical, legal, logical, system analysis in their various combinations. The following methods of scientific research were also used: study of the regulatory framework; study of monographic publications and articles. The introduction of distance employment in the format of official labor relations will allow remote workers to enjoy all the social guarantees provided for by the Labor Code of the Russian Federation. The electronic document management envisaged by the draft law on distance workers, as well as the possibility of signing an employment contract with them in electronic form, will make legal relations between employees and employers more convenient, and reduce the time for making managerial decisions. The advantages and disadvantages in using and using remote work are both with the employer and with the employee. How effective it is in this particular case, solve each employer depending on the direction of the organization, the category of personnel and the goals facing the company.

Ключевые слова: удаленная работа; дистанционная занятость; фриланс.

Keywords: distant work; telecommuting employment; freelancing.

Занятость на основе информационно-цифровых технологий (дистанционная занятость) становится транснациональной, потенциально глобализированной. Распространение новых форм профессиональной деятельности, видов ее реализации выступает по существу основной тенденцией в развитии социально-трудовых отношений начиная с 1980-х гг. Конкретные формы этой инновационности в занятости зависят от определяющих их факторов. Так, переход к информационно-цифровому обществу, которое продолжает формироваться на стыке изменений в коммуникационных технологиях и в мотивации трудового поведения людей, обуславливает существенные преобразования трудовых отношений, а именно появление «дистанционных отношений» между работодателем и его сотрудниками, которые являются частью процесса децентрализации трудовой деятельности во времени и пространстве – т. е. процесса формирования полиморфного, гибкого, виртуального рынка труда.

Впервые «дистанционная» занятость (или телеработа) появилась в США благодаря профессору Университета Южной Калифорнии Джеку Ниллсу, который ввел термин «телекомьютинг» (синоним «дистанционной» занятости) [1]. То есть это работа, выполняемая «в течение некоторого времени вдали от обычного рабочего места, часто из дома, с помощью компьютерных технологий».

Сегодня это наиболее быстроразвивающаяся форма занятости, которая быстро трансформируется в целый ряд разновидностей гибкой трудовой деятельности.

За рубежом экономисты обратили внимание на подобную организацию труда 40 лет назад. Для организации дистанционной работы необходимы компьютер, интернет и удобное программное обеспечение для доступа к своим документам и программам.

Все чаще в повседневной жизни мы слышим о таких видах удаленной работы, как дистанционная работа и фриланс. Фриланс – это действительно удаленная работа, которая предусматривает удаленный заработок, но это не дистанционная работа. Фрилансер не связан постоянным трудовым контрактом с какой-либо компанией, а лишь выполняет отдельные проекты по договору оказания услуг. Понятия тесно связаны, но говорить о том, что это одинаковые термины, нельзя.

Дистанционная работа активно используется в рекламной и издательской деятельности, а также в области информационных технологий. Фрилансеры заняты в таких сферах деятельности, как: графический дизайн, копирайтинг, веб-программирование и т. д. При дистанционной работе существуют основные характеристики трудового правоотношения: длящийся, сложный, возмездный, фидуциарный характер; основным объектом по-прежнему выступает сам процесс труда, а не результат; работник интегрирован в трудовую коллектив на основе специальных IT-технологий. Разовая форма взаимодействия – так называемый фриланс – тяготеет к гражданско-правовым договорам, поэтому его следует регулировать гражданским правом.

Надомники занимаются, как правило, производством продукции на дому (ст. 310 ТК РФ). Для этого они могут использовать материалы, инструменты и механизмы работодателя или приобретать средства труда за свой счет, за что получают компенсацию. Такие сотрудники не подчиняются режиму, установленному в организации, они сами определяют время работы и отдыха. Главное – сдать продукцию в срок. При этом работодатель обязан аттестовать их рабочие места (ст. 212 ТК РФ). На дому часто работают швеи, упаковщики, сборщики несложных агрегатов и др.

В 2013 г. ТК РФ дополнен гл. 49.1, где определено само понятие дистанционной работы, установлена возможность взаимодействия между дистанционными работниками и работодателем посредством электронного документооборота, а также предусмотрен ряд правовых и технических аспектов, связанных с осуществлением дистанционной работы (особенности заключения, изменения и прекращения трудового договора о дистанционной работе, порядок ознакомления работника с документами работодателя, особенности организации, охраны и режима труда и отдыха дистанционных работников). Нормы ТК РФ сформулированы так, что правила о дистанционной работе применяются только к тем лицам, которые работают исключительно в режиме удаленного доступа [2, с. 385].

Существует 3 признака дистанционной работы, закрепленные в ст. 312.1. ТК РФ:

1. Работа вне места нахождения работодателя.

2. Работа вне стационарного рабочего места, территории или объекта, прямо или косвенно находящихся под контролем работодателя.

3. Работа при условии использования для выполнения трудовой функции и для осуществления взаимодействия между работодателем и работником по вопросам, связанным с ее выполнением, информационно-телекоммуникационных сетей общего пользования, в том числе Интернета.

В связи со значительным резонансом, который вызвали обнародованные результаты, в частности прогноз о росте дистанционной занятости в России в ближайшие пять лет до 20 %, необходимо предоставить социальные данные опроса, проведенного 17 июня 2015 г. сервисом «Битрикс24» и J'son&Partners Consulting в следующем соотношении: 58 % опрошенных российских руководителей отметили экономию затрат и повышение производительности как главные преимущества, 13 % отметили, что это повысит мобильность и оперативность работы, 12 % считают, что улучшатся возможности для найма персонала, 11 % отдают предпочтение удобному графику для некоторых категорий сотрудников. Только 4 % утверждают, что преимущества отсутствуют.

По статистике, руководители компаний назвали хотя бы одно из указанных преимуществ дистанционной занятости. А также признались, что они не контролируют занятость своих сотрудников в течение дня в традиционном смысле, даже если технически такая возможность реализована.

Дистанционная занятость — это, прежде всего, занятость умственного труда, а не физического, тогда можно смело сказать, что практически все те, кто работает «умом», могут участвовать в дистанционной занятости. И безусловно, в каждой отрасли экономики присутствует высококвалифицированный умственный труд, а значит, возможность его применения дистанционно реальна.

Целесообразнее ее подразделять не по отраслевому признаку, а по сферам профессиональной деятельности. На наш взгляд, таковыми являются:

- информационно-коммуникационные технологии;
- дизайн, архитектура, проектирование;
- консультирование в сфере маркетинга, рекламы, бизнес-процессов и др.;
- финансово-банковские услуги;

— образовательные услуги;

— медицинские услуги;

— государственные услуги.

В свете развития информационно-коммуникационных технологий и модернизации России необходимо выделить профессии, которые будут особенно перспективными для применения дистанционной занятости. Информационно-коммуникационные технологии в сфере образования позволяют производить процесс обучения дистанционно. Преподаватели получают возможность обучать студентов, находящихся в разных концах страны, практически онлайн. Врачи имеют потенциальную возможность первично диагностировать пациентов дистанционно.

Рассматривая распределение дистанционной занятости по регионам, необходимо учитывать развитие интернет-технологий, так как именно Интернет является важной составляющей дистанционной занятости. Следовательно, именно неоднородность развития и проникновения Интернета в России является причиной того, что дистанционная занятость неравномерно развита по регионам.

Процесс оформления и увольнения дистанционных работников отличается рядом особенностей. В частности, с дистанционными сотрудниками может заключаться договор в электронном виде. При этом должна использоваться усиленная квалифицированная электронная подпись. Особое внимание обращает на себя новый для российского права способ взаимодействия дистанционного сотрудника и работодателя — это обмен электронными документами. Причем стороны обязаны использовать усиленные квалифицированные электронные подписи.

Все необходимые документы сотрудник сможет предоставлять в электронном виде, а копию трудового договора ему пришлют заказным письмом. Также введена норма, позволяющая по желанию работника не вносить сведения о дистанционной работе в трудовую книжку. В этом случае документами, подтверждающими период дистанционной работы, будут являться копии трудового договора и приказа о прекращении трудового договора. При увольнении для обмена документами могут использоваться Интернет и электронная подпись, а копию приказа о прекращении трудовых отношений работодателю следует отправить сотруднику обычной почтой. Необходи-

димы продуманные экономические и юридические меры по оформлению отношений между дистанционными работниками и работодателями [2, с. 157–160].

В правоприменительной и судебной практике выявляются проблемы, возникающие в реализации данного вида занятости.

1. Квалифицированная электронная подпись при обмене электронными документами. На заявлении об увольнении, поданном дистанционным работником, должна стоять квалифицированная электронная подпись работника. Это позволяет найти официальную работу на дому и снизить риск мошенничества со стороны работодателей.

2. Неофициальное трудоустройство. Это общая проблема для всей сферы труда. При неофициальном трудоустройстве никто не будет платить пенсионные взносы, а это может серьезно повлиять на размер будущей пенсии. Могут возникнуть также проблемы с оплатой и качеством труда. Ведь может попасться как недобросовестный работодатель, который не

оплатит выполненный труд, так и работник, неверно истолковавший задание.

3. Обеспечение информационной безопасности организации при использовании труда удаленных сотрудников. Угроза утечек информации через удаленных работников достаточно высока, поэтому необходимо проводить инструктаж и качественный отбор заданий, делегируемых дистанционному работнику.

Полагаю, что указанные и иные проблемы дистанционной занятости могут быть преодолены при грамотном применении закона.

Список литературы

1. Байков А. Телеработа как одна из разновидностей гибкой занятости в Латвии [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.baltic-course.com/rus/opinion/?doc=48651>.
2. Васильева Ю. В. Дистанционная занятость и дистанционная работа с позиции Российского трудового права / Ю. В. Васильева, С. В. Шуралева // Рос. ежегодник труд. права. – 2013. – № 9. – С. 385–390.
3. Леденева И. Ю. Преимущества и недостатки дистанционной работы // Молодой ученый. – 2013. – № 2. – С. 157–160.

УДК 347.9

ПЕРСПЕКТИВЫ ОБЪЕДИНЕНИЯ АПК РФ И ГПК РФ В ЕДИНЫЙ ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ КОДЕКС РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Вишневский Андрей Владимирович

зам. зав. кафедрой гражданского, административного судопроизводства
и организации судебной деятельности, ст. преподаватель
Восточно-Сибирского филиала ФГБОУ ВО
«Российский государственный университет правосудия», г. Иркутск
e-mail: vishnevskii_andr@mail.ru

THE PROSPECTS OF UNIFICATION OF THE APC OF THE RF AND THE CPC OF THE RF IN THE UNIFIED CIVIL PROCEDURE CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Andrey Vishnevsky

Deputy Head of the Department of Civil, Administrative Proceedings
and organization of judicial activity, senior lecturer
of the East-Siberian branch of the FSBEI HE
«The Russian State University of Justice», Irkutsk

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена некоторым перспективам объединения ГПК РФ и АПК РФ в единый Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации.

ABSTRACT

The article is devoted to some prospects of unification of the Arbitration Procedure Code of the RF and the Civil Procedure Code of the RF in the Unified Civil Procedure Code of the Russian Federation.

Ключевые слова: арбитражный; гражданский; судебная система; ГПК РФ; АПК РФ; концепция единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации.

Keywords: arbitration; civil; judicial system; Arbitration Procedure Code of the RF; Civil Procedure Code of the RF; the concept of the Unified Civil Procedure Code of the Russian Federation.

Высший Арбитражный Суд Российской Федерации (ВАС РФ) 6 августа 2014 г. был исключен из перечня федеральных судов и из состава арбитражных судов. Соответствующие изменения были внесены в Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 № 1-ФКЗ «О судебной системе РФ», Федеральный конституционный закон от 28.04.1995 № 1-ФКЗ «Об арбитражных судах в РФ» и иные законодательные акты.

Верховный Суд Российской Федерации (ВС РФ) стал единственным высшим судебным органом по гражданским делам, делам по разрешению экономических споров, уголовным, административным и иным делам, подсудным судам общей юрисдикции, арбитражным судам и военным судам.

Ранее судебная практика ВС РФ и ВАС РФ была направлена в противоположные стороны

и только несколько общих вопросов принималось в совместных постановлениях Пленумов, а именно: вопросы по разрешению споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав, о некоторых вопросах применения части первой Гражданского кодекса РФ и др. [3].

Одновременно с ликвидацией ВАС РФ в декабре 2014 г. решением Комитета по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации (ГД ФС РФ) была одобрена концепция единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации.

Основной целью разработки концепции является обеспечение доступного и справедливого правосудия, осуществляемого в разумные сроки с соблюдением процессуальных норм

компетентными и независимыми судьями, гарантированное исполнение судебных актов, что является абсолютным условием демократического развития правового государства, основанного на приоритете прав и свобод человека.

Председатель ВС РФ Вячеслав Лебедев считает, что в структуре арбитражного судопроизводства все должно остаться так, как есть. Не нужно ломать то, что работает нормально. Вместе с тем он отмечает, что практика обеих судебных систем продолжает унифицироваться [4].

Нормы, вступившие в силу в августе 2016 г. и в январе 2017 г., направлены на сближение действующих кодексов: Арбитражного процессуального (АПК РФ) [1] и Гражданского процессуального (ГПК РФ) [2]. По гражданским делам судов общей юрисдикции было введено упрощенное производство, в свою очередь в арбитражную систему введен принцип приказного производства, а также такие институты, как судебный приказ, частное определение и обязательный претензионный порядок.

Кроме того, с января 2017 г. в АПК РФ стал действовать новый институт — отказ в принятии иска (в ГПК РФ такой институт есть, а в АПК он был принят еще в 1992 и 1995 гг., но после утверждения кодекса 2002 г. законодатель отказался от него). Согласно этому институту иск не будет принят к производству, если он не подлежит рассмотрению и разрешению в арбитражном суде; если имеется вступившее в силу принятое по спору между теми же лицами, о том же предмете и по тем же основаниям судебное решение или решение третейского суда.

В проекте единого ГПК РФ предложено сохранить данный институт. Это обусловлено тем, что он подтвердил на практике свою эффективность, поскольку позволяет суду не принимать заведомо не подлежащие к производству заявления на этапе обращения в суд.

Обновление законодательства обычно проводится путем либо кодификации, либо систематизации. Второе — это обобщение существующих норм, первое — разработка новых. Кодификация отличается от систематизации тем, что закладывается новая основа того или иного правового института, а не проводится перепись существующих правил и порядков. Систематизация — это дореформенный Свод законов первой половины XIX в. Кодификация же — это Устав гражданского судопроизводства 1864 г., заложивший принципиально иные основы гражданского процесса, ничего общего не имевшего с дореформенным. Гражданский процессуальный кодекс 1923 г. — это тоже кодификация, установившая новый порядок в условиях иного государственного строя. И ГПК РФ 2003 г. — это тоже кодификация, поскольку введены новые институты, многие старые были реформированы существенным образом в связи с опять-таки изменением общественного строя [6].

Недоумение вызывают предложения авторов Концепции о предпочтительности ограничительного перечня доказательств со ссылкой на «размывание» их видов. Стремительное развитие технических средств давно показало несостоятельность попыток ограниченного перечня доказательств и угрозу снижения возможности участников процесса защищать свои интересы с использованием появляющихся новых форм доказательств.

В то же время представляется обоснованным предложение по включению в процессуальный закон условий, при которых доказательство может быть признано недопустимым (например, получение доказательства от неизвестного источника либо от источника, который не может быть установлен в судебном заседании) [5].

В судах общей юрисдикции увеличится роль принципа состязательности, а именно на стороны может быть возложена обязанность обмена документами и раскрытия доказательств, а также ответчик будет обязан представлять отзыв на исковое заявление.

По вопросу возмещения судебных расходов авторы концепции предлагают отнести к их числу любые расходы, связанные с рассмотрением дела, в том числе затраты как на досудебном этапе (соблюдение досудебного порядка разрешения спора, подготовка позиции по будущему делу), так и после рассмотрения спора по существу (на стадии исполнения судебных актов).

Концепция предлагает предоставить суду кассационной инстанции возможность рассматривать кассационные жалобы без вызова сторон и иных участвующих в деле лиц, на основании письменных материалов дела. Авторы единого кодекса полагают, что отступление от принципа устности судопроизводства будет способствовать реализации принципа

процессуальной экономии и соответствовать принципу законности.

У разработчиков концепции еще нет единого мнения относительно необходимости расширения компетенции суда апелляционной инстанции, не установлены критерии приемлемости, которым должна отвечать кассационная жалоба для пересмотра дела в кассационном порядке [7].

Авторы проекта единого ГПК РФ провели обобщение действующих процессуальных правил, поэтому его направлением является в большей части систематизация процессуальных законов.

Главным достоинством единого ГПК РФ является устранение противоречий и дублирования норм, чтобы избежать правовых коллизий в судопроизводстве.

Изменения, внесенные в указанные кодексы, призваны, в первую очередь, уменьшить загруженность судов и ускорить рассмотрение споров. Поскольку внесенные изменения еще широко не применяются, об их результатах можно будет говорить ближе к осени 2017 г.

На данном этапе развития процесса идет наполнение разделов кодексов отдельными нормами, которые присутствуют у одного, но отсутствуют у другого.

В конечном итоге, когда Гражданский и Арбитражный процессуальный кодексы достаточно дополняют друг друга (совпадение будет близко к 90–95 %), законодатель, возможно,

будет готов рассмотреть концепцию единого ГПК РФ. Но до сих пор многие вопросы остаются нерешенными, а концепция имеет незаконченную модель законодательного акта.

Список литературы

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2017) // КонсультантПлюс [Электронный ресурс] : справочная правовая система.
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 нояб. 2002 г. № 138-ФЗ (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2017) // КонсультантПлюс [Электронный ресурс] : справочная правовая система.
3. Вишневский А. В. Судебная реформа России: арбитражный аспект // Правовая политика современной России: реалии и перспективы : материалы Междунар. науч.-практ. конф. – Иркутск, 2015. – С. 85–89.
4. Лебедев В. Система арбитражей не будет приведена в соответствие с системой СОЮ, сообщил глава ВС [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой инф. – URL: <http://www.pravo.ru/news/view/134756>.
5. Литовцева Ю. Единый ГПК: хотели как лучше [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.justicemaker.ru/view-article.php?art=4941&id=3>.
6. Малешин Д. Смерть «единого ГПК» [Электронный ресурс]. – URL: <http://https://legal.report/author/smert-edinogo-gpk>.
7. Сметанина Л. Единый ГПК: чего не ждали и на что не надеялись? [Электронный ресурс] // Гарант : справочная правовая система.

УДК 347.9

УПРОЩЕННОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО В РОССИИ, ГЕРМАНИИ И КИТАЕ

Иванов Виктор Михайлович

кандидат филологических наук, доцент, магистр права,
доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Восточно-Сибирского филиала
ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия», г. Иркутск
e-mail: vikivanoff@mail.ru

Пяо Мэйшань

кандидат педагогических наук, преподаватель кафедры
гуманитарных и социально-экономических дисциплин Восточно-Сибирского филиала
ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия», г. Иркутск
e-mail: piaoyandex.ru

THE SIMPLIFIED JUDICIAL PROCEDURE IN RUSSIA, GERMANY AND CHINA

Viktor Ivanov

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Master of Laws, Assistant
Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines
of the East-Siberian Branch of the FSBEIHE «The Russian State University of Justice», Irkutsk

Piao Meishan

Candidate of Pedagogical Sciences,
Lecturer of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines
of the East-Siberian Branch of the FSBEIHE «Russian State University of Justice», Irkutsk

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются сравнительно-правовые аспекты правовой природы упрощенных судопроизводств в гражданском и арбитражном процессе России, Германии и Китая.

ABSTRACT

In the article comparative and legal aspects of the legal nature of the simplified procedures in civil and arbitration processing of Russia, Germany and China are considered.

Ключевые слова: упрощенное производство; приказное производство; гражданский процесс; арбитражный процесс.

Keywords: the simplified procedure; writ proceedings; civil process; arbitration process.

В настоящее время в России проблема оптимизации правосудия стоит достаточно остро. Одной из важнейших проблем современного гражданского и арбитражного процессуального права является проблема доступности и эффективности правосудия. Построение новой судебной системы, соответствующей требованиям современной экономики и общества, является одной из важных задач развития государства, итогом решения которой стало бы наличие в нашей стране эффективной, недорогой процессуальной формы, обеспечивающей оперативное и объективное разрешение дел.

В последние годы резко возросло количество рассматриваемых дел. Данный факт вызы-

вает воодушевление, так как увеличение числа подаваемых заявлений свидетельствует о том, что граждане выражают все больше доверия к государственному суду, упрощенное же производство, по замыслу законодателя, призвано способствовать более оперативному разрешению споров, являющихся либо юридически простыми, либо имеющих небольшие по размерам требования. Решение этой задачи обеспечило бы судам возможность более сосредоточенно подходить к рассмотрению сложных, неоднозначных дел (за счет снижения нагрузки на судей), а участникам судебных разбирательств — ввиду отсутствия ряда процессуаль-

ных элементов — экономить время и уменьшить судебные издержки.

Анализ структуры Гражданского процессуального уложения Германии позволил сделать вывод, что законодатель в качестве самостоятельных особых производств рассматривает приказное производство, документарное производство, производство по семейным делам, по третейским делам, вызывное производство, возобновительное производство, в качестве общего производства — исковое, в то же время заочное производство не выделяется в качестве самостоятельного, являясь частью общего процесса, а в теории гражданского процессуального права Германии характеризуется как особая форма или проявление надлежащего, т. е. искового производства. Что касается производства в участковых судах, то оно, хотя и не выделяется в качестве особого производства, как приказное или документарное, однако является самостоятельным процессуальным явлением — производством упрощенной правовой природы, о чем свидетельствует не только название данного института в ГПУ Германии и, собственно, структура последнего, но и его место в общей системе дифференциации судопроизводства. В немецком гражданском процессе упрощенными производствами являются приказное производство (*Mahnverfahren*), документарный процесс (*Urkundenprozess*) и производство в мировых судебных учреждениях — амтсгерихтах (*Verfahren von dem Amtsgericht*).

В Германии заочное решение выносится на основе исследования представленных истцом доказательств, а основанием для отмены такого решения является факт представления ответчиком доказательств, влияющих на сущность вынесенного решения. Юридическое значение для отмены вынесенного заочного решения должен иметь не факт отсутствия ответчика, даже по уважительным причинам, а факт наличия у него доказательств, влияющих на сущность вынесенного заочного решения.

При формировании арбитражного процессуального законодательства Российской Федерации конструкции упрощенных судебных производств были сформированы с позиции факультативности. Как правило, для рассмотрения дела в упрощенной процедуре требовалось либо волеизъявление, либо согласие сторон. В настоящее время отмечается отступление от факультативности упрощенных производств в сторону их обязательности по от-

дельным категориям дел и ограничения прав отдельных участников процесса на возражение против такой формы судопроизводства.

Модернизированный порядок рассмотрения дел в упрощенном производстве в рамках арбитражного процесса без вызова сторон и рассмотрения прежде всего письменных доказательств сделал упрощенные производства в арбитражном процессе в России похожими на упрощенное документарное производство, установленное в ГПУ Германии.

Целесообразность применения упрощенных судебных производств вряд ли вызывает у кого-то сомнения сегодня. Напротив, «отечественный и зарубежный опыт применения указанных судебных форм свидетельствует о нарастающем к ним общественном интересе, необходимости их изучения, заимствования наиболее эффективных форм с точки зрения реализации задач и целей российского судопроизводства» [4, с. 27].

Мировой судебной системе известно несколько видов упрощенных судебных производств. В качестве их основных признаков в литературе выделяют: упрощенные методы начала судебного разбирательства; проведение судебного разбирательства без заседаний, или проведение только одного заседания, или, в зависимости от обстоятельств, проведение предварительного подготовительного заседания; проведение исключительно письменного судопроизводства; запрет или ограничение некоторых возражений и объяснений, запрет использования определенных средств доказывания; а также формы вынесения постановления и ряд других.

Если обобщить все точки зрения по поводу признаков упрощенных судебных производств, то можно назвать следующие признаки, присущие упрощенным производствам:

- упрощенные методы начала судебного разбирательства;
- проведение судебного разбирательства без заседаний, или проведение только одного заседания, или, в зависимости от обстоятельств, проведение предварительного подготовительного заседания;
- проведение исключительно письменного судопроизводства;
- запрет или ограничение некоторых возражений и объяснений, запрет использования определенных средств доказывания;
- более гибкие правила дачи показаний;
- изменение порядка обжалования;

– факультативность применения;
– упрощенные методы ведения заседания, протокола, а также формы вынесения постановления.

Отметим, что «все перечисленные признаки не могут присутствовать ни в одном упрощенном судебном производстве одновременно, а зависят чаще всего от вида упрощенного производства, именно совокупность нескольких признаков характеризует существование определенного упрощенного производства» [5, с. 6].

Не вызывает сомнения у большинства исследователей арбитражного и гражданского процесса отнесение к упрощенной форме приказного производства, а также упрощенного производства в арбитражном процессе. Многими в качестве упрощенного судопроизводства называется разбирательство у мирового судьи. Некоторые относят к данному производству заочное и особое производство, исполнительную надпись нотариуса, а также обеспечительные меры, промежуточные и частичные решения, единоличное рассмотрение дела и рассмотрение в отсутствие ответчика. Существует также мнение об отнесении «предварительного судебного заседания» к упрощенной процедуре рассмотрения дела, которая «может быть использована по делам, которые не требуют какой-то огромной доказательственной базы» [3, с. 11].

Применительно к гражданскому процессу исследования проблемы ведутся в отношении приказного производства. Здесь мнения существенно разнятся. Это обусловлено, с одной стороны, уже достаточно длительным и успешным использованием данного упрощенного производства в российском гражданском процессе, а с другой – отсутствием в нем основной стадии гражданского процесса – стадии судебного разбирательства.

Упрощение процессуальной формы позволило ряду исследователей определять приказ как «постановление суда, выносимое вне рамок процессуальной формы и не являющееся актом правосудия». Вторая точка зрения диаметрально противоположна. «Производство по выдаче судебного приказа о взыскании с должника задолженности по подтвержденным документально бесспорным требованиям проводится в упрощенной процессуальной форме» или в специфической гражданской процессуальной форме, образующейся «из совокупности общих изъятий из общих пра-

вил судопроизводства» или «с соблюдением минимальных требований гражданской процессуальной формы». И здесь «суд, от имени которого единолично действует судья, осуществляет правосудие и выступает в качестве субъекта процесса», и «судебный приказ является вполне самостоятельным судебным актом, в котором реализуется задача судебной власти в гражданском процессе – защита прав взыскателя» [8, с. 9]. Представляется возможным присоединиться к данной точке зрения и расценивать приказное производство в качестве упрощенной гражданской процессуальной формы.

В действующем законодательстве закреплены три группы категорий дел, которые рассматриваются в порядке упрощенного судопроизводства.

1. Требования, не превышающие определенной суммы, ранее данная категория была закреплена как малозначительные требования.

Следует учитывать, что в соответствии с разъяснениями Пленума ВАС РФ согласно ч. 1 ст. 103 АПК РФ в цену иска включаются также указанные в исковом заявлении суммы неустойки (штраф, пени) и проценты, а цена иска, состоящего из нескольких самостоятельных требований, определяется суммой всех требований. Правило о цене иска, установленное для юридических лиц, применяется и в отношении требований, предъявляемых к публично-правовым образованиям.

2. Требования, вне зависимости от цены иска, но основанные на совершенном нотариусом векселе в неплатеже или основанные на представленных документах, устанавливающих денежные обязательства, которые признаются ответчиком, но не исполняются им; данная группа требований именуется бесспорными требованиями.

3. Иные требования, но только в том случае, если стороны согласны на рассмотрение дела в порядке упрощенного судопроизводства. При этом согласие сторон на рассмотрение дела в порядке упрощенного производства должно быть очевидным, например следовать из письменного либо зафиксированного в протоколе заявления стороны [7, с. 21].

В соответствии с ч. 4 ст. 227 АПК РФ не подлежат рассмотрению в порядке упрощенного производства дела по корпоративным спорам, дела о защите прав и законных интересов группы лиц.

В Китайской Народной Республике разрешение споров в судебном порядке осуществляется Народным судом Китая в соответствии с положениями закона. «Если гражданин, юридическое лицо или другая организация считают, что их права или интересы были нарушены, или у них возник спор с другим человеком, они могут обратиться с гражданским иском в Народный суд и попросить у него рассмотреть дело по закону и предоставить правовую защиту. Юридическим основанием для этого является «Гражданско-процессуальный кодекс КНР», принятый 9 апреля 1991 г. на 4 собрании 7-го созыва Всекитайского Собрания народных представителей. Если граждане, юридические лица и другие организации считают, что действия государственных административных органов или их работников нарушают их законные права и интересы, они имеют право подать административный иск в Народный суд. Юридическим основанием для этого является «Административно-процессуальный кодекс КНР, принятый 4 апреля 1989 г. на 2 собрании 7-го созыва Всекитайского Собрания народных представителей» [6].

В ГПК КНР изменения вносились в 2007 и 2012 гг. Последние изменения вступили в силу с 1 января 2013 г. Изменения коснулись упрощенного производства и исполнительного производства. «С 1 января 2013 г. у сторон появилась возможность заключить прогнатионное соглашение о выборе упрощенного производства при разрешении гражданского спора. Еще одно дополнение касается мелких споров: теперь при разрешении мелких споров решение, вынесенное судом первой инстанции, является окончательным и немедленно вступает в законную силу» [2].

Глава 13 разд. II Гражданско-процессуального кодекса КНР посвящена упрощенному судопроизводству. Установления данной главы применяются при разбирательстве народными судами простых гражданских дел с очевидными фактами, выясненными правоотношениями и по незначительным спорам. Согласно ст. 143 истец может по простым гражданским делам предъявлять иск в устной форме. «Обе стороны могут одновременно явиться в народный суд основной ступени или сформированную им судебную па-

лату с просьбой разрешить спор. Народный суд или сформированная им судебная палата может рассмотреть дело сразу или назначить его рассмотрение на другое время» [1].

Но согласно ст. 146 «при рассмотрении народным судом дел в порядке упрощенного судопроизводства решение должно быть вынесено в течение тридцати дней со дня возбуждения гражданского дела» [1]. Статья 145 предусматривает действия судьи при рассмотрении дел в порядке упрощенного судопроизводства: «Простые гражданские дела рассматриваются судьей единолично, без ограничений, установленных ст. 122, 124 и 127» [1].

Проведенный анализ признаков и целей упрощенного производства свидетельствует о том, что сущность упрощенного производства заключается в возможности оптимизации процесса, позволяющего государству акцентировать внимание на быстром разрешении спора в целях обеспечения интересов личности, общества и государства.

Список литературы

1. Гражданский процессуальный кодекс КНР [Электронный ресурс]. – URL: http://chinalawinfo.ru/procedural_law/law_civil_procedure/law_civil_procedure_p2_ch13.
2. Бажанов П. Вышла книга «Гражданский процессуальный кодекс КНР» [Электронный ресурс]. – URL: <http://blog.pravo.ru/blog/29515.html>.
3. Грибанов Ю. Ю. Рассмотрение дел в порядке упрощенного производства в гражданском и арбитражном процессе: Сравнительное исследование правовых систем России и Германии: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Ю. Ю. Грибанов. – Томск, 2007. – 23 с.
4. Дячук Е. В. К вопросу об унификации процессуальных норм на примере упрощенных форм арбитражного и гражданского судопроизводства // Арбитраж. и гражд. процесс. – 2014. – № 3. – С. 27–32.
5. Сивак Н. В. Упрощенное производство в арбитражном процессе / Н. В. Сивак. – М.: Проспект, 2011. – 390 с.
6. Суды в Китае [Электронный ресурс]. – URL: <http://china-lawyer.ru/sudy-v-kitae1>.
7. Фарафонтowa Е. Упрощенное судопроизводство в арбитражном процессе: тенденции развития // Административ. право. – 2013. – № 4. – С. 21–25.
8. Шадловская О. Д. Приказное производство как упрощенная форма гражданского судопроизводства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / О. Д. Шадловская. – М., 2015. – 32 с.

УДК 349.2

СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ ПРИ РАСТОРЖЕНИИ ТРУДОВОГО ДОГОВОРА ПО п. 7 ст. 77 ТРУДОВОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Мальханова Елена Валерьевна

*прокурор отдела по обеспечению участия прокуроров в гражданском процессе
управления по обеспечению участия прокуроров в гражданском и арбитражном процессе
Прокуратуры Иркутской области, советник юстиции
e-mail: malhanova@irkproc.ru*

DISPUTE ISSUES OF ENFORCEMENT WITH THE TERMINATION OF THE LABOR CONTRACT ON Article 77 (7) OF THE LABOR CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Elena Malhanova

*prosecutor of the department for ensuring
the participation of prosecutors in the civil process management of ensuring the participation
of prosecutors in civil and arbitration proceedings
The prosecutor's office of the Irkutsk region, counselor of justice*

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассмотрены проблемы толкования положений Трудового кодекса Российской Федерации, а также сложности правоприменительной практики судов в разграничении перевода работника на иную работу от изменения условий трудового договора и, как следствие, право работодателя на расторжение трудового договора за отказ работать в новых условиях по п. 7 ст. 77 Трудового кодекса РФ (ТК РФ). На основе проведенного исследования автором предлагается обеспечить единообразный подход к квалификации изменения определенных сторонами условий трудового договора, в части изменения структурного подразделения, определенного трудовым договором, на структурное подразделение, расположенное в иной местности, как перевод на другую работу.

ABSTRACT

This article discusses the problems of interpreting the provisions of the Labor Code of the Russian Federation, as well as the complexity of law enforcement practice of courts in distinguishing the worker's transfer to another job from changing the conditions of the employment contract and, as a consequence, the employer's right to terminate the employment contract for refusing to work under the new conditions under clause 7 Article 77 of the Labor Code of the Russian Federation. On the basis of the study, the author proposes to ensure a uniform approach to the qualification of changes in the terms of the employment contract determined by the parties, in terms of changing the structural subdivision determined by the employment contract for a structural unit located in another locality as a transfer to another job.

Ключевые слова: расторжение трудового договора; перевод на другую работу; увольнение; изменение условий трудового договора.

Keywords: termination of employment contract; transfer to another job; dismissal; changing the terms of the employment contract.

Право каждого человека свободно распоряжаться своими способностями к труду гарантировано ст. 37 Конституции Российской Федерации [1]. Свобода труда обеспечивается, в том числе, запретом принудительного труда, произвола работодателя по изменению условий труда и трудовой функции в принудительном порядке.

Согласно Конвенции № 29 Международной организации труда от 28.06.1930 «Относительно принудительного или обязательного труда», под принудительным трудом понимается всякая работа или служба, требуемая от какого-либо лица под угрозой какого-либо наказания и для которой это лицо не предложило добровольно своих услуг [2].

В соответствии с п. 16 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17.03.2004 № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» работодатель не вправе требовать от работника выполнения работы, не обусловленной трудовым договором, кроме случаев, предусмотренных **Кодексом** и иными федеральными законами, а также переводить работника на другую работу (постоянную или временную) без его письменного согласия, за исключением случаев, предусмотренных **частями второй и третьей** ст. 72.2 Кодекса [4].

Как указал Конституционный Суд РФ в определении от 23.05.2006 № 149-О, Трудовой кодекс Российской Федерации, гарантируя защиту от принудительного труда, в ч. 1 ст. 72 предусмотрел запрет перевода работника на другую постоянную работу в той же организации по инициативе работодателя, т. е. изменение трудовой функции или существенных условий трудового договора, перечисленных в ч. 2 ст. 57, без письменного согласия работника.

В соответствии со ст. 15, 57 ТК РФ под трудовой функцией понимается работа по должности в соответствии со штатным расписанием, профессией, специальностью с указанием квалификации, должности, конкретного вида поручаемой работнику работы [3].

Согласно ч. 2 ст. 57 ТК РФ обязательным для включения в трудовой договор является условие о месте работы, а в случае, когда работник принимается для работы в филиале, представительстве или ином обособленном структурном подразделении организации, расположенном в другой местности, – о месте работы с указанием наименования обособленного структурного подразделения и его местонахождения.

Постоянное или временное изменение структурного подразделения, в котором работает работник (если структурное подразделение указано в трудовом договоре) при продолжении работы у того же работодателя, согласно ч. 1 ст. 72.1 ТК РФ, является переводом.

Перевод на другую работу допускается только с письменного согласия работника, за исключением случаев, предусмотренных ч. 2 и 3 ст. 72.2 ТК РФ (в связи с катастрофой природного или техногенного характера, производственной аварией и т. п., а также в случаях простоя, необходимости предотвращения уничтожения или порчи имущества и т. п.).

Соглашение об изменении определенных сторонами условий трудового договора заключается в письменной форме.

Вместе с тем условие о структурном подразделении, указанное в трудовом договоре, может быть изменено по инициативе работодателя в порядке, предусмотренном ст. 74 ТК РФ. При этом работодатель имеет право изменить в одностороннем порядке условия трудового договора, если эти изменения не касаются условий, определяющих трудовую функцию работника, и только при наличии причин, связанных с изменением организационных или технологических условий труда, когда сохранение в трудовом договоре прежнего условия о структурном подразделении невозможно (п. 21 Постановления Пленума ВС РФ от 17.03.2004 № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» [4]).

Под структурными подразделениями следует понимать как филиалы, представительства, так и отделы, цеха, участки и т. д., а под другой местностью – местность за пределами административно-территориальных границ соответствующего населенного пункта.

Между тем при юридической квалификации изменений условий трудового договора возникают сложности в разграничении перевода работника на иную работу от изменения условий трудового договора и, как следствие, неоднозначные выводы при формировании вывода о возможности увольнения работника по п. 7 ст. 77 ТК РФ.

Так, Постановлениями президиума Иркутского областного суда от 23 мая 2016 г. и 20 июня 2016 г. отменены судебные постановления апелляционной инстанции, которыми отказано спасателям Аварийно-спасательной службы Иркутской области в восстановлении на работе [5].

Фактически, в результате проводимых оргштатных мероприятий по созданию нового структурного подразделения, спасатели, проработавшие не менее 13 лет в отряде экстренного реагирования ОГБУ Аварийно-спасательная служба Иркутской области (расположенного в г. Иркутске и установленного условиями трудового договора), незаконно переведены на другие должности в иной местности, а в последующем уволены за отказ работать в новых условиях по п. 7 ст. 77 ТК РФ.

Работодатель, без согласия сотрудников, осуществил перевод их из структурного подразделения, указанного в трудовом договоре и расположенного в г. Иркутске, в иное структурное подразделение, расположенное в г. Зиме. Более того, суду не предоставлены доказательства неизменности трудовой функции, ввиду отсутствия утвержденных должностных инструкций спасателей во вновь введенном поисково-спасательном отряде в г. Зиме. Документы, подтверждающие фактическое создание, местонахождение нового структурного подразделения, а также устанавливающие функции, условия, режим работы спасателя во вновь создаваемом подразделении, в материалы дела не представлены. Отсутствие указанных документов, при обязанности работодателя доказать законность увольнения, является основанием для формирования выводов о недоказанности работодателем наличия оснований для увольнения.

Судом апелляционной инстанции не учтено, что законодательством не предусмотрено право работодателя расторгать трудовые отношения по п. 7 ст. 77 ТК РФ в случае отказа от перевода. При отказе от перевода ТК РФ регламентирована возможность увольнения только в 2 случаях: в случае перевода в соответствии с медицинским заключением и в случае перевода в другую местность вместе с работодателем по п. 8 и 9 ст. 77 ТК РФ.

В соответствии с ч. 3 ст. 72 ТК РФ не является переводом на другую постоянную работу и не требует согласия работника перемещение его в той же организации на другое рабочее место, в другое структурное подразделение этой организации в той же местности, поручение работы на другом механизме или агрегате, если это не влечет за собой изменения трудовой функции и изменения существенных условий трудового договора.

Как следует из содержания данной нормы в системной связи с другими положениями ТК РФ, она допускает перемещение работника без его согласия лишь постольку, поскольку работник продолжает выполнять обусловленную трудовым договором работу (трудовую функцию) и никакие существенные условия трудового договора, установленные по соглашению сторон, не изменяются.

Таким образом, изменение рабочего места посредством перевода в иное структурное подразделение, расположенное в иной местности,

является переводом и не может быть осуществлено без письменного согласия работника, а в случае отсутствия такового не дает работодателю права на увольнение по п. 7 ст. 77 ТК РФ. Отказ работника от перевода может повлечь его увольнение только в предусмотренных законом случаях (п. 8, 9 ч. 1 ст. 77 ТК РФ).

Указанные правовые ошибки послужили основанием для возвращения дела на рассмотрение в суд апелляционной инстанции, которым, при новом рассмотрении, сотрудники восстановлены на работе.

Также в судебной практике возникают проблемы в оценке основания применения работодателем возможности изменения установленных трудовым договором условий.

В соответствии со ст. 74 ТК РФ изменение условий трудового договора (за исключением трудовой функции) по инициативе работодателя допускается в случае, когда по причинам, связанным с изменением организационных или технологических условий труда (изменения в технике и технологии производства, структурная реорганизация производства, другие причины), определенные сторонами условия трудового договора не могут быть сохранены [3].

Вместе с тем в ч. 1 ст. 74 ТК РФ не раскрывается, что следует понимать под причинами, связанными с изменением организационных или технологических условий труда, что рождает неоднозначное судебное толкование.

В пункте 21 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17.03.2004 № 2 (ред. от 24.11.2015) «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» судам разъяснено, что работодатель обязан представить доказательства, подтверждающие, что изменение определенных сторонами условий трудового договора явилось следствием изменений организационных или технологических условий труда, например изменений в технике и технологии производства, совершенствования рабочих мест на основе их аттестации, структурной реорганизации производства и не ухудшало положения работника по сравнению с условиями коллективного договора, соглашения [4]. При отсутствии таких доказательств, прекращение трудового договора по п. 7 ч. 1 ст. 77 Кодекса или изменение определенных сторонами условий трудового договора не может быть признано законным.

Вместе с тем трудовое законодательство не дает определения понятию «структурная реорганизация». В то же время, как показывает практика, в целях применения порядка, предусмотренного ст. 74 ТК РФ, под этим термином можно понимать изменение организационной структуры предприятия, организационно-штатные мероприятия, связанные с перемещением должностей внутри структуры организации (например, из одного структурного подразделения в другое, если структурное подразделение не являлось условием трудового договора и (или) расположено в той же местности).

Так, судебной коллегией по гражданским делам Иркутского областного суда Иркутской области 10 ноября 2016 г. отменено решение Усть-Кутского городского суда о восстановлении на работе лица, уволенного по п. 7 ч. 1 ст. 77 ТК РФ [5].

Удовлетворяя требования истца о восстановлении на работе, суд первой инстанции исходил из того, что фактически на предприятии изменение организационных или технологических условий труда не произошло. Однако в материалы дела предоставлен приказ директора организации об изменении организационной структуры предприятия, выразившейся в изменении статуса структурного подразделения – оперативно-диспетчерской службы с переподчинением его в качестве отдела административно-управленческого подразделения. Должность, занимаемая истцом, сохранена в оперативно-диспетчерской службе как отделе административно-управленческого персонала, без изменения трудовой функции и местности исполнения трудовых обязанностей.

Фактически ответчиком проведены организационно-штатные мероприятия по изменению штатного расписания организации с сохранением должности истца и изменением оплаты труда. Судом апелляционной инстанции указано, что изменение структуры, штатного расписания относится к исключительной компетенции работодателя, а отказ работника продолжить работу в новых условиях – основанием для увольнения по п. 7 ч. 1 ст. 77 ТК РФ. По итогам рассмотрения, в удовлетворении требований о восстановлении на работе отказано.

В соответствии с ч. 2 ст. 74 ТК РФ, о предстоящих изменениях условий трудового договора, а также о причинах, вызвавших необходимость такого изменения, работодатель обя-

зан уведомить работника в письменной форме не позднее, чем за два месяца.

Специальной формы уведомления законодательством не предусмотрено, поэтому работодатель разрабатывает ее самостоятельно. Отсутствие четкой регламентации трудовым законодательством необходимых сведений, которые должны быть изложены в уведомлении об изменении условий трудового договора, вызывает трудности в их оценке судом.

Судебное толкование «надлежащего» уведомления показывает, что оно должно быть адресовано персонально работнику, содержать информацию о происходящих изменениях структуры (штатного расписания, новом названии его структурного подразделения, изменении условий по оплате труда и др.), а также разъяснение о возможности отказаться от продолжения работы в новых условиях и о последствиях такого отказа. Уведомление должно быть вручено под роспись и именно с момента ознакомления подлежит исчислению двухмесячный срок, по истечении которого работник может быть уволен. Получение работником уведомления об изменении условий трудового договора подтверждается его подписью на копии этого уведомления, а в случае отказа работника от подписания уведомления – актом об ознакомлении и отказе от подписи.

Так, судебной коллегией по гражданским делам Иркутского областного суда отменено решение Усольского городского суда о восстановлении на работе, вынесенное в связи с ненадлежащим уведомлением лица о предстоящих изменениях условий трудового договора и непредоставлением ответчиком доказательств изменений организационных или технологических условий труда.

Судом установлено, что коллективным договором организации принят единый порядок организации оплаты труда на основе применения Единой тарифной сетки. В рамках организационно-штатных мероприятий внесены изменения в штатные расписания предприятия по категориям персонала с изменением окладов директоров филиалов, в зависимости от количества условных единиц электротехнического оборудования, находящегося на территории обслуживания филиала, в связи с чем оклад истца подлежал уменьшению.

Удовлетворяя иски требования, суд первой инстанции исходил из того, что уведомление истца работодателем о предстоящих

изменениях условий трудового договора произведено с нарушением двухмесячного срока. При этом уведомление работодателя, направленное работнику за два месяца до предстоящих изменений, признано судом ненадлежащим, так как информация о предстоящих изменениях не обеспечивает в полной мере право работника на получение необходимой информации согласно ч. 2 ст. 74 ТК РФ.

Вопреки указанным выводам, судом апелляционной инстанции при изучении уведомления установлено, что оно содержит сведения о структурной реорганизации, утвержденной приказом генерального директора, определенными сторонами условия трудового договора об оплате труда, которое не может быть сохранено. В связи с чем истцу предложено заключить дополнительное соглашение к трудовому договору, а также работник предупрежден о расторжении трудового договора на основании п. 7 ст. 77 ТК РФ в случае отказа от продолжения работы в новых условиях с выплатой выходного пособия. Судебной коллегией обоснованно указано, что работодатель не обязан в уведомлении обосновывать целесообразность имевшей место структурной реорганизации на предприятии. В связи с отсутствием согласия работать в новых условиях, работодатель в письменной форме предложил истцу другую

имеющуюся у него работу (вакантные должности, соответствующие квалификации работника, а также и нижестоящую и нижеоплачиваемую работу), которую работник может выполнять с учетом его состояния здоровья. Истец не выразил согласия на их занятие, в связи с чем был уволен.

Данные факты послужили основанием для отмены судебного акта и отказа в удовлетворении требований истца в полном объеме.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации : принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. // Рос. газ. – 1993. – 25 дек.
2. Относительно принудительного или обязательного труда : Конвенция № 29 Междунар. организации труда (принята в г. Женеве 28.06.1930 на 14-й сессии Генеральной конференции МОТ) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справочная правовая система.
3. Трудовой кодекс Российской Федерации : от 30 дек. 2001 г. № 197-ФЗ // Рос. газ. – 2001. – 31 дек.
4. О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17 марта 2004 г. № 2 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справочная правовая система.
5. Материалы гражданских дел, рассмотренных с участием прокурора за 2015–2016 гг. // Архив Прокуратуры Иркутской области.

УДК 347.9

ИНИЦИАТИВА СУДА И СУДЕЙСКОЕ УСМОТРЕНИЕ В ГРАЖДАНСКОМ И АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ

Некрасов Сергей Юрьевич

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского, административного судопроизводства
и организации судебной деятельности Восточно-Сибирского филиала
ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия», г. Иркутск,
арбитр Иркутского отделения Международного коммерческого арбитражного суда при ТПП РФ
e-mail: vip.nekrasov1963@mail.ru

INITIATIVE OF THE COURT AND THE JUDICIAL CONSIDERATION IN THE CIVIL AND ARBITRATION PROCESS

Sergey Nekrasov

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Civil,
Administrative Proceedings and Organization of Judicial Activity The East-Siberian branch
of the FSBEI HE «The Russian State University of Justice», Irkutsk,
The referee of Irkutsk branch International commercial arbitration court at the CCI of the Russian Federation

АННОТАЦИЯ

Изменившееся судоустройство повлияло и на цивилистический процесс. Верховный Суд Российской Федерации в своих постановлениях все больше уделяет внимание процессуальной активности суда. Инициатива суда стала возможна и в тех случаях, когда стороны этого не хотят. Состязательность сторон и процессуальная активность суда направлены на установление обстоятельств дела и вынесения справедливого решения. Предлагается законодательно закрепить судебское усмотрение (инициативу суда) в действующем процессуальном законодательстве.

ABSTRACT

Changed the judicial system have affected civil process. Supreme court of the Russian Federation in its rulings more and more pays attention to the procedural activity of the court. The court's initiative became possible in cases where the parties do not want. Competitiveness of the parties and the procedural activity of the court is directed to establish the circumstances of the case and make a fair decision. It is proposed to legislate judicial discretion (court's initiative) in the current procedural legislation.

Ключевые слова: инициатива суда; судебское усмотрение; процессуальная активность суда; гражданский процесс; арбитражный процесс.

Keywords: the initiative of the court; judicial discretion; procedural activity of the court; civil process; arbitration process.

Изменившееся судоустройство не устранило существующие проблемы в определении границ активности лиц, участвующих в деле, и инициативы суда при рассмотрении дел по правилам Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (ГПК РФ) [2] и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (АПК РФ) [3].

Красной нитью в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» (далее – Постановление Пленума ВС РФ от 23.06.2015 № 25) [4] в аспекте инициативы суда

проходит тема усиления его процессуальной активности при отсутствии активной позиции сторон. В абзаце 4 п. 1 Постановления Пленума ВС РФ от 23.06.2015 № 25 указано, что поведение одной из сторон может быть признано недобросовестным не только при наличии обоснованного заявления другой стороны, но и по инициативе суда, если усматривается очевидное отклонение действий участника гражданского оборота от добросовестного поведения. В этом случае суд при рассмотрении дела выносит на обсуждение обстоятельство, явно свидетельствующее о таком недобросовестном поведении, даже если стороны на них не ссылались (ст. 56 ГПК РФ, ст. 65 АПК РФ).

Устанавливая наличие или отсутствие «доброй совести», суд как субъект познания и доказывания, защитник прав, свобод и интересов, стремясь к справедливому и истинному решению, занимает активную позицию. Эта активная процессуальная позиция суда обязывает его вынести на обсуждение обстоятельства дела, даже если сторона в процессе на них не ссылалась. Здесь присутствует и судебское усмотрение, выраженное в том, что при установлении обстоятельств дела и предоставлении (сборе) доказательств суд обязан, теперь по своей инициативе, производить эти действия.

Состязательность сторон и процессуальная активность суда в настоящее время, таким образом, направлены на установление фактических обстоятельств дела. Установив обстоятельства дела, суд с учетом конкуренции принципов (например, законность, добросовестность, справедливость) выбирает один и применяет нормы права. Эта инициатива суда требует мотивировки.

Судейское усмотрение, таким образом, не только право судьи, но и его обязанность. Пробелы в праве и судебная практика не ограничивают пределы его усмотрения.

Действующее процессуальное законодательство предписывает судье обязанность мотивировать судебные акты в целом и доводы, по которым судья отвергает те или иные доказательства (ст. 195, 196, 198 ГПК РФ). Судья, проверяя правомерность юридических (исковых) требований, обязан мотивировать усмотрение. Обязан судья мотивировать и отказ в применении судебного усмотрения. Для этого в процессуальном законодательстве должно быть четкое по этому поводу указание. Формулировки, приведенные в ч. 1 ст. 196 и ч. 4 ст. 198 ГПК РФ, не могут должным образом решить этот вопрос.

Чтобы решить данный вопрос, ч. 1 ст. 196 ГПК РФ следует изложить в следующей редакции: «При принятии решения суд по заявлению сторон и по собственной инициативе оценивает доказательства, определяет, какие обстоятельства, имеющие значение для рассмотрения дела, установлены и какие обстоятельства не установлены, каковы правоотношения сторон, какой закон должен быть применен по данному делу и подлежит ли иск удовлетворению».

Часть 4 ст. 198 ГПК РФ также следует дополнить обязанностью суда мотивировать

применение судебного усмотрения, изложив вышеуказанную норму следующим образом: «В мотивировочной части решения суда должны быть указаны установленные по заявлению сторон и инициативе суда обстоятельства дела, доказательства, на которых основаны выводы суда об этих обстоятельствах; доводы, по которым суд отвергает те или иные доказательства; законы, которыми руководствовался суд». Аналогичное изменение следует внести и в АПК РФ.

Инициатива суда первой инстанции требует не только мотивировки, но и защиты в апелляционной, кассационной и надзорной инстанциях. Если вышеуказанные инстанции придут к другим выводам в части проявленной судом первой инстанции инициативы, то они должны указать соответствующие мотивы при отмене судебного акта суда первой инстанции. Это правило следует закрепить в соответствующих разделах и главах ГПК РФ и АПК РФ.

Во-первых, судебское усмотрение, его формы и пределы сводятся к инициативе суда, которая проявляется в самостоятельной (без заявления сторон) оценке исковых и доказательственных фактов (п. 1, 71, 79, 100, 106 Постановления Пленума ВС РФ от 23.06.2015 № 25).

Во-вторых, в толковании и последующей конкретизации в ситуации неопределенности правовой нормы. Применительно к теме данной статьи – это выбор способа защиты гражданских прав и ошибка заявителя (истца) при ссылке на норму права (п. 3 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации и Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 29.04.2010 № 10/22 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав», п. 9 Постановления Пленума ВС РФ от 23.06.2015 № 25, определение Верховного Суда Российской Федерации от 19.11.2015 № 305-ЭС15-8490 по делу Арбитражного суда города Москвы № А40-97280/2014).

В-третьих, это применение судьей аналогии закона или права, а также судебное прецедентное правотворчество.

Инициатива суда в цивилистическом процессе – это его обязанность, и она должна применяться широко не только по гражданским делам, в случаях, предусмотренных п. 1, 71, 79, 100, 106 Постановления Пленума ВС РФ от 23.06.2015 № 25, а всегда, где у суда есть

необходимость достоверно установить фактические обстоятельства дела (гражданского, семейного, трудового, корпоративного и т. д.).

Следующий подход Верховного Суда Российской Федерации также расширил судебское усмотрение при определении способа защиты судом. Посмотрим п. 9 Постановления Пленума ВС РФ от 23.06.2015 № 25, где указано, что ст. 12 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ) [1] предусмотрен перечень способов защиты гражданских прав. Иные способы защиты гражданских прав могут быть установлены законом.

Если при принятии искового заявления суд придет к выводу о том, что избранный истцом способ защиты права не может обеспечить его восстановление, данное обстоятельство не является основанием для отказа в принятии искового заявления, его возвращения либо оставления без движения. В соответствии со ст. 148 ГПК РФ или ст. 133 АПК РФ на стадии подготовки дела к судебному разбирательству суд выносит на обсуждение вопрос о юридической квалификации правоотношения для определения того, какие нормы права подлежат применению при разрешении спора.

По смыслу ч. 1 ст. 196 ГПК РФ или ч. 1 ст. 168 АПК РФ суд определяет, какие нормы права следует применить к установленным обстоятельствам. Суд также указывает мотивы, по которым не применил нормы права, на которые ссылались лица, участвующие в деле. В связи с этим ссылка истца в исковом заявлении на не подлежащие применению в данном деле нормы права сама по себе не является основанием для отказа в удовлетворении заявленного требования.

Согласно абз. 13 ст. 12 ГК РФ при рассмотрении споров, связанных с защитой гражданских прав, суд не применяет противоречащий закону акт государственного органа или органа местного самоуправления, независимо от признания этого акта недействительным.

Наиболее ярко судебское усмотрение в цивилистическом процессе проявляется в сложных юридических составах, когда в основании требования лежит неоспоренный акт государственного органа, органа местного самоуправления, или действие (бездействие) их должностных лиц, либо решение собрания или локальный акт трудового права.

Проблема вида производства в делах, где в основании спорного правоотношения лежит

сложный юридический состав, не может быть разрешена путем разделения заявленного требования на элементарные требования с отнесением их рассмотрения в разные судопроизводства. Такой подход противоречил бы духу закона. Данная проблема должна сводиться именно к выбору вида судопроизводства для рассмотрения единого материально-правового требования.

Критерием же такого выбора должен служить характер нарушенного права или охраняемого интереса либо существо самого требования. Если рассмотрение вопроса о нарушении праве требует применения исковой формы судебного процесса, данный вид судопроизводства должен применяться ко всей правоохранительной процедуре, вплоть до вынесения решения. Если существо заявленного требования с неизбежностью влечет за собой возбуждение дела, возникающего из административных и иных публичных отношений, соответствующий вид судопроизводства и должен применяться ко всему процессу, вплоть до удовлетворения или отказа в заявленном требовании заявителю. Только такой подход может обеспечить надлежащую защиту права без искажения существа заявленного материально-правового требования в зеркале процессуальной формы.

Актуальная процессуальная форма, не адаптированная специально для таких споров, являет невозможность полноценной защиты слабой стороны.

Защита права требует смешения иска и оценки (неприменения – абз. 13 ст. 12 ГК РФ) актов государственных органов, однако такой формы цивилистический процесс не знает.

Требование об оспаривании акта отделено от искового требования. По нашему мнению, в исковом производстве есть основания говорить о судебском усмотрении, формально оно допустимо и по делам, возникающим из административных и иных публичных правоотношений.

Однако в основе указанного ограничения не лежат какие бы то ни было непреодолимые препятствия для совмещения исковой формы защиты и проверке законности и обоснованности действий (бездействия) государственных органов, решений собраний и актов трудового права.

При рассмотрении гражданских, трудовых, семейных, земельных, корпоративных споров искового производства и административных исков (заявлений) по делам, возникающим из

административных и иных публичных правоотношений, суд, по нашему мнению, решает одну задачу – разрешить спор о праве.

Проверка законности и обоснованности ненормативного акта, действия (бездействия) без разрешения спора по существу (взыскания, например, убытков на основании ст. 16 ГК РФ) не способно обеспечить защиту нарушенных прав. Предъявление административного иска (заявления) является косвенной защитой. Для восстановления нарушенных прав потребуются обращение в суд с иском заявлением в порядке гражданского судопроизводства.

Требование о признании сделки недействительной (спор о праве гражданском), когда в основание требования входит факт принятия ненормативного акта властного органа, не может быть рассмотрено без оценки его на законность (п. 9 Постановления Пленума ВС РФ от 23.06.2015 № 25).

Суд, таким образом, исходя из задач гражданского судопроизводства (ст. 2 ГПК РФ), должен не только разрешить спор о праве, но и проверить законность актов, действий (бездействия) государственных, муниципальных органов и их должностных лиц.

Правильно определить правовую природу спора должны не только стороны (п. 1 ст. 9 ГК РФ), но и суд. При ошибке в форме обращения в суд: иском заявлением (ГПК РФ, АПК РФ), административном иске (Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации), заявлении по делам из публичных правоотношений (гл. 24 АПК РФ) – адекватного процессуального механизма ее исправления нет.

Поэтому законодательно следует закрепить: если заинтересованное лицо просит признать недействительным акт, действие (бездействие), это административный иск или дело из публичных правоотношений. Нарушение формы обращения в суд (обращение с иском заявлением вместо административного иска) и ошибочное изложение его предмета должны быть основанием для оставления его без движения.

По нашему мнению, если в иском заявлении соединены два требования, связанные между собой, одно из которых направлено на защиту субъективного гражданского права, а другое – на защиту субъективного публичного права, то оно должно быть рассмотрено по правилам искового производства (п. 3 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации и Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 29.04.2010 № 10/22 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав», п. 9 Постановления Пленума ВС РФ от 23.06.2015 № 25).

Требование же о возмещении убытков, причиненных изданием незаконного акта, действия (бездействия), возникает из гражданско-правовых отношений и подлежит рассмотрению в порядке искового производства (абз. 13 ст. 12 ГК РФ, п. 15 Постановления Пленума ВС РФ от 23.06.2015 № 25).

Следующий вопрос, требующий вывода, – это наличие у государственных органов и должностных лиц в делах, вытекающих из гражданско-правовых отношений, где в основании иска есть акт, действие (бездействие), обязанности доказывания законности акта или это инициатива суда (неприменение акта – абз. 13 ст. 12 ГК РФ)? Требуется ли в данном случае привлечение органов государственной власти к участию в деле по таким делам?

По нашему мнению, хотя в данном случае дело возникает из гражданских правоотношений, акты, действия (бездействия) подлежат оценке, а государственные органы и должностные лица – привлечению к участию в деле по инициативе суда (если они не ответчики, соответчики по инициативе истца) в качестве третьих лиц, не заявляющих самостоятельных требований относительно предмета спора. Законодательно же необходимо предоставить право суду в данном случае по своей инициативе в иском производстве привлекать государственные органы и должностных лиц в процесс в качестве соответчиков с соответствующим распределением бремени доказывания. Если привлечение государственных органов невозможно, оценка их действиям дается по инициативе суда независимо от привлечения к участию в деле отсутствующих государственных органов и их должностных лиц (по правилам пункта 6 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации и Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 01.07.1996 № 6/8 «О некоторых вопросах, связанных с применением части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»).

Следующее – это сроки. Например, оценки требует акт государственного органа, дей-

ствие (бездействие) за пределами процессуальных сроков, установленных ст. 219 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и ч. 4 ст. 198 АПК РФ, сделки за пределами сроков исковой давности, установленных п. 1 ст. 181 ГК РФ (в цепочке сделок), или решения собрания за пределами шестимесячных сроков, установленных на их оспаривание (п. 111, 112, 119, 120 Постановления Пленума ВС РФ от 23.06.2015 № 25).

Что касается актов государственных органов, их действий (бездействия), ответ дан в п. 9 вышеуказанного постановления, по сделкам – в п. 71, по решениям собраний – в п. 106.

Истечение материальных и процессуальных сроков, таким образом, не влияет на возможность оценки вышеуказанных действий по инициативе судьи.

На основании изложенного можно сделать вывод, что судебское усмотрение и его пределы позитивно закреплены в действующем процессуальном законодательстве, а некоторые вопросы разрешены на уровне постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации. В части проблем мотивиро-

ванности судебного усмотрения и его пределов, о чем мы писали выше, дело за законодателем и «хорошими» судьями.

Широкое применение на практике инициативы суда и судебного усмотрения способствует решению такой задачи правосудия, как укрепление доверия к суду.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 28.03.2017) // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: от 14 нояб. 2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 19.12.2016) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2017) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 46. – Ст. 4532.
3. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (ред. от 17.04.2017) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 30. – Ст. 3012.
4. О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 // Рос. газ. – 2015. – № 140.

УДК 349.2

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ НОРМ ПРИ УВОЛЬНЕНИИ ОТДЕЛЬНЫХ КАТЕГОРИЙ СОТРУДНИКОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ

*Нижечек Елена Владимировна**старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса
Иркутского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Иркутск
e-mail: nizechek@mail.ru*

SOME PROBLEMS OF APPLYING THE NORMS OF LEGISLATION WHEN CERTAIN CATEGORIES OF CIVIL SERVANTS ARE DISMISSED

*Elena Nizhechek**Art. Teacher of the Civil Law and Process Chair Irkutsk Institute (branch)
VGUYU (RPA of the Ministry of Justice of Russia), Irkutsk*

АННОТАЦИЯ

В статье на основе нормативных правовых актов освещаются особенности правового регулирования труда отдельных категорий государственных служащих, рассматриваются проблемы, связанные с применением специальных норм об их увольнении. Автор приходит к выводу о нарушениях работодателями отдельных норм законодательства о труде. Высказывается мнение о важной роли принятого в 2016 г. закона № 141 о регулировании труда федеральных противопожарных служащих в ГПС и предложение о принятии решений по некоторым вопросам.

ABSTRACT

The article on the basis of normative legal acts highlights the specific features of the legal regulation of labor of certain categories of civil servants, examines the problems associated with the application of special rules on the termination of labor relations with them. The author comes to a conclusion about violations by employers of certain norms of labor legislation. An opinion is expressed on the role of Law No. 141, adopted in 2016, regulating the work of federal firefighters in the GPU and proposing decisions on certain issues.

Ключевые слова: специальные нормы о труде, государственная служба, федеральные противопожарные служащие ГПС, трудовые отношения, дисциплинарные взыскания, основания, порядок увольнения.

Keywords: special labor norms; civil service; federal firefighting officers of the State Fire Service; labor relations; disciplinary penalties; grounds; dismissal procedure.

Труд служащих правоохранительных органов и иных приравненных к ним служащих связан с постоянными рисками повышенных психоэмоциональных нагрузок, напряжения во время выполнения своих обязанностей и ответственностью за покой и жизнь граждан. В связи с этим к служащим данной категории предъявляются высокие требования и введены определенные ограничения и запреты как при приеме на службу, так и в дальнейшем. В свою очередь, служащие правоохранительных органов, рискуя своим здоровьем, жизнью, знают о законодательстве, о нормах, устанавливающих определенные преимущества, особые льготы, гарантии, механизмы компенсаций, направленных на утверждение их заинтересованности

в несении службы и в уверенности в повышенном уровне правовой и социальной защиты. Публичный характер трудовой деятельности государственного служащего диктует необходимость введения повышенных требований к личности претендента на государственную должность [13, с. 7].

Конституционный Суд РФ определил свою позицию в отношении конституционного принципа равенства, не препятствующего при специальном правовом регулировании установлению различий в правовом статусе лиц, принадлежащих к разным категориям и роду деятельности. Служба в правоохранительных и иных органах регулируется специальными нормами, предусматривающими

определенные законом изъятия (исключения) из общего правила. Как верно отмечает Г. С. Скачкова, речь может идти об изъятиях не только как ограничении действия общих норм, но и об их дополнении или приспособлении к тем или иным случаям [14, с. 271].

Принцип единства и дифференциации норм трудового законодательства разграничивает общие и специальные нормы о правах и гарантиях работников (служащих) при увольнении по инициативе работодателя. Как отмечает А. Д. Воеводин, «гарантии» служат тем надежным мостиком, который обеспечивает необходимый в основах правового статуса личности переход от общего к частному, от прокламируемой в законе возможности к действительности [12, с. 221]. Установленные в законодательстве гарантии влияют на правильное решение вопросов о применении правовых норм, но на практике в отношении отдельных категорий служащих нередко возникают определенные проблемы. Одна из них, выявленная на практике при увольнении государственных служащих, связана с установлением вида конкретных норм, законов, которые регламентируют их труд с учетом статуса, например, служащих в государственной противопожарной службе.

На сегодняшний день в законодательстве в сфере регулирования труда данных государственных служащих находит свое отражение концепция неразрывности единства и дифференциации норм. Дифференциация законодательства служит средством реализации единых принципов правового регулирования, их конкретизации в зависимости от разных условий труда, в том числе на государственной службе. Наряду с общими нормами, устанавливающими общие принципы правового регулирования труда всех служащих, законодательство содержит нормы, обеспечивающие дифференцированный подход к регулированию отношений с отражением специфики труда всех видов государственных служащих. Это обосновывается в специальных нормах национального законодательства. Так, принятый 27 мая 2003 г. Федеральный закон № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации» [3] государственную службу разделил на три вида, среди которых особое место занимала правоохранительная служба, в которой труд служащих регулируется отдельными законами. Дифференцированный подход позволил вы-

делить специальные нормы для определенных категорий служащих (милиции, позднее полиции, прокуратуры, органов внутренних дел и др.). На отдельные категории служащих распространялись нормы законов, фактически регулирующих труд служащих органов внутренних дел (далее ОВД). К правоохранительной службе относилась и государственная противопожарная служба. На основании Указа Президента № 1309 от 09.11.2001 г. Государственная противопожарная служба Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий является правопреемником Государственной противопожарной службы (ГПС) Министерства внутренних дел Российской Федерации (МВД РФ). Лица, проходившие службу, и работники ГПС МВД РФ стали считаться проходящими службу (работающими) в ГПС МЧС в занимаемых должностях без проведения их переекспертации и переназначения.

Анализ законодательства позволяет отметить, что в федеральной противопожарной службе проходят службу (работают) лица, обладающие различным правовым статусом, и на них распространяется законодательство о различных видах службы, а также трудовое законодательство. Ранее, до 2016 г., в связи с отсутствием специального федерального закона, порядок и условия прохождения службы и организация деятельности работников ГПС Министерства РФ по делам ГО, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, регламентировались Положением о службе в ОВД РФ от 23.12.1992 № 4202-1 [9], ФЗ «О пожарной безопасности» [1], соответствующими федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации.

В 2014 г. разработанный Проект закона о службе в ГПС подтвердил, что законодатель в отношении противопожарных служащих изменяет подход и делает акцент на верховенстве Конституции РФ и федерального закона при регулировании отношений по поводу этой службы и подчеркивает роль специальных норм в их соотношении с общими нормами.

Несмотря на отсутствие норм в федеральном законе и установленный запрет на ухудшение положения служащего при его увольнении обращением к подзаконному акту – Положению о службе в ОВД, увольнения служа-

щих в порядке, предусмотренном им, продолжались. Все это приводило к увеличению трудовых споров, которые, к сожалению, не всегда решались восстановлением трудовых прав служащих, сотрудников.

В Положении о службе в ОВД РФ в ст. 9.1 установлены ограничения, запреты и обязанности, связанные с прохождением службы в ОВД, и указанием на то, что на сотрудника органов внутренних дел распространяются ограничения, запреты и обязанности, установленные Федеральным законом от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» [6] и ст. 17, 18 и 20 Федерального закона от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» [5] за исключением ограничений, запретов и обязанностей, препятствующих исполнению сотрудником ОВД обязанностей по осуществлению оперативно-разыскной деятельности. Специфика норм, регулирующих службу, устанавливающих основания для привлечения к дисциплинарной ответственности, увольнения, в том числе за совершенные дисциплинарные проступки, позволяет сделать вывод о возможности их применения в зависимости от правильного определения вида государственной службы и статуса служащего.

Поскольку интерес возник к вопросу о регулировании труда служащих противопожарной службы, следует отметить, что эта категория ранее относилась к правоохранительной и к гражданской службе.

Исследование всех норм о противопожарной службе еще раз подтвердило сложную систему источников, регулирующих службу в органах МЧС, к которым относились государственные противопожарные служащие, и судами не всегда дается надлежащая правовая оценка их статусу.

В случае обращения к Федеральному закону от 27.07.2004 № 79 «О государственной гражданской службе Российской Федерации» отмечаем, что ст. 17 устанавливает запреты, связанные с гражданской службой, а в подп. «а», п. 2 ч. 1 данной статьи конкретизируется запрет замещения должности в случае избрания или назначения на государственную должность и в подп. «б» избрания на выборную должность в органе местного самоуправления.

Несоблюдение ограничений и запретов, установленных законодательством Российской Федерации, является «грубым нарушением

служебной дисциплины» сотрудником органов внутренних дел на основании ч. 2 ст. 49 Федерального закона от 30.11.2011 № 342 «О службе в органах внутренних дел в Российской Федерации» [7]. Основание для увольнения – нарушение запрета, установленного для сотрудников ФПС ГПС подп. «б» п. 2 ст. 17 Федерального закона от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе РФ», – замещать должности гражданской службы в случае избрания на выборную должность в органе местного самоуправления.

Судебная практика идет по пути признания сложного правового статуса служащего противопожарной службы, но суд достаточно часто отмечает, что на этого служащего распространяются в полном объеме нормы, регулирующие службу в ОВД, а значит, и запреты, ограничения. Одним из запретов на основании ст. 17 является избрание депутатом на выборную должность. Кроме этого, с точки зрения исследуемого вопроса, есть запреты, связанные с гражданской службой. Это замещение должности гражданской службы в случае: а) избрания или назначения на государственную должность; б) избрания на выборную должность в органе местного самоуправления; в) избрания на оплачиваемую выборную должность в органе профессионального союза, в том числе в выборном органе первичной профсоюзной организации, созданной в государственном органе.

В Федеральный закон от 27.05.2003 № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации» внесены изменения Федеральным законом от 13.07.2015 № 262-ФЗ [3], в том числе и в ст. 2 о системе государственной службы, которая включает в себя: 1) государственную гражданскую службу; 2) военную службу; 3) государственную службу иных видов. Военная служба и государственная служба иных видов, установленных федеральными законами, являются видами федеральной государственной службы. В связи с этим на основании Федерального закона № 58-ФЗ идет речь именно об иной службе, в том числе государственной противопожарной службе. Это подтвердило необходимость конкретизации трудовой функции (служебных обязанностей) служащего и четкое определение его статуса. Изменений законодательства в отнесении противопожарной службы только к государственной гражданской службе до принятия нового

федерального закона не было. Они произошли в связи с принятием 23 мая 2016 г. Федерального закона № 141-ФЗ «О службе в федеральной противопожарной службе Государственной противопожарной службы и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [8] (далее – ФЗ «О службе в ФПС») и конкретизацией регулирования труда этой категории служащих. Служба в федеральной противопожарной службе (далее – ФПС) закреплена как самостоятельный вид Федеральной государственной службы.

В законе о ФПС ГПС определен не только предмет регулирования, но и указано, что в ней (ФПС) могут быть и военнослужащие, и государственные гражданские служащие, труд которых регулируется законодательством о соответствующих видах службы, и могут быть лица, состоящие в трудовых отношениях, труд которых регулируется трудовым законодательством. В части 2 ст. 2 закона об этой службе установлено, что при решении вопросов о труде этих лиц, «в случаях, не урегулированных нормативными правовыми актами, указанными в ч. 1 ст. 2, к правоотношениям, связанным со службой в федеральной противопожарной службе, применяются нормы трудового законодательства Российской Федерации».

В части 1 ст. 14 указанного выше закона, установлены ограничения, запреты и обязанности, связанные со службой в федеральной противопожарной службе и перечислены случаи, когда лицо не может служить либо быть принятым на службу. В пункте 10 основанием для увольнения названа «утрата доверия к сотруднику в случаях, предусмотренных ст. 84 данного Федерального закона». В части 2 ст. 14 указано, что на сотрудников ФПС государственной противопожарной службы распространяются ограничения, запреты и обязанности, установленные ст. 83 Федерального закона «О противодействии коррупции» и ст. 17, 18, 20 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации». В части 2 ст. 48 раскрыты грубые нарушения служебной дисциплины, которыми, в частности, являются «несоблюдение сотрудником ограничений и запретов, установленных законодательством РФ», требований о предотвращении или об урегулировании конфликта интересов и неисполнение обязанностей, установленных в целях противодействия коррупции с указанием на наложение взысканий.

Анализ федеральных законов, регулирующих труд служащего противопожарной службы, действующих ранее и в настоящее время, позволил установить, что на федеральном уровне законодательством не было введено отдельных ограничений и запретов, которые позволили бы уволить его либо привлечь к дисциплинарной ответственности. Эти ограничения и запреты нашли отражение в подзаконном акте, в Положении о службе в органах внутренних дел. Так, в ст. 20.1 Положения, одним из оснований для приостановления службы в органах внутренних дел либо увольнения является избрание (назначение) сотрудника ОВД в законодательный (представительный) или исполнительный орган государственной власти либо орган местного самоуправления депутатом Госдумы Федерального Собрания РФ, депутатом законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта РФ, наделенного полномочиями высшего должностного лица субъекта РФ (руководителем высшего исполнительного органа государственной власти субъекта РФ), депутатом представительного органа муниципального образования. Как отмечалось выше, это Положение о службе в ОВД и его нормы об ограничениях распространялись на отдельных служащих противопожарной службы до принятия ФЗ «О службе в ФПС».

Правовые последствия при рассмотрении споров в суде по поводу применения этого основания были неоднозначны. Так, судами не всегда давалась должная оценка факту выборов в депутаты представительного органа и обращено внимание на различия в понятиях «выборы депутата» и «выборы на муниципальную должность в органе местного самоуправления».

Анализ законодательства позволяет сделать вывод о том, что в случае отсутствия доказательств, подтверждающих факт избрания на выборную должность в органе местного самоуправления, нельзя вести речь о нарушении запрета, установленного подп. «б» п. 2 ч. 1 ст. 17 Федерального закона № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации», хотя он и касается служащих противопожарной службы, но на избранного в депутаты представительного органа не распространяется. Указания работодателем на избрание депутатом представительного органа недостаточно для достоверного и объективного вывода о совершении служащим грубого

нарушения служебной дисциплины, подтверждающего нарушение им норм законодательства о запрете.

Следовательно, если произошла подмена понятия «депутат» при принятии судом решения и не учтен статус служащего и его обязанности, нечетко определен федеральный закон, который следовало применить, результат – неправильное толкование норм, влияющее на исход дела, и отказ служащему в восстановлении на службе.

Практика подтвердила, что до принятия вышеуказанного закона о службе в ФПС ГПС, при обращении лиц за восстановлением на службе, в суде не всегда обращается внимание на вид службы и деятельности истца именно в качестве избранного «депутата представительного органа», а не «депутата, избранного на выборную должность». Закон определяет, что это разные виды деятельности.

Полагаем, что вопреки п. 3 ст. 55 Конституции РФ, где говорится, что возможность ограничения прав и свобод человека и гражданина допускается только федеральными законами, закрепление этих ограничений при несении государственной службы, дополнительных дисциплинарных взысканий и специальных оснований прекращения службы в названном выше Положении о службе в ОВД противоречило всем правилам и нормам федерального законодательства, ухудшая положение служащего, работника. Данный акт подзаконный, и отсутствие нормы в федеральном законе не может ухудшать положение служащего в данном случае в связи с обращением к подзаконному акту – Положению о службе в ОВД.

Трудовой кодекс РФ в ст. 5 также указывает на то, что указы Президента Российской Федерации, постановления правительства Российской Федерации, нормативные акты федеральных органов исполнительной власти, содержащие нормы трудового права, не должны противоречить Кодексу, иным федеральным законам, регулирующим труд.

Системный анализ норм ст. 2, 40 Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [4], п. 9 ст. 4 Федерального закона от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права участия в референдуме граждан Российской Федерации» [2] позволяет констатировать, что федеральный законода-

тель различает понятия «депутат представительного органа» и «выборное должностное лицо местного самоуправления» и, соответственно, различным образом регламентирует их статус.

Обращение к правоприменительной практике, к законодательству об основаниях для увольнения государственных служащих позволяет выразить сомнения в правильности применения этих норм работодателями при избрании служащего депутатом представительного органа муниципального образования. В связи с этим хотелось обратиться к конкретному примеру из практики об увольнении служащего в 2015 г. и рассмотрении спора в суде.

Подтверждением этого положения может служить пример спора по поводу увольнения в 2015 г. в связи с фактом избрания федерального противопожарного служащего С. в 2012 г. депутатом представительного органа Думы муниципального образования ИО и исследование вопроса о привлечении этого служащего к дисциплинарной ответственности и увольнении. При рассмотрении спора в суде не дана была должная оценка нормам, регулирующим государственную службу, и конкретно противопожарную службу, что не позволило определить вид федерального закона, регулирующего государственную противопожарную службу и подлежащего применению в конкретном деле. Суд, рассматривая спор об увольнении в 2015 г., не учел, что на федеральном уровне законодательством, на момент увольнения служащего, не было установлено ограничений и запретов на избрание служащего, «депутатом» и было совмещение должностей данным служащим, а значит, и не было основания для увольнения. В результате этого неправильно применены нормы материального права.

К сожалению, в практике, в том числе судебной, имеет место, на наш взгляд, неверное понимание и истолкование как критерия права на занятие должности государственной службы, так и обязанности представителя нанимателя дать мотивированный и обоснованный отказ этому служащему в продолжении службы и выполнении своих обязанностей по должности.

Проблема применения норм об увольнении федеральных противопожарных служащих часто связана с нарушением порядка прекращения трудовых отношений и сроков, указанных в законе. В исследуемом примере есть возможность установить эти нарушения.

На основании требований законодателя в подзаконном акте в случае избрания депутат должен оповестить об этом факте работодателя справкой (уведомлением). Содержание справки должно отразить характер деятельности данного депутата, в том числе с указанием безвозмездного характера деятельности, без заключения договора (контракта), без зарплаты, иных каких-либо видов вознаграждений и поощрений. В рассматриваемом примере избранный депутатом служащий С. выполнил свои обязанности и справкой от 26.11.12 № 0000, представленной в ГУ МЧС России по ИО, известил о факте избрания его депутатом Думы на срок с 2012 по 2017 г. с указанием данных, подтверждающих отсутствие конфликта интересов по Федеральному закону «О противодействии коррупции». Данное избрание не являлось запретом, препятствующим службе в ГУ МЧС России по ИО. Нареканий со стороны руководства после избрания и оповещения служащим работодателя, предложений о сложении полномочий как депутата Думы, указаний на нарушение запретов, установленных законодательством, как и отстранения от работы не было до декабря 2014 г. Служебная проверка по факту избрания С. депутатом в 2012 г. началась в 4 февраля 2015 г.

Порядок организации и проведения служебных проверок в системе Министерства России по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий в тот период был регламентирован Приказом МЧС РФ № 85 от 24.02.2012 [10], и он отличался от того порядка, который установлен ТК РФ. Так, в ст. 39 Положения о службе в ОВД (поскольку этот акт применялся) порядок применения дисциплинарных взысканий связан был со сроком наложения (до истечения десяти суток с того дня, когда начальнику стало известно о совершенном проступке). При проведении служебной проверки, возбуждении уголовного дела, дела об административном правонарушении срок не позднее одного месяца соответственно со дня окончания проверки. Законодатель установил, что нормы о поощрениях и наложении дисциплинарных взысканий применяются прямыми начальниками в пределах предоставленных им прав. Прямыми начальниками являются те, кому сотрудники органов внутренних дел подчинены по службе, даже временно, в том числе ближайший к подчи-

ненному является его непосредственным начальником.

К сожалению, на практике эти положения нарушаются, и привлечение к дисциплинарной ответственности, проведение служебных проверок проходят с нарушением процедуры и сроков, установленных законодателем. Не совсем понятно, почему служебная проверка, по мнению работодателей, является основанием для проведения аттестации служащих, и ее на практике проводят. Как известно, результат аттестации подтверждает профессиональные, деловые качества служащего, а не совершение виновных, противоправных действий лица, свидетельствующих о совершенном им дисциплинарном проступке.

Не выдерживает критики применение работодателями норм законодательства об увольнении С. в вышеприведенном примере и вывод комиссии о несоответствии занимаемой должности. Это решение явилось основанием для применения п. «ж» ч. 1 ст. 58 Положения о службе в ОВД при увольнении. При проведении служебной проверки и решения вопроса об увольнении не были учтены требования Федерального закона «О службе в органах внутренних дел в Российской Федерации», ч. 5 ст. 192 ТК РФ, ч. 3 п. 53 Постановления Пленума Верховного Суда № 2 от 17.03.2004 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» [11], так как не учитывались характер совершенного проступка, его тяжесть, обстоятельства, при которых он совершен, предшествующее поведение и результаты выполнения сотрудником служебных обязанностей и отношение к труду, соблюдение других ограничений и запретов, требований о предотвращении или об урегулировании конфликта интересов.

Увольнение С. из ФПС ГПС состоялось по истечении двух с половиной лет, т. е. 7 мая 2015 г. В приказе от 06.05.2015, изданным начальником ГУ МЧС по ИО был указан п. «ж» ч. 1 ст. 58 Положения о службе в ОВД РФ с формулировкой «за грубое нарушение служебной дисциплины», за то, что был избран депутатом Думы муниципального образования (2012–2017 гг.). В приказе отмечено (дословно): основание для увольнения – нарушение запрета, установленного для сотрудников ФПС ГПС подп. «б» п. 2 ст. 17 Федерального закона от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе РФ» (а именно – замещать

должности гражданской службы в случае избрания на выборную должность в органе местного самоуправления, выразившееся в замещении должности начальника пожарной части № 3 ФГУ). Указанное основание различается в одном приказе и не соответствует закону.

С. полагал, что факт нарушения запрета замещать должности гражданской службы в случае избрания на выборную должность в органе местного самоуправления не установлен, не доказан, так как недостаточно указания на избрание депутатом Думы для достоверного и объективного вывода о совершении грубого нарушения служебной дисциплины и подтверждающего нарушение норм законодательства о запрете. Комиссия, делая выводы, исходила из иного определения избрания депутатом и признала избрание таковым избрание на выборную должность.

Доводы истца судом не были приняты во внимание, хотя они не противоречат ФЗ № 67 «Об основных гарантиях избирательных прав» и списку должностей, являющихся выборными. В решении суда от 29.07.2015 указано, что лицам рядового и начальствующего состава ГПС МЧС России запрещается совмещать статус государственного служащего с выборной должностью в органе местного самоуправления, включая должность депутата представительного органа муниципального образования, в том числе в случае, если соответствующая выборная муниципальная должность не предполагает ее замещения на постоянной и профессиональной основе.

Таким образом, судом не дана оценка тому, что речь не идет о совмещении должностей, так как нет избрания депутатом на муниципальную или иную должность.

Суд при принятии решения подменил понятия и неправильно дал им толкование. В частности, не дана должная оценка факту выборов в депутаты, не учтено различие понятий в федеральном законодательстве «выборы депутата представительного органа» и «выборы на муниципальную должность в органе местного самоуправления», что повлияло на исход дела.

Такие нарушения норм законодательства о труде стали возможны в связи с тем, что существует разрозненность норм, регламентирующих труд государственных служащих третьей группы (иных видов). Исследованная практика была до принятия ФЗ «О службе в ФПС». Споры об увольнении государственных служащих

противопожарной службы на основании ранее применяемого законодательства еще рассматриваются. Вышеназванный закон установил порядок привлечения к дисциплинарной ответственности, в том числе увольнения со службы ФПС, и в ст. 51 установлены порядок, сроки привлечения к дисциплинарной ответственности, определен круг лиц, имеющих право налагать дисциплинарное взыскание или изменять его, в случае несоответствия наложенного совершенному проступку. Безусловно, принятый закон позволяет признать законодательство о труде данной категории служащих более совершенным и исключающим сомнения в применении его норм, дифференцированным по субъектам, поскольку им даны четко регламентированные и конкретизированные основания для признания действий служащих или бездействия дисциплинарным проступком и он, возможно, поможет избежать нарушений их прав. Положительным в законе, безусловно, следует признать и установление требований к работодателям о необходимости учета характера совершенного проступка, его тяжести, обстоятельств, при которых он совершен, предшествующего поведения и результатов выполнения служебных обязанностей, отношения к труду, соблюдения других ограничений и запретов, требований о предотвращении или об урегулировании конфликта интересов.

Несмотря на это, думается, не потеряна актуальность рассмотрения этих вопросов, так как споры о восстановлении прав служащих, уволенных с органов ФП ГПС до принятия ФЗ «О службе в ФПС», возникают и рассматриваются. Рекомендации, например, Пленума Верховного Суда РФ для судей, рассматривающих споры при установлении нарушений порядка и сроков увольнения работодателями и в связи с отсутствием на тот период специального закона, определившего правовой статус служащего, помогут найти верное решение.

Список литературы

1. О пожарной безопасности : федер. закон от 21 дек. 1994 г. № 69-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 35. – Ст. 3649.
2. Об основных гарантиях избирательных прав и права участия в референдуме граждан Российской Федерации : федер. закон от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 24. – Ст. 2253.

3. О системе государственной службы Российской Федерации : федер. закон от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2003. – № 22. – Ст. 2063.
4. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации : федер. закон от 6 окт. 2003 г. № 131-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2003. – № 40. – Ст. 3822.
5. О государственной гражданской службе Российской Федерации : федер. закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2004. – № 31. – Ст. 3215.
6. О противодействии коррупции : федер. закон от 25 дек. 2008 г. № 273-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2008. – № 52 (Ч. 1). – Ст. 6228.
7. О службе в органах внутренних дел в Российской Федерации : федер. закон от 30 нояб. 2011 г. № 342-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 49. (Ч. 1). – Ст. 7020.
8. О службе в федеральной противопожарной службе Государственной противопожарной службы и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 23 мая 2016 г. № 141-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2016. – № 22. – Ст. 3089.
9. Об утверждении Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации и текста Присяги сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации : постановление ВС РФ от 23 дек. 1992 г. № 4202-1 // Ведомости СНД и ВС РФ. – 1993. – № 2. – Ст. 70.
10. Об утверждении Порядка организации и проведения служебных проверок в системе Министерства РФ по делам гражданской обороны, чрезвычайных ситуациях и ликвидации последствий стихийных бедствий : приказ МЧС РФ от 24 февр. 2012 г. № 85 // Рос. газ. – 2012. – 18 мая.
11. О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации : постановления Пленума Верховного Суда от 17 марта 2004 г. № 2 // Бюл. Верховного Суда РФ. – 2004. – № 3.
12. Воеводин А. Д. Юридический статус личности в России : учеб. пособие / А. Д. Воеводин. – М. : Изд-во МГУ ; Инфра-М-Норма, 1997. – 304 с.
13. Головина С. Ю. Правовое регулирование труда отдельных категорий работников : учеб.-практ. пособие / С. Ю. Головина. – М. : Дело, 2003. – 256 с.
14. Скачкова Г. С. Распирение сферы действия трудового права и дифференциации его норм : монография / Г. С. Скачкова. – М. : МГИУ, 2003. – 374 с.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО, КРИМИНОЛОГИЯ, УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

УДК 343.9

АЛКОГОЛИЗМ И ЭСКАЛАЦИЯ ПРЕСТУПНОСТИ

Данеев Алексей Васильевич

доктор технических наук, профессор кафедры гуманитарных
и социально-экономических дисциплин Восточно-Сибирского филиала ФГБОУ ВО
«Российский государственный университет правосудия», г. Иркутск
e-mail: daneev@mail.ru

Данеев Роман Алексеевич

кандидат технических наук, магистрант Восточно-Сибирского филиала ФГБОУ ВО
«Российский государственный университет правосудия», г. Иркутск
e-mail: roma_sun@mail.ru

Тамбовцева Галина Михайловна

кандидат юридических наук, профессор Восточно-Сибирского института МВД России, г. Иркутск

ALCOHOLISM AND ESCALATING CRIME

Alexey Daneev

Doctor of Technical Sciences, Professor of the Department
of Humanitarian and Socio-Economic Disciplines of the East Siberian Branch of the FSBEI HE
«The Russian State University of Justice», Irkutsk

Roman Daneev

Candidate of Technical Sciences, graduate student of the East-Siberian Branch of the FSBEI HE
«The Russian State University of Justice», Irkutsk

Galina Tamboutseva

Candidate of Legal Sciences, Professor of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk

АННОТАЦИЯ

В статье проведен статистический анализ действующей криминальной ситуации, рассмотрена характеристика лиц, совершающих преступления в состоянии алкогольного опьянения.

ABSTRACT

The article the statistical analysis of the existing criminal situation, look at the characteristics of persons who commit crimes while intoxicated.

Ключевые слова: криминальная ситуация, состояние алкогольного опьянения, преступления, совершаемые в состоянии алкогольного опьянения.

Keywords: criminal situation, the state of alcoholic intoxication, crimes committed while intoxicated.

Современное общество граждан нуждается в правовой защите от преступных посягательств, совершаемых лицами, находящимися в состоянии алкогольного опьянения.

В Концепции общественной безопасности, утвержденной Президентом Российской Федерации В. В. Путиным, отмечается, что значительное количество преступлений совершается в состоянии алкогольного или

наркотического опьянения, что свидетельствует об осложнении криминогенной обстановки в стране вследствие массового злоупотребления алкогольной продукцией, а также немедицинского потребления наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров. Растет число административных правонарушений и уголовных преступлений, совершаемых в состоянии алкогольного или наркотического

опьянения на транспорте и в области дорожного движения [1, п. 13].

Алкоголизм как один из факторов демографического и социального кризиса в России представляет собой общенациональную угрозу на уровне личности, семьи, общества, государства [2]. При этом граждане с пониженной социальной ответственностью зачастую употребляют дешевые заменители водки. Большой резонанс получили события в Иркутске после массового отравления в декабре прошлого года, когда 77 человек погибли после употребления концентрата для ванн «Боярышник». В его составе вместо этилового спирта оказался ядовитый метанол. Ситуация вызвала грандиозный скандал в декабре и вышла на международный уровень. Массовое отравление людей непищевой спиртосодержащей жидкостью прокомментировал президент России Владимир Путин на итоговой пресс-конференции и дал несколько поручений. С первых дней правоохранители изымали образцы жидкости, которую употребляли пострадавшие, направляли их на исследование в экспертно-криминалистический центр ГУ МВД России по Иркутской области. Сотрудники СУ СКР по региону 18 декабря 2016 г. возбудили уголовное дело по ч. 3 ст. 239 УК РФ «Производство, хранение, сбыт товаров и продукции, не отвечающих требованиям безопасности, повлекшие по неосторожности смерть двух и более лиц». По делу задержаны 22 человека. В отношении семи из них избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, в отношении 10 – в виде домашнего ареста, еще четверо находятся под подпиской о невыезде.

О степени опасности неконтролируемого, незаконного производства и оборота алкогольной продукции можно судить по количеству отравлений от суррогатных спиртных напитков в год. Наиболее высокая смертность в СФО: в республиках Тыва, Алтай, Бурятия, Хакасия, Забайкальском, Красноярском, Алтайском краях, Кемеровской, Новосибирской, Омской, Иркутской и Томской областях [5]. На рисунке 1 представлена диаграмма по умершим в результате алкогольных отравлений в 2015 г. По результатам 2016 г. Иркутская область по этому показателю, как уже упоминалось выше, вырвалась далеко вперед.

Несмотря на все предпринимаемые в Российской Федерации профилактические меры

по снижению уровня потребления алкоголя, доля преступлений, совершенных в состоянии алкогольного опьянения, остается достаточно высокой. Состояние опьянения связано с такими негативными социальными явлениями, как пьянство и алкоголизм, которые, по мнению большинства криминологов, включены в комплекс криминогенных детерминант, способствующих эскалации преступности [8].

В современный период распространение алкоголизма не только не снижается, но и имеет тенденцию к росту в некоторых регионах. Рассматривая данную проблему в Сибирском федеральном округе, можно отметить, что наибольшим потреблением водки отличается Кемеровская область (13,7 л на душу населения), потреблением пива – Омская область (126,9 л). В Иркутской области за год в расчете на душу населения было продано – 10,8 л водки (рис. 2) [10].

В январе – декабре 2015 г. в России зарегистрировано 2352,1 тыс. преступлений, или на 8,6 % больше, чем за аналогичный период прошлого года, почти каждое третье (32,1 %) – в состоянии алкогольного опьянения. Рост регистрируемых преступлений отмечен в 75 субъектах Российской Федерации, снижение – в 8 субъектах [9, п. 18].

Удельный вес лиц, находившихся в состоянии алкогольного опьянения в общем числе выявленных лиц, совершивших преступления, постоянно увеличивается с 2010 г. (с 18,1 до 33,1 %) (табл. 1). Можно предположить, что проводимые реформы не улучшили данную ситуацию.

Таблица 1

Характеристика лиц, совершивших преступления, в Российской Федерации в 2005–2015 гг.

Годы/ показатель	Выявлено лиц, совершивших преступления	Прирост к предыдущему году, %	В состоянии алкогольного опьянения	Прирост к предыдущему году, %	Удельный вес в общем числе выявленных лиц, %
2005	1 297 123	6,1	275 947	0,3	21,3
2006	1 360 860	4,9	265 315	–3,9	19,5
2007	1 317 522	–3,2	228 677	–13,8	17,4
2008	1 256 199	–4,7	201 448	–11,9	16,0
2009	1 219 789	–2,9	186 077	–7,6	15,3
2010	1 111 145	–8,9	201 440	8,3	18,1
2011	1 041 340	–6,3	221 536	10,0	21,3
2012	1 010 938	–2,9	272 684	23,1	27,0
2013	1 012 563	0,2	298 306	9,4	29,5
2014	1 000 100	–1,2	310 082	3,9	31,0
2015	1 063 034	6,3	351 353	13,3	33,1

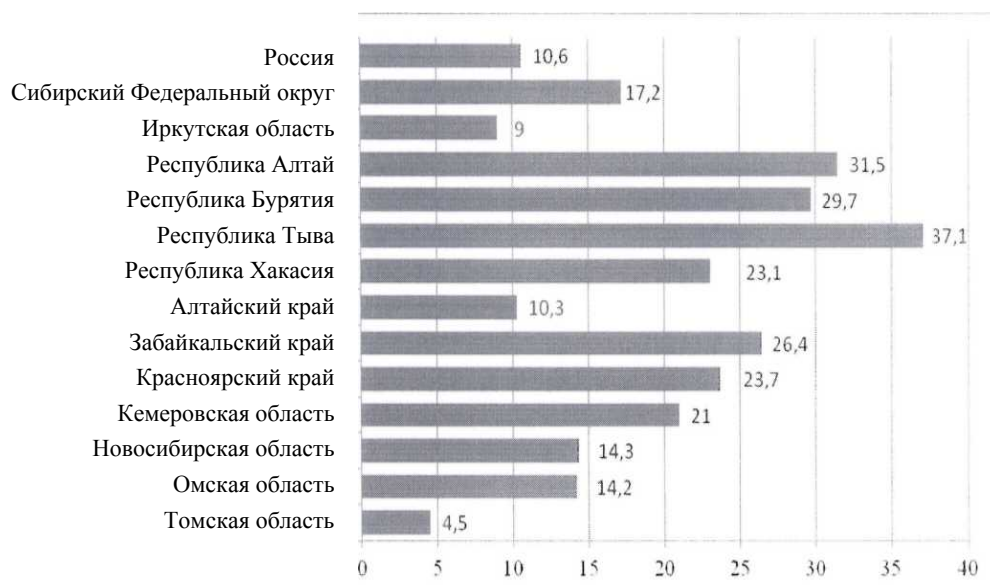

Рис. 1. Количество умерших в результате алкогольных отравлений в 2015 г. (в расчете на 100 тыс. человек)

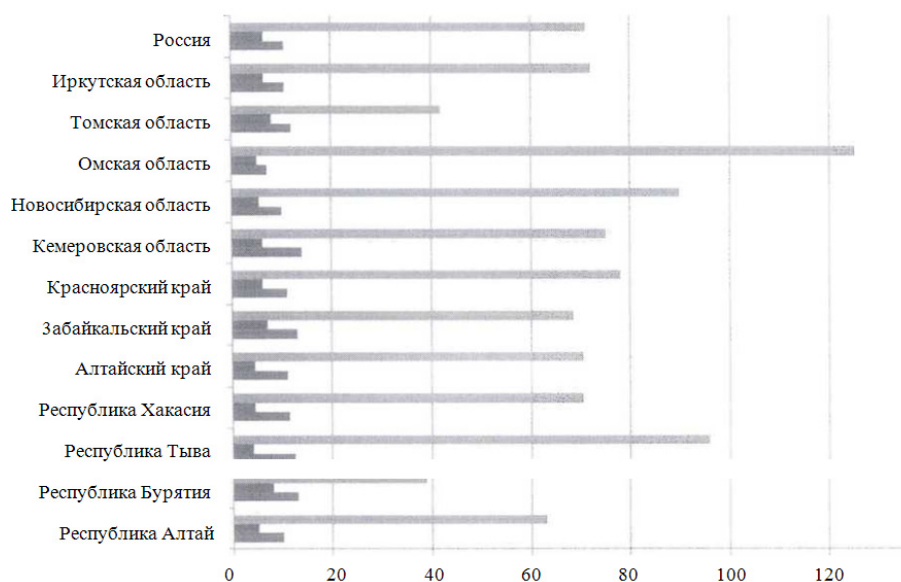

Рис. 2. Продажа населению алкогольных напитков и пива в 2015 г. (в расчете на 1 человека, л)

На рис. 3 приведены графики зависимостей лиц, совершивших преступления, всего и в состоянии алкогольного опьянения. Прогнозная математическая модель первой зависимости представлена линейным уравнением $y = -38\,158x + 1E + 06$, причем квадрат коэффициента корреляции $R^2 = 0,8353$. Квадрат коэффициента корреляции оценивает степень близости исходных данных и соответствующих точек тренда, его максимальное значение равно 1 (полное совпадение графика и линии тренда). Достоверность аппроксимации признается хорошей при величине R^2 большего или равного 0,81 [7]. В рассматриваемом слу-

чае достигнуто хорошее качество трендовой модели ($R^2 = 0,8353$).

Прогнозная математическая модель второй зависимости (количества лиц, совершивших преступления в состоянии алкогольного опьянения) получена в виде квадратичной зависимости $y = 4437,3x^2 - 44\,647x + 3\,196\,553$ при лучшем значении квадрата коэффициента корреляции $R^2 = 0,9134$. Полученные модели показывают, что несмотря на определенные колебания общего количества лиц, совершивших преступления, прогноз доли лиц, совершивших их в состоянии алкогольного опьянения, с 2010 по 2015 г. и по крайней мере в краткосрочной перспективе только возрастает.

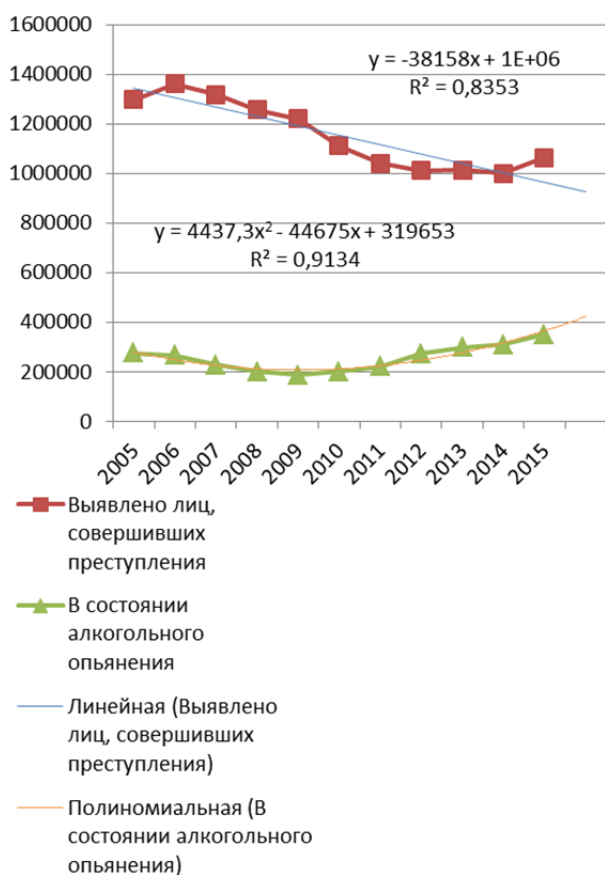

Рис. 3. Графики зависимостей лиц, совершивших преступления, всего и в состоянии алкогольного опьянения

По мнению А. И. Долговой, оценить криминальную ситуацию на основе только статистических данных практически невозможно. Необходимо принимать во внимание многие обстоятельства: изменение законодательства, практику его применения, отношение населения к преступникам и борьбе с преступностью и мн. др. [6, с. 5].

В 2009 г. в рамках реформы органов внутренних дел в России было принято решение о ликвидации медвытрезвителей, действие которых фактически было прекращено осенью 2011 г., однако проблемы, связанные с лицами, находящимися в состоянии алкогольного опьянения, остались.

Действуя в соответствии с приказом МВД РФ от 23.12.2011 № 1298 [3] сотрудники полиции должны доставлять лиц, находящихся на улицах, площадях, стадионах, в скверах, парках, на транспортных магистралях, вокзалах, в аэропортах и других общественных местах в состоянии алкогольного, наркотического или иного токсического опьянения и утративших

способность самостоятельно передвигаться или ориентироваться в окружающей обстановке, в медицинские организации государственной и муниципальной систем здравоохранения, определяемые территориальными органами исполнительной власти в сфере здравоохранения.

Министерство внутренних дел, министерство здравоохранения, министерство труда и социальной защиты, а также другие ведомства инициируют создание специализированных медицинских центров, находящихся в подчинении Минздрава, которые будут заниматься оказанием помощи гражданам в состоянии тяжелого алкогольного или наркотического опьянения. Из всех пациентов, поступающих в российские больницы, по статистическим данным Минздрава, 20 % находятся под воздействием алкоголя, однако реальная врачебная помощь требуется лишь 1,7 % из них.

Согласно опросу, проведенному сотрудниками «Левада-центра» в августе 2015 г., 80 % граждан России поддерживает создание медицинских вытрезвителей в той или иной форме [4]. Следует отметить, что алкоголизм остается малоизученным феноменом. В нашем государстве размыта грань между допустимым и запрещенным, иногда трудно объяснить, почему алкоголь становится доступным для всех категорий населения, включая даже несовершеннолетних [9]. К примеру, в Иркутской области на протяжении ряда лет растет уровень заболеваемости несовершеннолетних алкоголизмом и алкогольным психозом. Каждое шестое преступление такие лица совершают в состоянии алкогольного опьянения или приравненного к нему. Причем в соответствии с положениями Федерального закона от 22.11.1995 № 171-ФЗ «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции» полномочия регионов ограничены в установлении полного запрета розничной продажи отдельных видов алкогольной продукции.

Рассмотрим, существует ли зависимость между количеством лиц несовершеннолетнего возраста, совершивших преступления, всего и в состоянии алкогольного опьянения. Ясно, что лица, в том числе и несовершеннолетнего возраста, в состоянии алкогольного опьянения в большей мере склонны к совершению раз-

личных преступлений. Однако данное утверждение – лишь гипотеза, которую следовало бы проверить. В качестве независимой переменной примем количество лиц несовершеннолетнего возраста, совершивших преступления, в Российской Федерации в 2005–2015 гг. (X , чел.), а в качестве зависимой – общее количество лиц, совершивших преступления за этот же период (Y , шт.). Представим официальные статистические данные о переменных модели в виде табл. 2.

Таблица 2

Характеристика лиц несовершеннолетнего возраста, совершивших преступления, в Российской Федерации в 2005–2015 гг.

Годы	Вывявлено несовершеннолетних лиц, совершивших преступления	Прирост к предыдущему году, %	Удельный вес в общем числе выявленных лиц, %	В состоянии алкогольного опьянения	Прирост к предыдущему году, %	Удельный вес в общем числе выявленных лиц, %
2005	149 981	–1,3	11,6	21 468	–12,3	14,3
2006	148 595	–0,9	10,9	18 207	–15,2	12,2
2007	131 965	–11,2	10,0	13 944	–23,4	10,6
2008	107 890	–18,2	8,6	10 820	–22,4	10,0
2009	85 452	–20,8	7,0	7 893	–27,1	9,2
2010	72 692	–14,9	6,5	7 255	–8,1	10,0
2011	65 963	–9,3	6,3	7 247	–0,1	11,0
2012	59 461	–9,9	5,9	8 262	14,0	13,9
2013	60 761	2,2	6,0	8 428	2,0	13,9
2014	54 089	–11,0	5,4	7 542	–10,5	13,9
2015	55 365	2,4	5,2	7 450	–1,2	13,5

Проведем регрессионный (табл. 3) и дисперсионный (табл. 4) анализ первичных статистических данных.

Таблица 3

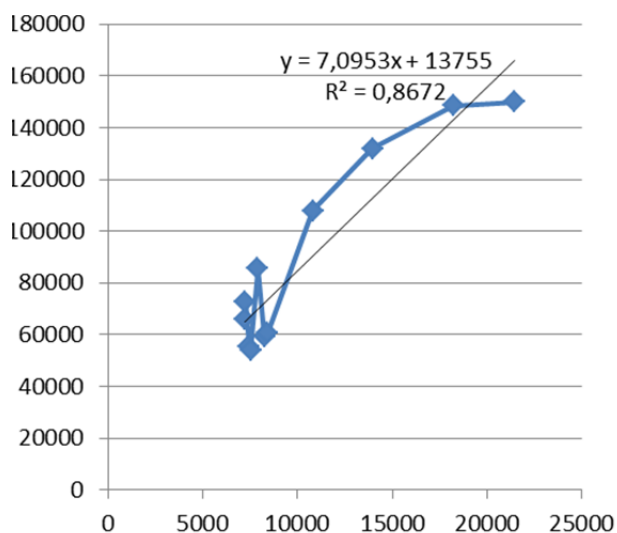
Регрессионная статистика	
Множественный R	0,931233287
R-квадрат	0,867195434
Нормированный R-квадрат	0,852439371
Стандартная ошибка	14519,39524
Наблюдения	11

Таблица 4

Дисперсионный анализ					
Коэффициенты	Стандартная ошибка	t-статистика	P-значение	Нижние 95 %	Верхние 95 %
13755	12247,47	1,104712	0,301399	–14712,8	41 772,63
7,0953	1,009986	7,038179	0,000108	4,779432	9,437498

Из приведенных табл. 3 и 4 видно, что между количеством несовершеннолетних лиц, совершивших преступления, и количеством несовершеннолетних лиц, совершивших преступления в состоянии алкогольного опьянения, существует сильная положительная корреляционная связь, на что указывает коэффициент корреляции ($r = 0,93$). Судя по величине коэффициента детерминации (R^2), 86 % вариации уровня преступлений, совершенных несовершеннолетними, объясняет вариация уровня преступлений, совершенных несовершеннолетними в состоянии алкогольного опьянения.

На рисунке 4 приведена зависимость количества несовершеннолетних лиц, совершивших преступления, от количества несовершеннолетних лиц, совершивших преступления в состоянии алкогольного опьянения. Линию тренда можно описать линейным уравнением $y = 7,0953x + 13755$, здесь в качестве независимой переменной принято количество несовершеннолетних лиц, совершивших преступления в состоянии алкогольного опьянения (x , чел.), а в качестве зависимой – общее количество несовершеннолетних лиц, совершивших преступления (y , чел.).

Ряд1

Линейная (Ряд1)

Рис. 4. График зависимости количества несовершеннолетних лиц, совершивших преступления, от количества несовершеннолетних лиц, совершивших преступления в состоянии алкогольного опьянения

На рис. 5 приведены графики зависимостей числа лиц несовершеннолетнего возраста, совершивших преступления, всего и в состоянии алкогольного опьянения, и уравнения прогнозных моделей.

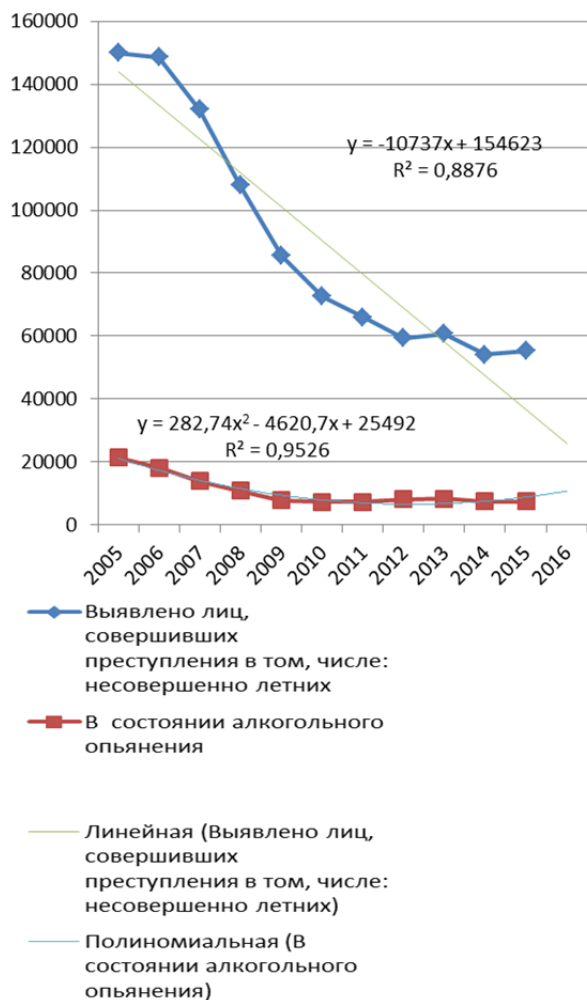

Рис. 5. Графики зависимостей несовершеннолетних лиц, совершивших преступления, всего и в состоянии алкогольного опьянения

Из графиков видно, несмотря на то, что общее количество несовершеннолетних лиц, совершивших преступления, стабильно уменьшается, число несовершеннолетних преступников, совершивших преступления в состоянии алкогольного опьянения, изменяется мало, т. е. удельный вес таких лиц растет.

Криминальная напряженность в обществе обусловлена не только общей нарастающей алкоголизацией населения, но и совершением

этими лицами в состоянии алкогольного опьянения тяжких и особо тяжких преступлений. Так, данные уголовной статистики свидетельствуют о том, что указанной категорией лиц зачастую совершаются умышленные убийства и покушения на убийства, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, изнасилования, кражи, грабежи, разбои, хулиганства и другие преступления.

Список литературы

1. Концепция общественной безопасности в Российской Федерации : утв. Президентом РФ 14 нояб. 2013 № Пр-2685 // КонсультантПлюс [Электронный ресурс] : справочная правовая система.
2. Концепция государственной политики по снижению масштабов злоупотребления алкоголем и профилактике алкоголизма среди населения Российской Федерации на период 2020 г. : распоряжение Правительства Российской Федерации от 30 дек. 2009 г. № 2128-р // Собрании законодательства РФ. – 2010. – № 2. – Ст. 264.
3. Об утверждении Инструкции о порядке доставления лиц, находящихся в общественных местах в состоянии алкогольного, наркотического или иного токсического опьянения и утративших способность самостоятельно передвигаться или ориентироваться в окружающей обстановке, в медицинские организации : приказ МВД РФ от 23 дек. 2011г. № 1298 // Рос. газ. – 2012. – № 43.
4. 80 % россиян просят вернуть вытрезвители [Электронный ресурс]. – URL: <http://pronedra.ru/medicine/2015/09/15/80-rossiyan-prosyat-vemuti-vytvezviteli>.
5. Данные Росстата по Иркутской области // Росстат г. Иркутска.
6. Долгова А. И. Общие тенденции преступности и ее различия в регионах России // Преступность в России и борьба с ней: региональный аспект. М., 2003. С. 3–9.
7. Ольков С. Г. Аналитическая юриспруденция. – М.: Юрлитинформ, 2013. – Ч. 1. – 593 с.; Ч. 2. – 432 с.
8. Петрашова О. И. Алкоголизм: криминологический и уголовно-правовой аспекты проблемы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / О. И. Петрашова. – Саратов, 2004. – 23 с.
9. Состояние преступности январь – декабрь 2015 г. [Электронный ресурс]. – URL: <https://mvd.ru/folder/101762/item/7087734>.
10. Список составлен Информационным агентством «Финмаркет» на основе данных Росстата о продаже алкоголя // Росстат г. Иркутска.

УДК 343.8

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ РАБОТ

Степаненко Юрий Сергеевич

кандидат философских наук, доцент, начальник кафедры специальной подготовки ФГКОУ ВО
«Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации», г. Иркутск
e-mail: 682528@mail.ru

ACTUAL PROBLEMS OF PUNISHMENT OF PUNISHMENT IN FORCED WORKS

Yuri Stepanenko

Candidate of Philosophy, Associate Professor, Head of the Department of Special Training of the FSPEI HE
«The East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation», Irkutsk

АННОТАЦИЯ

В статье изучаются принудительные работы как вид уголовного наказания, альтернативный лишению свободы. Автор анализирует понятие принудительных работ, а также особенности исполнения наказания в виде принудительных работ. Проанализированы различные проблемы, возникающие в связи с исполнением данного вида уголовного наказания.

ABSTRACT

The article examines forced labor as a criminal sanction alternative to imprisonment. The author analyzes the concept of forced labor and features of execution of punishment in the form of forced labor. Analyzed various problems arising in connection with the execution of this criminal sanction.

Ключевые слова: уголовное наказание; принудительные работы; исправительный центр; наказания, не связанные с лишением свободы.

Keywords: criminal punishment; forced labor; correctional center; punishment not related to deprivation of liberties.

За двадцатилетний срок действия и применения норм Уголовного кодекса Российской Федерации [1] (УК РФ) система наказаний, альтернативных лишению свободы, была существенным образом дополнена и усовершенствована. Об этом свидетельствует не только внесение поправок в ранее действовавшие нормы, но и появление в системе уголовных наказаний новых видов.

Необходимо отметить, что идея введения в Уголовный кодекс уголовных наказаний, альтернативных лишению свободы на определенный срок, не нова. Еще в 1996 г. в Уголовном кодексе Российской Федерации нашли отражение такие уголовные наказания, как обязательные работы, ограничение свободы и арест. Именно уголовное наказание в виде ограничения свободы, согласно законодательству, должно было исполняться в исправительных центрах. Появление в России спутниковой системы навигации ГЛОНАСС привело тому, что Федеральным законом от 27.12.2009 № 377-ФЗ [3] ограничение свободы, как вид уголовного наказания, полностью трансформировалось, при этом идея исправительных центров не была забыта. Федеральным законом

от 07.12.2011 № 420-ФЗ в текст УК РФ была введена ст. 53.1 УК РФ [4], регламентирующая новый вид наказания, альтернативный лишению свободы, – принудительные работы. Несмотря на то что изменения законодательства, вводящие в УК РФ указанный вид наказания, были приняты почти шесть лет назад, назначение уголовного наказания в виде принудительных работ стало возможным только с 1 января 2017 г., что непосредственным образом связано с особенностями исполнения данного вида наказания.

Принудительные работы – вид уголовного наказания, связанный с привлечением осужденного к оплачиваемому труду с вычетом из его заработной платы определенной денежной суммы [5, с. 21]. Особенность исполнения указанного вида наказания обусловлена прямым указанием закона на то, что данный вид наказания должен реализовываться в специальных учреждениях – исправительных центрах либо изолированных участках, функционирующих как исправительные центры, с обязательным привлечением осужденных к труду (ст. 60.1 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (УИК РФ)) [2].

В настоящее время на территории России работают 11 специальных исправительных центров для осужденных к принудительным работам (по состоянию на сентябрь 2017 г.): в Карелии, Башкортостане, в Архангельской, Новосибирской, Смоленской, Тамбовской, Самарской областях, в Приморском крае, а также в Забайкалье [8].

Многие исследователи, например П. В. Фасоля, отмечают: «Несмотря на успешное выполнение дорожной карты в применении принудительных работ, остается много нерешенных вопросов, касающихся их правовой природы, сферы применения и целесообразности в целом» [11, с. 267]. Кроме того, остается актуальной реализация мер, направленных на обеспечение исполнения данного вида наказания, что вызывает к жизни необходимость их исследования и устранения.

В связи с тем, что реализация Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г. (утв. распоряжением Правительства РФ от 14.10.2010 № 1772-р), после событий 2014 г. и последующего наложения на Российскую Федерацию системы санкций со стороны США и стран Европейского союза, вызывает большое сомнение, введение в пенитенциарную систему России исправительных центров без изменения остальной структуры уголовно-исполнительной системы ставит вопрос о целесообразности подобных новаций.

Просматривается схожесть норм об отбывании наказания в виде лишения свободы в колонии-поселении и наказания в виде принудительных работ. Данное сходство отмечает и В. М. Степашин, говоря о том, что принудительные работы имеют много общего с наказанием в виде лишения свободы, исполняемым в колонии-поселении [10, с. 157]. Не лишено оснований мнение некоторых авторов, которые ставят под сомнение «альтернативность» принудительных работ уголовному наказанию в виде лишения свободы на определенный срок с отбыванием в колонии-поселении ввиду того, что границы между ними оказываются размытыми в связи со схожестью исполнения данных видов наказания [9, с. 96]. При этом в расчет берутся условия отбывания наказания, но не рассматриваются источники финансирования указанного вида наказания. Так, исправительные центры создаются с целью минимизации влияния криминальной среды на лиц, осужденных за преступления небольшой или средней тяжести либо за тяжкие преступ-

ления, совершенные впервые. Законодатель, в свою очередь, считает, что издержки на их содержание следует изыскивать за счет доходов, полученных от удержаний из заработной платы осужденных. Работающие в исправительных центрах осужденные самостоятельно оплачивают коммунально-бытовые услуги и содержание имущества.

С. И. Кузьмин, Р. В. Комбаров в своем исследовании указывают на одну из проблем реализации наказания в виде принудительных работ: «...для обеспечения исполнения наказания в виде принудительных работ администрации исправительного центра следует искать работу для каждого осужденного. При этом, учитывая отсутствие профессионального образования у многих осужденных, возникает проблема приобщения их к труду. Так, не каждый работодатель готов принять на работу осужденного к уголовному наказанию» [6, с. 158].

Другую проблему указывают О. И. Мицко и Р. В. Комбаров: «Для реализации исполнения наказания в виде принудительных работ требуется разрешение таких вопросов, как выделение земли, формирование штата, постройка самого учреждения либо перепрофилирование исправительного учреждения, подбор работодателя» [7, с. 284]. В настоящее время исправительные центры, осуществляющие свою деятельность на территории России, преимущественно основаны на имеющейся материальной базе, путем перепрофилирования имеющихся объектов, большая часть из которых не отвечает имеющимся международным стандартам в области исполнения наказаний (соблюдение норм жилой площади, материально-бытовых условий и др.).

Еще одной проблемой является заполнение исправительных центров. По данным Федеральной службы исполнения наказаний (ФСИН) на середину июля этого года, в центрах из 896 мест занято только 188. Еще 32 человека уже отбыли срок. В пресс-бюро ФСИН отмечено, что их заполняемость неравномерная. В Ставропольском исправительном центре, по данным на середину июля этого года, отбывающими наказание занято 44,4 % мест (64 из 144); в Карелии – 18 % (9 из 50); в Башкортостане – 16 % (16 из 100); в Архангельской области – 16 % (8 из 50); в Новосибирской области – 13 % (12 из 92); в Тюменской области – 12 % (12 из 100); в Смоленской области – 10,9 % (6 из 55); в Тамбовской области – 14,3 % (10 из 70); в Самарской обла-

сти – 8,57 % (3 из 35); в Приморском крае – 6,7 % (10 из 150); в Забайкалье – 2 % (1 из 50) [8].

Низкая заполняемость исправительных центров, по мнению ряда авторов, связана с несколькими причинами.

Во-первых, далеко не все судьи назначают уголовное наказание в виде принудительных работ. Указанное уголовное наказание действует на территории России лишь с января 2017 г., в связи с чем далеко не до всех судей доведена информация об открытии исправительных центров. Кроме этого, по мнению Е. Зеленовой, генерального директора благотворительного фонда «Попечитель», члена Общественного совета при ФСИН России, в обществе сложилось предположение, что «места в таких заведениях держатся для «особых категорий заключенных» – например высокопоставленных чиновников или их родственников» [Там же].

Во-вторых, отсутствие исправительных центров в каждом регионе страны. По мнению экспертов, ситуация изменится после того, как центры для осужденных к принудительным работам появятся в каждом субъекте федерации. Уже к концу 2017 г. они будут введены в Республике Саха (Якутия), Адыгее, Татарстане, Алтайском и Красноярском краях, Вологодской, Костромской, Оренбургской, Челябинской, Иркутской, Кировской, Нижегородской, Саратовской и Пензенской областях.

В результате проведенного исследования был сделан ряд выводов. Перевод законодателем принудительных работ в ранг реального вида уголовного наказания, а также создание исправительных центров свидетельствуют об общей тенденции уголовной и уголовно-исполнительной политики государства по сокращению карательного элемента в исправлении осужденных и изменению вектора в сторону их перевоспитания, а также о продолжении практики отделения осужденных с некриминальным прошлым от воздействия преступного сообщества. Немаловажной целью создания исправительных центров является сокращение стоимости содержания осужденных. Вместе с тем исполнение наказания в виде принудительных работ на практике не лишено ряда проблем, основными из них являются малое количество судебных приговоров с назначением данного вида наказания, отсутствие исправительных центров в каждом регионе страны, сложности поиска работодателя и др. Учитывая схожесть условий содержания осужденных в исправительном центре и осужденных, отбывающих наказание в колонии-

поселении, практика исполнения уголовного наказания в виде принудительных работ требует дальнейшего анализа и исследования.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в ред. федер. закона от 29.07.2017 № 250-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
2. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 08.01.1997 № 1-ФЗ (в ред. федер. закона от 29.07.2017 № 252-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. – 1997. – № 2. – Ст. 198.
3. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с введением в действие положений Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации о наказании в виде ограничения свободы : федер. закон от 27.12.2009 № 377-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2009. – № 52 (1 ч.). – Ст. 6453.
4. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 07.12.2011 № 420-ФЗ (в ред. федер. закона от 03.07.2016 № 329-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 50. – Ст. 7362.
5. Евмин Н. В. Отличие принудительных работ от лишения свободы в колониях-поселениях // Юрид. вестн. Кубан. гос. ун-та. – 2016. – № 3 (28). – С. 21–22.
6. Кузьмин С. И. К вопросу о реализации наказания в виде принудительных работ / С. И. Кузьмин, Р. В. Комбаров // Уголовное наказание в России и за рубежом: проблемы назначения и исполнения (к 10-летию принятия Европейских пенитенциарных правил) : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. В 2 ч. / под общ. ред. П. В. Голодова. – Вологда, 2017. – С. 157–161.
7. Мицко О. И. Реализация исполнения наказания в виде принудительных работ / О. И. Мицко, Р. В. Комбаров // Уголовное наказание в России и за рубежом: проблемы назначения и исполнения : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. – Вологда, 2016. – С. 283–286.
8. Принудительные работы как гуманная альтернатива лишению свободы недоступны для большинства осужденных [Электронный ресурс]. – URL: <https://iz.ru/632779/bogdan-stepovoi/ispravitelnykh-tcentry-fsin-zapolneny-lish-na-20>.
9. Пчелкина Е. П. О некоторых вопросах применения принудительных работ // Вестн. Барнаульск. юрид. ин-та МВД России. – 2017. – № 1 (32). – С. 96–97.
10. Степапин В. М. Проблемы применения принудительных работ // Вестн. Омск. ун-та. – 2015. – № 4 (45). – С. 156–161.
11. Фасоля П. В. Юридическая природа принудительных работ как вида наказания в российском уголовном праве // Право, государство и экономика: проблемы теории, истории и практики : материалы Всерос. науч.-практ. конф. – Краснодар, 2017. – С. 267–271.

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС, КРИМИНАЛИСТИКА, СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА; ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

УДК 343.1

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ СУДЕБНОГО КОНТРОЛЯ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Буфетова Марьям Шамильевна

кандидат юридических наук, доцент, кафедра уголовного права, криминологии и уголовного процесса,
Байкальский государственный университет, г. Иркутск
e-mail: maryamf@list.ru

Литвинцева Наталья Юрьевна

кандидат юридических наук, доцент, кафедра уголовного права, криминологии и уголовного процесса,
Байкальский государственный университет, г. Иркутск
e-mail: litvintseva_nu@mail.ru

Завгородняя Евгения Сергеевна

магистрант Байкальского государственного университета, г. Иркутск
e-mail: zaevce@mail.ru

Чаманов Владислав Вадимович

магистрант Байкальского государственного университета, г. Иркутск
e-mail: morrow199453@gmail.com

CURRENT PROBLEMS OF JUDICIAL CONTROL IN RUSSIAN CRIMINAL PROCEEDINGS

Maryam Bufetova

PhD, Associate Professor, Department of Criminal Law, Criminology and criminal proceedings,
the Baikal State University, Irkutsk

Natalya Litvinceva

PhD, Associate Professor, Department of Criminal Law, Criminology and criminal proceedings,
the Baikal State University, Irkutsk

Evgeniya Zavgorodnyaya

magistrant of Baikal State University, Irkutsk

Vladislav Chamanov

magistrant of Baikal State University, Irkutsk

АННОТАЦИЯ

В статье дается анализ уголовно-процессуального законодательства, регламентирующего судебный контроль в рамках предварительного расследования. Рассмотрены некоторые актуальные проблемы осуществления судебного контроля в виде: формального осуществления судьями судебного контроля при решении вопроса о применении мер пресечения, мер процессуального принуждения и производства следственных действий, ограничивающих конституционные права участников уголовного судопроизводства; недостаточной проработки института последующего судебного контроля; фактического формирования у суда внутреннего убеждения относительно виновности конкретного лица в совершении преступления. Также представлены конкретные правовые механизмы, позволяющие решить данные проблемы.

ABSTRACT

The article provides an analysis of criminal procedural law governing judicial review in the framework of the preliminary investigation. Some actual problems of the judicial review in the form of a formal judicial review of the judges when deciding on the application of preventive measures, coercive procedural measures and investigative actions limiting constitutional rights of participants in criminal proceedings; insufficient study Institute of subsequent judicial control; the actual formation of the court's internal beliefs about a particular person guilty of an offense. Also provides specific legal mechanism to solve these problems.

Ключевые слова: уголовный процесс; судебный контроль; конституционные права; следственный судья; следственные действия.

Keywords: criminal procedure; judicial review; constitutional rights; the investigating judge; the investigative actions.

Одной из актуальных проблем современной уголовно-процессуальной науки является судебный контроль за предварительным расследованием. «Судебный контроль – специфическая уголовно-процессуальная деятельность, направленная на обеспечение соблюдения в уголовном процессе конституционных прав и свобод участников процесса, недопущения их нарушения, восстановления незаконно и (или) необоснованно нарушенных конституционных прав» [7]. Несмотря на то что данный институт призван к охране законных прав и интересов личности в уголовном судопроизводстве, на практике существует проблема формального осуществления судьями судебного контроля в рамках досудебного производства по делу.

В современной отечественной уголовно-процессуальной доктрине ученые выделяют превентивный и последующий судебный контроль. Первый осуществляется в тех случаях, когда по делу возникает необходимость ограничения основных конституционных прав личности (ст. 22, 23, 25 Конституции РФ, ст. 106–110, 114–118, ч. 2, 3, 4 ст. 165 УПК РФ). В данном случае оперативное судебное-контрольное производство возбуждается исключительно по инициативе органов предварительного расследования, которые обращаются в суд с ходатайством, в котором обосновывают необходимость проведения того или иного процессуального или следственного действия. Ходатайство об их проведении судом может быть или отклонено, или удовлетворено. Последующий судебный контроль осуществляется в тех случаях, когда решение органов предварительного расследования состоялось, процессуальные и следственные действия ими уже осуществлены (ст. 125, ч. 5 ст. 165 УПК РФ). «В данном случае оперативное судебное-контрольное производство возбуждается по инициативе фактически неограниченно широкого круга лиц» [5].

Согласно статистическим данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации за 2016 г. районными судьями было рассмотрено ходатайств о применении меры пресечения в виде заключения под стражу – 136 244, из них удовлетворено – 123 032 (90,3 %); ходатайств о продлении заключения под стражу – 221 945, из них удовлетворено – 217 232 (97,88 %); ходатайств о применении домашнего ареста – 6876, из них удовлетворено – 6075 (88,35 %); ходатайств о применении залога – 194, из них удовлетворено – 164 (84,54 %) [4].

Из такой статистики мы предполагаем, что основная загруженность судей вопросами судебного контроля позволяет им относиться формально к принятию решений, что влечет за собой большой уровень репрессивности.

Следует согласиться с А. В. Смирновым, считающим, что «судьи, чьей основной задачей является рассмотрение дел по существу, большую часть рабочего времени вынуждены посвящать рассмотрению жалоб участников процесса, даче разрешений на заключение под стражу, проведение органами расследования следственных действий и оперативно-разыскных мероприятий» [10].

Другой проблемой является превентивный судебный контроль за производством следственных действий, ограничивающих конституционные права личности. В соответствии с судебной статистикой, такие ходатайства о производстве, например, обыска и (или) выемки в жилище удовлетворяются в 97 % случаев. Так, за первое полугодие 2016 г. судами общей юрисдикции всего было рассмотрено 19 750 ходатайств, из них удовлетворено – 19 096 (96,69 %) [3], что также подчеркивает наше предположение о формальном подходе судей к принятию решений по этим вопросам.

К сожалению, в нашем уголовном судопроизводстве приоритет отдается превентив-

ному судебному контролю (ч. 2, 3, 4 ст. 165 УПК РФ) за производством следственных действий, чем последующему (ч. 5 ст. 165 УПК РФ). Считаем, что такой подход не является обоснованным, так как законодатель, не прописав в УПК РФ критерии оценки необходимости ограничения конституционных прав личности, процедуру судебного заседания по судебному контролю, оставил тем самым решение этих вопросов на усмотрение судьи. В уголовно-процессуальном законе указано лишь, что в судебном заседании при рассмотрении ходатайства участвует суд и сторона обвинения, для последней присутствие в котором является правом (ч. 3 ст. 165 УПК РФ). Фигурирование именно этих участников процесса в превентивном судебно-контрольном производстве понятно, потому что «в противном случае следственные и иные процессуальные действия, достижение позитивных результатов которых в значительной степени обусловлено их внезапным и конфиденциальным характером, при уведомлении о предстоящем их проведении заинтересованных лиц могли бы утратить всякий смысл» [1]. Мы разделяем точку зрения С. Б. Россинского в том, что «предварительный судебный контроль в этой части скорее напоминает не деятельность суда, а некую административную процедуру» [9].

Вместе с тем в рамках последующего судебного контроля могут принимать участие уже две стороны: обвинения и защиты; решение принимается не исключительно на материалах, представленных стороной обвинения, и «нет необходимости сохранять в тайне следственное действие, поскольку оно рассматривается как свершившийся факт...» [12]. Полагаем, что в таком судебном заседании обеспечивается состязательность судебного заседания при решении вопроса о законности или незаконности проведенного следственного действия: сторона защиты может повлиять на признание полученных таким путем доказательств недопустимыми, если они собраны с нарушением закона. Соответственно, суд сможет более полно и объективно рассмотреть ситуацию и вынести законное и обоснованное решение.

Следует отметить, что законом достойно не проработана процедура производства последующего судебного контроля. Например, в УПК РФ нет обязанности следователя, осуществившего следственное действие, в случае, не терпящем отлагательства, разъяснить заинте-

ресованным лицам право на участие в судебном заседании, проводимом в соответствии с требованиями ч. 5 ст. 165 УПК РФ, и сообщить о суде, в который будет направлена документация, и времени рассмотрения законности и обоснованности следственного действия. Хотя заинтересованные лица имеют право на участие в проверке законности проведенного следственного действия. Конституционный Суд РФ в Определении от 16 декабря 2008 г. № 1076-О-П указал, что суд не вправе отказать в удовлетворении ходатайства лица, в отношении которого проводился обыск, и его защитника об участии в судебном заседании по проверке законности проведенного обыска, суд обязан направить им копию судебного решения для обеспечения права на его обжалование [2].

В этой связи считаем целесообразным предусмотреть в УПК РФ участие стороны защиты в судебном заседании по рассмотрению законности проведенного следственного действия в порядке ч. 5 ст. 165 УПК РФ, в связи с чем возложить обязанность на следователя предупреждать лиц, в отношении которых было произведено следственное действие, о праве на участие в рассмотрении законности его производства. Также обязать суд направлять участникам со стороны защиты копию судебного решения для обеспечения права на его обжалование.

Хотелось бы обратить внимание на судебную практику Иркутской области, а именно конкретного федерального суда, в котором из четырех районных судей одному случается рассматривать ходатайство об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, другому – об ее продлении, а третьему – об изменении одной меры пресечения на другую. В итоге при рассмотрении дела по существу участвует не четвертый судья, а тот, который ранее выносил решение об удовлетворении того или иного ходатайства. Тем самым у такого судьи сформировалось предвзятое мнение по отношению к подсудимому, что является недопустимым и подрывает его независимость. Конституционный Суд РФ изложил свою позицию по данному вопросу в постановлении и подчеркнул, что «немаловажной проблемой, связанной с реализацией судом функций судебного контроля и разрешения уголовного дела по существу, является формирование у суда (судьи) внутреннего убеждения относительно виновности конкретного лица при изу-

чении материалов, представленных стороной обвинения в качестве основания для производства процессуальных действий и принятия решений, ограничивающих конституционные права и свободы граждан» [6].

Поэтому мы считаем, что повторное участие в судебном разбирательстве судьи, принимавшего решения, в порядке судебного контроля недопустимо и противоречит ст. 120 Конституции РФ, ст. 8.1. УПК РФ и ряду других положений.

Профессор А. В. Смирнов своей статье «Возрождение института следственных судей в российском уголовном процессе» на сайте Российского агентства правовой и судебной информации предложил реализовать концепцию введения фигуры следственного судьи, осуществляющего беспристрастный судебный контроль, так как данный судья не будет участвовать в судебных разбирательствах по существу. Предложенная профессором А. В. Смирновым концепция представляется нам оправданной только в части судебного контроля, т. е. следственный судья не будет осуществлять судебные следственные действия, депонирование доказательств сторон, предание обвиняемого суду.

Подсудность по конкретным уголовным делам, рассматриваемым следственным судьей, определяется только рядом преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 31 УПК РФ и именно таких, по которым «в качестве наиболее строгого вида наказания не могут быть назначены пожизненное лишение свободы, а также ряд экономических преступлений» [11]. По остальным категориям уголовных дел автор не предусматривает участие следственного судьи. То есть по вышеуказанным преступлениям следственные судьи будут осуществлять судебный контроль, а по другим преступлениям – районный суд? Нам представляется, что такое деление компетенции нарушает положения ст. 3 Декларации прав и свобод человека и гражданина, ст. 19 Конституции РФ, и мы утверждаем, что если наделять судей правом осуществлять беспристрастный судебный контроль, то необходимо его распространение на каждое преступление и каждого обвиняемого.

Необходимо ввести в действующее уголовное судопроизводство специализированного судью (судью по судебному контролю) первой инстанции, не участвующего при рассмотрении уголовного дела в судебном разби-

рательстве, но осуществляющего судебный контроль на стадии предварительного расследования. Необходимо, чтобы в каждом районном суде было несколько профессиональных судей, выполняющих исключительно функцию судебного контроля. «Попытки законодателя ввести запрет судье участвовать в разбирательствах дела, если он ранее давал разрешение на заключение обвиняемого под стражу и проверял законность и обоснованность данного решения, не увенчались успехом и не могли увенчаться успехом, поскольку во многих двух-, трехсоставных судах отправление правосудия стало бы невозможным при использовании института отвода судей по указанному основанию» [8].

В компетенцию судьи по судебному контролю будет входить: дача разрешения органам предварительного расследования на проведение следственных и оперативно-разыскных действий, ограничивающих конституционные права личности; принятие решений о применении мер пресечения и других мер процессуального принуждения, требующих судебного решения; рассмотрение жалоб в порядке ст. 125, ст. 125.1 УПК РФ, в том числе и по вопросам недопустимости полученных сторонами доказательств и нарушения разумного срока производства по делу.

Подводя итоги, считаем целесообразным внести следующие изменения в УПК РФ:

1) добавить п. 48.1 ст. 5 и изложить его в следующей редакции: «Судья по судебному контролю – судья районного суда, осуществляющий судебный контроль на досудебном производстве по уголовному делу»;

2) п. 51.1 ст. 5 и изложить его в следующей редакции: «Судебный контроль – компетенция судьи по судебному контролю, состоящая из решения вопроса: о производстве процессуальных и следственных действий, затрагивающих конституционные права и свободы личности; о применении, продлении или отмене залога, домашнего ареста, заключения под стражу в отношении подозреваемого или обвиняемого; о применении временного отстранения от должности, ареста на имущество и денежного взыскания в отношении конкретных лиц; о судебном порядке рассмотрения жалоб»;

3) п. 5.1 ст. 164 УПК РФ и изложить его в следующей редакции: «Следователь, осуществивший следственное действие, в исключительном случае, не терпящем отлагательства,

разъясняет лицам, в отношении которых было произведено следственное действие, право на участие в судебном заседании при рассмотрении законности проведенного следственного действия», в том числе внести связанные с этим изменения в диспозиции соответствующих статей.

Введение института судьбы по судебному контролю может стать наиболее перспективным и эффективным средством осуществления судебного контроля в досудебном производстве с постепенным повышением самостоятельных начал, гарантий на защиту конституционных прав участников процесса, а также поможет освободить судью, уполномоченного рассматривать дело по существу, от функций, которые могли бы повлиять на его решение.

Список литературы

Судебная практика

1. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Власова Валерия Александровича на нарушение его конституционных прав положениями статей 115 и 165 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 25 марта 2004 г. № 124-О // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]: справочная правовая система.
2. По жалобам граждан Арбузовой Елены Николаевны, Баланчуковой Александры Васильевны и других на нарушение их конституционных прав частями третьей и пятой статьи 165 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 16 дек. 2008 г. № 1076-О-П // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]: справочная правовая система.
3. Свободные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 1-е полугодие 2016 г. [Электронный ресурс] // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации: сайт. — URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3577>.

4. Основные статистические показатели деятельности судов общей юрисдикции за 2016 г. [Электронный ресурс] // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации: сайт. — URL: http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2017/Osnovnye_oper_pokazateli_2016.xlsx.

Специальная литература

5. Колоколов Н. А. Конституционное право на неприкосновенность жилища: к вопросу об эффективности превентивного судебного контроля (ч. 1) // Рос. судья. — 2010. — № 6 — С. 14.
6. Красильников А. В. О целесообразности формирования в российском уголовном процессе института следственных судей // Рос. юстиция. — 2016. — № 8 // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]: справочная правовая система.
7. Мельников В. Ю. Некоторые вопросы совершенствования института судебного контроля // Рос. судья. — 2015. — № 7 // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]: справочная правовая система.
8. Мяззлец О. А. Следственный судья в уголовном процессе России: за и против // Рос. юстиция. — 2008. — № 6 // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]: справочная правовая система.
9. Россинский С. Б. Нужен ли предварительный судебный контроль за производством следственных действий в жилище (ч. 2) // Рос. судья. — 2009. — № 7 // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]: справочная правовая система.
10. Смирнов А. В. Возрождение института следственных судей в российском уголовном процессе [Электронный ресурс] // Рос. агентство правовой и судебной информации (РАПСИ): сайт. — URL: http://rap-sinews.ru/judicial_analyst/20150224/273218436.html.
11. Смирнов А. В. Возрождение института следственных судей в российском уголовном процессе [Электронный ресурс] // Международная ассоциация содействия правосудию (МАСП): сайт. — URL: <http://www.iauaj.net/node/1723>.
12. Чепурная И. В. Судебный контроль в досудебном уголовном производстве: дис. ... канд. юрид. наук. — М.: Рос. тамож. акад., 2005. — 179 с.

УДК 343.1

ВОЗНИКНОВЕНИЕ И СТАНОВЛЕНИЕ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ОБВИНИТЕЛЬНОМ ПРИГОВОРЕ В ДОРЕФОРМЕННОЙ РОССИИ. ЧАСТЬ 1

Попова Ирина Павловна

*председатель Усть-Илимского городского суда Иркутской области в почетной отставке,
старший преподаватель кафедры уголовного права, криминологии и уголовного процесса
Юридического института Байкальского государственного университета, г. Иркутск
e-mail: irinabaikal@mail.ru*

THE GENESIS AND FORMATION OF THE CRIMINAL PROCEDURE LEGISLATION ABOUT CRIMINAL VERDICT DOREFORM RUSSIA. PART 1

Irina Popova

*the chairman of the Ust-Ilim city court of the Irkutsk region in honor able resignation,
teacher of the chair of criminal law, criminology and criminal procedure
of Law Institute, Baikal State University, Irkutsk*

АННОТАЦИЯ

Цель данного исследования заключается в выявлении исторических тенденций современного уголовно-процессуального законодательства об обвинительном приговоре. В результате применения всеобщего диалектического метода научного познания, общенаучных методов системного исследования и применения таких частнонаучных методов, как историко-правовой и сравнительно-правовой, автор пришел к выводу, что, начиная с уголовного правосудия Древней Руси, судопроизводство и приговор должны были соответствовать требованию справедливости.

ABSTRACT

The purpose of this study is to identify historical trends in modern criminal procedure legislation on conviction. As a result of the application of the universal dialectical method of scientific cognition, general scientific methods of system research, and the application of such private scientific methods as historical legal and comparative legal, the author came to the conclusion that, since the criminal justice of Ancient Rus, the trial and sentence had to be Meet the requirement of justice.

Ключевые слова: правосудие; приговор; обвинительный приговор; уголовное судопроизводство; справедливость; виновность; наказание.

Keywords: jurisdiction sentence; conviction; criminal proceedings; justice; criminal verdict; punishment.

Комплексное исследование любого правового явления окажется неполным без изучения истории его возникновения. Изучение исторических традиций национального права, безусловно, способствует не только пониманию современных проблем законодательства и правоприменительной практики, но и позволяет выработать наиболее эффективные рекомендации по его совершенствованию.

Возродившийся интерес к исследованиям истории российского уголовного судопроизводства вне рамок «политических и классовых» оценок исторических событий дает возмож-

ность каждому исследователю иначе взглянуть на природу тех или иных правовых явлений.

Как справедливо подчеркивает И. В. Смолькова, «в вопросах организации уголовного судопроизводства нельзя не учитывать уровень исторического развития общества и государства: в этих вопросах история не прощает ни опережения времени, ни опоздания. Закон, не имеющий корней в исторических условиях жизни страны и народа, обречен на то, что станет мертвой буквой» [22, с. 8–9].

В Толковом словаре русского языка значение слова «правосудие» определено как «правый суд, справедливый приговор, решение по

закону, по совести или правда» [5, с. 628]. С. И. Ожегов и Н. Ю. Шведова термин «правосудие» употребляют в двух значениях: «1) деятельность судебных органов; 2) справедливое решение дела, спора», а термин «справедливый» – в трех значениях: «1) действующий беспристрастно, соответствующий истине; 2) осуществляемый на законных и честных основаниях; 3) истинный, правильный» [16, с. 577, 757].

Таким образом, слова «правосудие» и «справедливость» употребляются как синонимы. Этимология этих слов свидетельствует и об единстве сущности этих понятий. Современное уголовно-процессуальное законодательство, будучи преемником дореволюционного российского уголовного правосудия, включает в себя такие нравственные категории, как совесть и справедливость.

«Правосудие – это ценность, которая зародилась в лоне человеческого общества и принадлежит людям. Быть может, оно служит земным отражением божественного замысла о человеке, которому дарованы, наряду с органами восприятия, и рецепторы справедливости», – метко заметил по этому поводу С. А. Пашин [17, с. 8]. Отсюда представляются совсем не случайными как названия источников права российского законодательства, так и то, что более разработанными оказались нормы права, регулирующие отношения в связи с совершением уголовного-правового конфликта, требующего разрешения и защиты нарушенных прав.

Г. В. Мальцев отмечает, что древние греки понимали значение закона как справедливость, справедливую долю, которую закон несет каждому, кто ему подчинен, именно в законе установлена истинная мера, в соответствии с которой каждому уделяется нечто положенное, надлежащее. Они рассматривали справедливость как меру добра или меру благочестия, а действовать или получать по закону означало действовать или получать по справедливости [14, с. 101–102]. Исследования славянской мифологии привели данного автора к точке зрения, что дух славянского язычества определялся такими правовыми ценностями, как порядок и закон, правда и справедливость. Универсум славяне представляли как единство трех мировых субстанций: явь («белый свет»), навь (мрачная, пассивная, подземная сила) и правь (сила правды и всеобщего закона, символ бо-

жественной мудрости, справедливости, гармонии и порядка [14, с. 170].

С учетом изложенного представляется необходимым изучить зарождение, становление и развитие понятий «справедливость», «виновность», «приговор», его видов, предъявляемых к приговору требований и особенностей порядка постановления приговора, для выяснения преемственности указанных понятий в уголовно-процессуальном законодательстве об обвинительном приговоре.

Период древнерусского государства характеризуется зарождением судебных функций, причем первыми нормативными правовыми актами в большей степени регулировались вопросы уголовного судоустройства и уголовного судопроизводства [24, с. 29]. Впервые слово «суд» в смысле судебного разбирательства встречается в Уставе князя Владимира Святославовича «О десятинах, судах и людях церковных» [18, с. 137–151]. Точной даты появления данного источника древнерусского права не установлено, есть точка зрения, что это первые годы XI в. [11, с. 5]. Данный Устав принято рассматривать как первый нормативный акт, стройно излагающий отечественную судебную систему и отдельные процессуальные процедуры [6, с. 9].

Упоминания о суде имелись уже и в Договорах Руси с Византией 911 г. Тогда функции суда выполняли князь и церковь. «Закон Русский», о котором упоминается в Договорах с Византией 911 г. и 944 г., как первый российский свод законов, предшествовал Русской Правде [18, с. 47–73] и закреплял нормы обычного устного права [8, с. 103–105]. Определенные ограничения права кровной мести уже отмечались в разных редакциях Русской Правды, однако еще судьбы XIV–XVII вв. руководствовались не только законами, но и древними обычаями [12, с. 4]. «Русская правда» не предусматривала письменных решений в судопроизводстве, в тексте упоминались слова «вина», «виноват», «виноватый», что означало совершение действий, влекущих ответственность.

Уже в Псковской судной грамоте [18, с. 331–344] упоминаются два вида письменных решений: «ссудница» (решение по делу) и «безсудная грамота» [10, с. 124–133] – по результатам заочного рассмотрения дела в отсутствие ответчика, не явившегося на суд. Не было разделения на гражданские и уголовные дела, что подчеркивало в качестве цели судо-

производства восстановление нарушенного права лица, вне зависимости от характера нарушения. Однако уже были разрешены вопросы подсудности между многочисленными судебными учреждениями. В исключительных случаях, как правило, по наиболее тяжким преступлениям, некоторым из наместников предоставлялось право «боярского суда», согласно которому они имели право, рассматривая дело, постановить приговор, не требующий последующего утверждения приговора князем [4, с. 57].

Судьи присягали не выносить обвинительного приговора без наличия доказательств, не наказывать правого, не миловать виноватого, следуя принципу справедливости, воплощенному в судебной практике [25, с. 5–15]: «правого не погубити, а виноватого не жаловать», «не оправить», а «без исправы человека не погубити» (ст. 3, 59), а если «всудят не в правду» (по справедливости), «не в право» (по закону), то это грозило Божьим судом «во втором пришествии» (ст. 4, 77, 78). Обвинительный приговор постановлялся, когда обвиняемый не смог доказать свою невиновность в совершении обиды (преступления).

Вопросам организации судебной власти было посвящено своеобразное пособие для судей, называемое «Мерило Праведное» (XII–XIV вв.). По мнению Т. Ю. Амплеевой, исходя из значения слова «мерило» как весы, мера, название «Мерило Праведное» может быть переведено как «правосудные весы» или «праведный суд», т. е. в современном понимании – справедливый суд. Данный сборник содержал требования к судьям вершить суд основательно, по здравому рассуждению, невзирая на лица, заботясь о вынесении справедливого решения [2, с. 58, 59].

Являясь первыми систематизированными сборниками законодательных установлений, Судебники 1497 [19, с. 54–62] и 1550 гг. [Там же, с. 97–129] включали нормы процессуального права, в соответствии с которыми решение по делу и протокол судебного разбирательства заносились в правую грамоту. Судебники регламентировали порядок ее выдачи, как правило, по просьбе выигравшей стороны и с уплатой госпошлины.

В середине XVI в. в Судебнике 1550 г. появляется первое упоминание о приговоре. Как субъект правотворческой деятельности Боярская Дума принимала решение на основе докладных выписок, заслушав которые «бояре

приговорили», что означало «решили». Отсюда, скорее всего, и пошло наименование такого юридического акта, как решения – приговора [7, с. 180]. Боярская Дума также выступала в качестве апелляционной инстанции. Восполняя пробелы в законодательстве, судебные боярские приговоры как судебные прецеденты становились нормой права.

Понятие «суд» употреблялось в широком и узком смысле слова: в широком – под судом понималось всякое судебное разбирательство какого-либо дела, в узком – под судом понималась форма судебного производства (в отличие от сыска), где не применялись пытки, доказательствами служили – свидетельские показания, поле и крестное целование. Сыск, как форма производства по делу, предусматривал пытку как способ получения доказательств, производился по важным уголовным делам, которые не могли быть окончены примирением [12, с. 117–118, 122, 134]. Расследования по сыскным делам заканчивались только постановлением приговора. Все производство на суде по сыскным делам записывалось в земские списки губными или земскими дьяками в присутствии судей и целовальников. Особые списки по приговорам к смертной казни велись земскими дьяками, подписывались также судьями и сторонними грамотными людьми, хранились у городских или вотчинных приказчиков.

Суд был «по правде» (справедливости), и наказание дифференцировалось государем «посмотря по человеку», «смотря по делу», «смотря по вине» (ст. 25 Судебника 1550 г.), т. е., в том числе, исходя из социального положения виновного. «Виноватый» – означало проигравший дело. Форма процесса определялась в зависимости от личности обвиняемого, совершившего воровство или иное лихое дело: если человека признавали «лихим», то его пытали и дело рассматривали розыском (виновный именовался «облихованным», что влекло более суровое наказание при повторной краже (Ст. 8 Судебника 1497 г., ст. 56 Судебника 1550 г.), если «добрым человеком» – то судом, т. е. обвинительным процессом (ст. 11 Судебника 1497 г., ст. 52 Судебника 1550 г.). Цели наказания, кроме возмездия и материального пополнения казны, предусматривали устрашение: «чтобы на то смотря, другим не повадно было так делати».

Процедура постановления приговора по сыскным делам не была регламентирована подробно. Более сложной представлялась процедура постановления приговора по важным уголовным делам, например измене [3]. Краткое содержание приговора, в котором с указанием на дату и состав суда от имени государя излагалась суть преступления и наказания, провозглашалось сразу по исследовании доказательств. Через несколько дней оглашался на основании списков более подробный приговор, который немедленно приводился в исполнение. По иным преступлениям порядок постановления приговора был еще проще, приговоры были более краткими, приводились в исполнение немедленно. В целом, если лицо было застигнуто с поличным, производство было настолько кратким, что порою занимало несколько дней до момента исполнения приговора.

По судным делам, которые начинались производством не иначе как по жалобе, порядок постановления приговора также был несложным. Приговор включался в судные списки, которые подписывались судьей и целовальниками (судными мужьями). Приговоры были краткими. Содержали указание на состав суда, и решение о том, что судья «оправил» (оправдал) или «обвинил». Таким образом, в этот период уже была классификация на обвинительные и оправдательные приговоры. Некоторые приговоры содержали основания постановления того или другого вида приговора со ссылкой на доказательства. Приговор оглашался в присутствии сторон – это называлось «сказкою приговора». Оправданный имел право на получение копии с судного дела и приговора – это именовалось «правую грамоту» [12, с. 171–175, 218–219].

Придавая большое значение объективности судебных решений, Судебник 1550 г. ввел наказания за взяточничество и злоупотребления суда (ст. ст. 1–3) в качестве гарантии независимости уголовного судопроизводства. В результате развития и появления основ кодификации права по Судебникам 1497 и 1550 гг. по всей стране были созданы единообразные судебные учреждения, в то же время не отделенные от государственной администрации.

Указанные тенденции были продолжены формированием сословного суда в судебной системе централизованной России по Соборному уложению 1649 г. Исследователями истории уголовного правосудия отмечалось, что

Соборное уложение «никогда не смешивает сыска с судом. О суде всегда говорится: “до чего доведется”, о сыске: “сыщется до прямя”. Этими двумя почти техническими выражениями изображается различный характер суда и сыска: тяжущиеся могут доказать свое право, могут и не доказать его; но судья обязан во что бы то ни стало доискаться истины» [Цит. по: 23]. Самая обширная глава X «О суде» занимала почти треть всего Уложения.

Судить можно было только «вправду» (по справедливости) (глава X ст. 1). Закреплялся принцип о том, что решенное дело почитается за истину (ст. 109) и не могло быть пересмотрено, если был тот же иск против того же человека (ст. 2 гл. XV). Суд и вершение дела составляли самостоятельные стадии. Когда дело было засужено, подписывался сторонами протокол судебного заседания, а «по вершении дела» выносился приговор, завершающий не только уголовное, но и гражданское дело (ст. 113–123) [20, с. 83–257]. Впервые упоминается ответчик как сторона по делу (ранее обе стороны именовались «истцы» или «судяжники»), признание ответчиком иска было главным и решающим основанием для постановления приговора и приводило к окончанию процесса. Копии приговоров вручались сторонам и хранились в государственных архивах, приводились в исполнение от имени и силами государства.

Приговоры по государевым уголовным делам чаще всего выносились боярской думой или царем, в редких случаях – воеводой. По подлинным актам дело разрешалось в случае, если дума сама вела сыск по извету. В иных случаях – дело решалось на основании «выписок» и «доклада». Тотчас по решении дела составлялся краткий приговор («помета»), содержащий лишь указание на род вины и наказание, иногда в «помету» включалось указание на награждение поимщика или изветчика [27, с. 686].

К известным уже праву целям наказания добавляется новая – изоляция преступника от общества. Цель устрашения достигалась тем, что назначались телесные наказания, причинявшие увечье в зависимости от преступления, к примеру, совершившему первую кражу отрезали левое ухо, вторую – правое (ст. 9, 10 Гл. XXI Соборного уложения).

При Петре I развивается дифференциация отраслевого законодательства. Появляется Краткое изображение процессов или судебных

тяжб 1715 г., регламентировавшее процессуальное право и судоустройство в военной юстиции, Указ о форме суда 1723 г., отменявший разыскную форму процесса и введивший необходимость основания приговора на нормах материального права [21, с. 404–460].

Артикул воинский 1715 г. [21, с. 327–365] вводит впервые термин «преступление» (арт. 19), который означал нарушение закона, нарушение норм, определенных Артикулом. За повторные преступления наказание было строже (арт. 6, 15). Смягчение наказания или полное его исключение влекли установленные обстоятельства: 1) «крайней голодной нужды», а украдены были «съестное или питейное или иное, что невеликой цены украдет»; а также преступления: 2) совершенные в лишении ума или 3) малолетними, «которых дабы заранее от сего отучить, могут от родителей своих лозами наказаны быть» (арт. 195).

Как отмечали исследователи, возраст уголовной ответственности не был указан ни в Соборном уложении, ни в Артикуле воинском. В Новоуказных статьях 1669 г. имелось указание на возраст при определении ответственности за убийство (7 лет) [21, с. 86].

Суд был коллегиальным, должен был состоять из числа «честных особ», т. е. лиц, достойных уважения, не опороченных в глазах общества и государства [26, с. 96]. Глава первая третьей части Краткого изображения процессов или судебных тяжб [21, с. 408–425], именованная «О приговоре», регламентировала порядок голосования при постановлении приговора (при выяснении мнений опрос начинался с младшего члена суда, при равенстве голосов перевешивал голос председателя) и предусматривала постановление приговора по окончании судебного следствия, без прений сторон и последнего слова (ст. 1–4). Требовалось отразить все обстоятельства дела и мотивы («фундамент» приговора), т. е. «Краткое изображение процессов» содержало требование обоснованности приговора. Предусматривалась возможность в особом протоколе изложить свое мнение о несогласии с приговором, при этом оставшийся при особом мнении судья обязан был подписать приговор.

Оглашение приговора происходило в присутствии состава суда, челобитчика и ответчика, секретарем, который мог изготовить приговор. В 1715 г. вводилась должность аудитора, отвечавшего за объективность самого

суда (ст. 8). Сам аудитор был независим от должностных лиц и органов, от него требовалось хорошее знание права: «надлежит оным добрым быть юристом». При этом аудитор отвечал за неправомерный приговор, если вынесению такого приговора он сам потворствовал («похлебствовал») [21, с. 99].

Аудитор, не будучи членом суда и не имея права голоса, оформлял в письменной форме приговор суда («сентенцию») в силу своей юридической осведомленности. Приговор подписывался членами суда, председателем и аудитором. После подписания приговора президентом аудитор вычитывал его текст, выверяя и «чисто очерчивая», чтобы невозможно было ничего приписать. Предусмотрен был и перечень оснований к отмене приговора: серьезные процессуальные нарушения, явные нарушения закона, наличие противоречий в приговоре (ст. 1 гл. 2).

Аналогичная процедура постановления приговора содержалась и в Воинском уставе. После провозглашения приговора сторонам решения низшего суда не подлежали апелляции, их утверждало военное начальство. В случае нарушения делопроизводства в суде приговор мог быть отменен и лишен юридической силы [13, с. 611].

Наибольшее доверие у Петра I в конце XVII в. вызывал Преображенский приказ, на рассмотрение которого с 1695 г. передавались наиболее важные на тот период политические дела по «государеву слову и делу». В затруднительных случаях судья Преображенского приказа обращался непосредственно к царю, который только в период 1700–1705 гг. рассмотрел более 50 дел и вынес по ним решения, которые определяли развитие судебной деятельности приказа. Приговор по делам о государственных преступлениях был окончательным, но в более сложных случаях судья мог обратиться к царю или боярской коллегии [1, с. 120, 140].

Уголовные дела в отношении высокопоставленных местных администраторов, командиров гарнизонных воинских частей рассматривались «майорскими» разыскными канцеляриями. По сложным делам командиры канцелярий совещались между собой, обращались лично к Петру I. По окончании следствия они направляли царю или Сенату подлинное дело или экстракт из него со своим мнением («сентенцией»). Но в случаях, когда некоторые дела не доходили до суда в связи со смертью обви-

няемого, Петр I выносил приговоры «по смертно». Так, не дожидая суда бывший томский комендант Р. А. Траханиотов, по делу которого был составлен экстракт. Ознакомившись с результатами розыска, Петр I повелел тело умершего выкопать и в «Москве, в пристойном месте, повесить» [1, с. 167].

С созданием в 1717 г. Юстиц-коллегии начался процесс отделения органов правосудия от администрации. Изданная в 1722 г. Юстиц-коллегией Инструкция надворным судам предусматривала во время совещания судей последнему высказываться президенту, не обозначая заранее своего мнения, чтобы никто из членов не имел повода соглашаться с ним в силу страха или «для угождения». В случае разногласий в протокол записывались мотивированные мнения отдельных членов суда. При равенстве голосов принималось мнение той стороны, которая высказывалась за более снисходительный и выгодный для обвиняемого приговор, при этом деятельность суда должна была оставаться тайной, а члены судебного присутствия должны были хранить тайну совещания, «понеже молчание есть едина от начальных добродетелей судьям» [1, с. 195].

Именной Указ «О форме суда» 1723 г. предусматривал, что приговор должен выноситься по всем пунктам обвинения, а не общим по всему делу, и должен был основываться на соответствующих («приличных») статьях материального права [1, с. 209–210].

Суд при Екатерине II сохранял сословность и основные черты и тенденции, заложенные Петром I. Между тем императрица имела намерения издать новое Уложение, для чего была создана комиссия. В Наказе комиссии Екатерина II подчеркивала, что «приговоры должны быть, сколь возможно, ясны и тверды, даже для того, чтобы они самые точные слова закона в себе содержали. Если же они будут заключать в себе особенное мнение судьи, то люди будут жить в обществе, не зная точно взаимных в той державе друг к другу обязательств... Приговоры судей должны быть народу ведомы, так как и доказательства преступлений, чтобы всяк из граждан мог сказать, что он живет под защитой законов... Человека не можно почитать виноватым прежде приговора судейского, и законы не могут его лишить защиты своей прежде, нежели доказано будет, что он нарушил оные... по закону тот

не виновен, чье преступление не доказано» [15, с. 32, 49, 53].

Однако широкого распространения идеи, отраженные в «Наказе», не получили, поскольку с ведома самой императрицы Сенатом текст был разослан только властным членам высших центральных учреждений. Как отмечал В. О. Ключевский, «“Наказ”» всегда покоился на судейском столе, и только по субботам, когда не докладывались текущие дела, эти члены в тесном кругу читали его, как читают в кабинете, запершись, запретную книжку избранным гостям» [9, с. 796].

Список литературы

1. Акишин М. О. Судебная реформа Петра I: дис. ... канд. юрид. наук / М. О. Акишин. — СПб., 2005. — 231 с.
2. Амплеева Т. Ю. История уголовного судопроизводства России (IX–XIX вв.): дис. ... д-ра юрид. наук / Т. Ю. Амплеева. — М., 2009. — 457 с.
3. Артеменко И. А. Проблемы правоприменения в осознании понятия преступления по приговору Боярской Думы в отношении воеводы М. Б. Шенна по итогам Смоленской войны 1632–1634 гг. [Электронный ресурс] / И. А. Артеменко // Изв. Иркут. гос. экон. акад. (БГУЭП) : электрон. журн. — 2014. — № 2. — URL: <http://eizvestia.ru>.
4. Буркин А. И. Становление и развитие судебных органов в период русского централизованного государства (IX–XVII вв.) // Судья. — 2013. — № 9. — С. 57–59.
5. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: Современное написание: в 4 т. Т. 3 / В. И. Даль. — М.: АСТ; Астрель, 2004. — 921 с.
6. Загорский Г. И. У истоков российского уголовного судопроизводства (к 1000-летию Русской Правды): монография / Г. И. Загорский, Ю. А. Зюбанов. — М.: Проспект, 2016. — 104 с.
7. История государства и права России: учебник / под общ. ред. Ю. В. Оспенникова: в 2 ч. Ч. 1. — М.: Юрлитинформ, 2015. (Автор главы В. И. Федосеев). — 512 с.
8. История России: в 2 т. Т. 1. С древнейших времен до конца XVIII в. / А. Н. Сахаров [и др.]; под ред. А. Н. Сахарова. — М.: АСТ; Ермак; Астрель, 2005. — 943 с.
9. Ключевский В. О. Русская история / В. О. Ключевский. — М.: Эксмо, 2005. — 912 с.
10. Куницын А. Историческое изображение древнего судопроизводства в России / А. Куницын. — СПб.: Тип. Второго отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1843. — 151 с.
11. Кутафин О. Е. Судебная власть в России: история, документы: в 6 т. Т. 1 / О. Е. Кутафин, В. М. Лебедев, Г. Ю. Семигин. — М.: Мысль, 2003. — 701 с.
12. Ланге Н. Древнее русское уголовное судопроизводство (XIV, XV, XVI и половины XVII в.) /

Н. Ланге. – СПб. : Тип. и хромотограф. А. Траншея, 1884. – 248 с.

13. Латкин В. Н. Учебник истории русского права периода империи (XVIII и XIX вв.) / В. Н. Латкин. – 2-е изд., перераб. и доп. – СПб. : Тип. Монтвида, 1909. – 644 с.

14. Мальцев Г. В. Культурные традиции права : монография / Г. В. Мальцев. – М. : Норма: ИНФРА-М, 2016. – 608 с.

15. Наказ императрицы Екатерины II, данный Комиссии о сочинении проекта нового Уложения / под ред. Н. Д. Чечулина. – СПб. : Тип. Импер. Акад. наук, 1907. – 175 с.

16. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова ; РАН ; Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. – М. : Азбуковник, 1997. – 944 с.

17. Пашин С. А. Становление правосудия / С. А. Пашин. – М. : Р. Валент, 2011. – 456 с.

18. Российское законодательство X–XX вв.: в 9 т. Т. 1. Законодательство Древней Руси. – М. : Юрид. лит., 1984. – 432 с.

19. Российское законодательство X–XX вв.: в 9 т. Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления русского централизованного государства. – М. : Юрид. лит., 1986. – 520 с.

20. Российское законодательство X–XX вв.: в 9 т. Т. 3. Акты земских соборов. – М. : Юрид. лит., 1986. – 512 с.

21. Российское законодательство X–XX вв.: в 9 т. Т. 4. Законодательство периода становления абсолютизма. – М. : Юрид. лит., 1986. – 512 с.

22. Смолькова И. В. Лекции по истории уголовного процесса России / науч. ред. И. В. Смолькова ; отв. ред. Р. В. Мазюк. – Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2010. – 404 с.

23. Стус Н. В. «Сыск», «суд» и «розыск» в уголовно-процессуальном законодательстве России XV–XVIII вв. // Юрид. мир – 2015. – № 4 // КонсультантПлюс [Электронный ресурс] : справочная правовая система.

24. Стус Н. В. Уголовно-судебное право России в XII–XIX вв.: историко-правовое исследование : дис. ... д-ра юрид. наук. – Белгород, 2015. – 395 с.

25. Сырых В. М. Псковская судная грамота как творческое развитие Русской Правды в условиях феодальной республики // Рос. правосудие. – 2016. – № 7 (123). – С. 5–15.

26. Хрусталева Л. А. Судебно-правовые реформы Петра I (конец XVII – первая четверть XVIII в.) : дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2003. – 233 с.

27. Чельцов-Бебутов М. А. Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих и буржуазных государствах / М. А. Чельцов-Бебутов. – М. : Гос. изд-во юрид. лит., 1957. – Т. 1. – 839 с.

УДК 343.14

**К ВОПРОСУ О «СОВЕСТИ» КАК КОМПОНЕНТЕ
МОРАЛЬНО-НРАВСТВЕННЫХ ОСНОВ
В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ
И ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

Середнев Владимир Анатольевич

преподаватель, факультет экономики и права, кафедра права,
философии и социальных дисциплин,

Арзамасский филиал Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского
e-mail: naganov1910@mail.ru

**TO THE QUESTION OF «CONSCIENCE»
AS A COMPONENT OF MORAL AND MORAL FOUNDATIONS
IN CRIMINAL PROCESSUAL
AND OPERATIONAL-OPTIONAL ACTIVITIES**

Vladimir Serednev

Faculty of Economics and Law, Department of Law,
Philosophy and Social Sciences, Arzamas Branch
of Nizhny Novgorod State University. N. I. Lobachevsky

АННОТАЦИЯ

В работе рассмотрены основные положения, направленные на совершенствование и реализацию нравственных основ в уголовно-процессуальной и оперативно-разыскной деятельности. Для наиболее эффективного доказывания по уголовным делам, автор считает необходимым такой феномен, как «совесть», ввести в ранг принципа уголовного процесса, а в оперативно-разыскной деятельности «принцип совести» закрепить в нравственных принципах ОРД, при этом дифференцировать морально-нравственный комплекс принципов ОРД на принципы морали и нравственности.

ABSTRACT

The paper considers the main provisions aimed at improving and implementing moral foundations in criminal procedural and operational-search activities. For the most effective proof of criminal cases, the author considers it necessary to introduce such a phenomenon as «conscience» into the rank of the principle of the criminal process, and in the operative-investigative activity the «principle of conscience» should be fixed in the moral principles of the RDD, while differentiating the moral and moral complex of the principles of the SAR, On the principles of morality and morality.

Ключевые слова: уголовный процесс; оперативно-разыскная деятельность; совесть; нравственность; мораль; справедливость; дух; душа; закон.

Keywords: criminal process, operatively investigative activity, conscience, morality, morality, justice, spirit, soul, law.

Совесть раскрывает человеческому сознанию, что истинное положение дел не соответствует мнимому...

И. А. Ильин

Концепция действующего Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации основана на западной идеологии «прав человека». «Права человека выступают как новое основание мирового порядка Запада. Именно поэтому права человека рассматрива-

ются в качестве «религии человечества... на идеологии «прав человека», заложена идея «правосудия без границ», стремящаяся уничтожить, без того «больное» российское правосудие...» [21, с. 45–54].

Говоря о механизме совести, следует указать, что «совесть должна побуждать суд, прокурора, следователя, орган дознания и дознавателя активно действовать в поиске истины по уголовному делу с тем, чтобы принять решение, отвечающее и этическим представлениям

о должном и справедливом» [15, с. 107–108]. Но обращая взор на Запад, следует заметить, что «у других народов нет славянского понятия “совесть”, этот феномен в западной матрице если и рассматривается, то как “внутреннее знание” [17, с. 269], западная научная парадигма отрицает присутствие в человеке души.

В словаре С. И. Ожегова слово «совесть» толкуется как «чувство нравственной ответственности за свое поведение перед окружающими людьми, обществом» [19, с. 1105]. Нравственность же, на наш взгляд, есть представление человека о добре и зле, долге, чести, справедливости и несправедливости, и, естественно, о совести. В толковом словаре того же С. И. Ожегова нравственность толкуется как «правила, определяющие поведение, духовные и душевные качества, необходимые человеку в обществе, а также выполнение этих правил поведения» [19, с. 638]. Классик указывал, что «мораль – это важничанье человека перед природой» [18, с. 767.], а поскольку закон есть способ урегулирования общественных отношений, то именно по этой причине «мораль есть точная копия права» [16, с. 9], соответственно: мораль – это законотворческий процесс, а нравственность – правоприменительный.

«На Руси во все времена видели в законе выражение совести... Екатерина II глубоко усвоила этот традиционный русский взгляд на закон. Законодательство западноевропейских стран, где все подробно, до мельчайших деталей регламентировалось, вызывало у нее отрицательные чувства... Составляя тот или иной нормативный акт российская императрица не просто формулировала правовую норму, а как правило, одновременно выражала свою нравственную позицию... тексты законов, вышедшие из-под руки Ее Величества, наполненные эпитетами, чаще всего возвышенными, производили огромное воспитательное воздействие» [24, с. 82–83]. Да и сегодня следует сказать, что «совесть и здравый смысл русского человека противится многим нынешним вердиктам и приговорам судов, значит, мы обладаем каким-то внутренним ведением исконной подлинно русской справедливости, где не всякая вина считалась преступлением, где тяжким грехом полагались поступки, обыкновенные в современном обществе» [17, с. 129–130].

Обращаясь к современному законодательству, важно понять, по какой причине в ч. 1 ст. 17 УПК РФ введено понятие «совесть» в

аспекте оценки доказательств. «Будучи таковой, она не способна оказывать никакого воздействия на уголовно-процессуальную деятельность, за исключением той ее части, которая основывается на индивидуальном индивидуализме, эгоизме и цинизме» [14], т. е. на идеологии либерализма, навязанного Западом. Поэтому звучит один из главных манифестов либерального воззрения и идеологии «прав человека» – «подлинный эгоизм является очень серьезным моральным достижением» [20].

В настоящее время в УПК РФ духовно-нравственная составляющая следователей, дознавателей, прокурора и суда представлена в каком-то «изуродованном» виде, а «совесть», в крайнем случае, и с очень большой «натяжкой», можно было бы наименовать в ходе интерпретации «социальным контролем», хотя, как уже сказано, весьма условно. Вся причина кроется в том, что лица, наделенные полномочиями на осуществление уголовно-процессуальной деятельности, рассматриваются вне исторического, культурного, духовного наследия народа, то и явление совести формальное. В связи с этим, говоря об интерпретации «совести», в аспекте того, что она собой не представляет объективно то, чем ее хочет представить законодатель в разрезе существующего уголовно-процессуального законодательства, уместна будет цитата немецкого философа Х. Г. Гадамера: «...портрет содержит указание на представленного, в которое он, однако, не укладывается; это указание подразумевается самим представлением и выразительно характеризует его именно как портрет... Это отчетливо проявляется в различии с моделью, которую художник использует, например, для жанровой картины или фигурной композиции... модель – это схема, которая должна исчезнуть. Указание на прообраз, служивший художнику, в картине должен заглухнуть» [6, с. 192].

Профессор А. В. Агутин, рассуждая о совести, рассматривает ее «в качестве внутреннего духовного опыта и внутренней культуры должностного лица, осуществляющего производство по уголовному делу...» [2, с. 187]. Таким образом, по мнению А. В. Агутина, совесть проявляется в духовно-нравственном и культурно-историческом наследии народа, и этому, находясь на фундаментальной основе традиции, традиционного общества, вряд ли можно возразить, так как основной лозунг и

идея традиционных ценностей гласит: «православие, народность, самодержавие».

В нашем обществе господствуют либеральная идеология Запада, правовой и нравственный нигилизм. В такой ситуации невозможно вести серьезный разговор о каком-либо воздействии совести на уголовно-процессуальную деятельность. «Правовой и нравственный нигилизм, — как верно замечает А. Д. Бойков, — по общему признанию стал знаменем — времени невнятных реформ... насаждения... идеологии эгоизма, чистогана, индивидуального успеха любой ценой» [4, с. 32].

В условиях западнизации отечественного уголовного судопроизводства необходимо отметить, что «подобная социокультурная модель, безотказно действующая в Западной Европе и США... входит в глубокое противоречие с русской языковой картиной мира, формирующей совершенно иные представления о жизни и человеческом поведении, нежели западноевропейские языки...» [17, с. 42–43]. Сбылись пророческие взгляды русского философа А. И. Ильина: «Народ, не понимающий своего хозяйства, будет обманут первой же шайкой демагогов. Народ, не способный самостоятельно мыслить о своей судьбе и своем государстве, будет цепляться за подсказываемые ему фальшивые лозунги и побежит за лстивыми предателями» [12, с. 138].

Содержание феномена совести в ее законодательной форме «следует расценивать в качестве надругательства над совестью» [2, с. 190] нашего народа. Сущность законодательной формулы «совести» в УПК РФ есть не что иное, как профанация не только самой нормы (ч. 1 ст. 17 УПК РФ), но всего уголовно-процессуального доказывания, в процессе собирания, проверки и оценки доказательств. «Издеваться» над совестью и пренебрегать ею в аспекте уголовного процесса можно как через субъективный критерий, так и через объективный. То есть, объективно понимая сущность и предназначение совести и действуя ей вопреки, либо зная, что существует такое понятие, как «совесть», даже «верить» в нее, не зная и не понимая при этом основных существенных характеристик совести, — это *субъективный критерий пренебрежения* совестью. Для реализации организационно-правового механизма совести необходимо все-таки, на наш взгляд, неконформистское, критическое мышление, обеспеченное смысловым содер-

жанием культуры и языка народа. На сегодняшний же день прав А. В. Агутин: «...законодательная формула совести не выступает в роли организующей силы внутреннего мира и среды функционирования должностных лиц, осуществляющих производство по уголовному делу... Законодательная формула совести не включает в свое содержание смысловые особенности русского языка как языка межнационального общения народов России... не взаимообусловлена с нашим воспитанием и образованием, религиями, традициями, материальной и духовной культурой» [2, с. 191]. «В организационном аспекте изложенное означает, что законодательная формула совести не создает надлежащие условия для формирования нравственных основ уголовно-процессуальной деятельности...» [2, с. 194], а является, на наш взгляд, механизмом разрушения доказательственного права.

Вступаем в заочную «полемическую дискуссию» с профессором А. В. Агутиным, который отмечает, что «совесть является компонентом определенной морали» [2, с. 194]. Да, мы с этим полностью согласны, поскольку «мораль в отличие от нравственности всегда порождена идеологией и имеет социально-групповой характер (например, воровская мораль, расовая мораль, мораль партии и т. д.). Одно из самых значимых отличий нравственности от морали в том, что в системе морали имеется главное соотношение “свой-чужой”... Принцип “свой-чужой” каждая система морали заимствует у порождающей идеологии, и им обеим — идеологии и морали — свойственны проявления бдительной враждебности к “чужим”» [22, с. 33]. Поэтому совесть как «внутреннее судилище» человека безусловно присутствует в любой морали. Ф. Ницше указывал, что «всякая мораль в противоположность *laisseraller* («распущенности». — В. С.), есть своего рода тирания по отношению к “природе”...» [18, с. 90]. То есть «моральность» не только не есть синоним “добродетели” и не только не выражает одобрения, но, наоборот, является нередко отвергающей и отрицательной характеристикой души...» [10, с. 331]. Тогда Ф. Ницше верно указывает при рассмотрении морали: «Взгляните... на любую мораль, и вы увидите, что ее природа в том и заключается, чтобы учить ненавидеть *laisseraller*, ненавидеть слишком большую свободу и насаждать в нас потребность в ограниченных горизонтах, в

ближайших задачах... [18, с. 92]. Далее А. В. Агутин указывает: «...если в обществе нет моральных норм, то нет совести...» [18, с. 194]. Мы не согласны с данным мнением, так как кроме морали существует еще и нравственность, а это совершенно разные философские категории [22]. «Нравственность сама по себе представляет внутреннее природное содержание человека, она выражает интересы всего человечества (базисные понятия: добро и зло, справедливость, совесть, честность)... Для нравственности же вообще нет “чужих”, а есть лишь более грешные и менее, но все одинаковые “свои”...» [22, с. 33], а если это так, то совесть имеет место и вне морали. Ведь на самом деле «совесть раскрывает человеческому сознанию, что истинное положение дел не соответствует *минимуму*...» [10, с. 356]. Мораль больше связана с пропагандой, с идеологией государства. Поэтому поскольку мораль и нравственность, по нашему убеждению, разные философские категории, мы не согласны с тем, что «нормы морали производны от культуры народа» [2, с. 194], так как солидарны в этом вопросе с мнением Т. А. Мироновой, которая указывает: «Во врожденных русских понятиях о добре и зле мы видим тяготение к свету и отторжение тьмы... деятельная ненависть ко лжи и кривде, приверженность к честности и прямоте, осознание себя правым, белым народом, т. е. стоящим на началах добра и истины» [17, с. 29]. То есть мораль, по нашему мнению, больше соотносится с понятием закона, а «ныне, когда законы государства Российского как никогда далеки от наших понятий о праве и справедливости, мы снова вспоминаем народные юридические обычаи – свой русский порядок жизни» [17, с. 101], свою совесть. А вот с мнением А. В. Агутина относительно совести, что «вне взаимосвязи с культурой русского народа и его религиозными верованиями совесть является ничем не обеспеченной декларацией» [2, с. 194], мы полностью согласны. «Русскому человеку совесть не позволяет многое. Разумеется, помимо запрещенных заповедями Закона Божьего убийства, прелюбодеяния, лжесвидетельства, совесть не позволяет русскому человеку врать... совесть запрещает воровать, присваивать чужое, а еще самовозноситься...» [17, с. 269]. И именно так «ведет нас основной, божественный закон вселенной» [11, с. 330]. И если «религия – это тот образ, каким человек чувствует себя духовно

связанным с невидимым миром или с немиром» [13, с. 9], то под религией следует понимать не только веру в Бога или веру в патриотизм, веру в Родину, но и мощную невидимую связь с идеями экзистенциализма (существования), понятия значения истины для духовного и физического существования человека. Именно поэтому «с позиции русской православной традиции слово “религия” обозначает совестливость и добросовестность...» [2, с. 186].

И. С. Аксаков верно указывал, что «закон не есть непреложная истина, не есть какое-то непогрешимое изречение оракула, не подверженное изменениям: он имеет значение ограниченное и временное, и бессмыслен закон, носящий в себе притязание уловить в свои тесные рамки свободную силу постоянно творящей и разрушающей жизни! Самое “право” не есть нечто само для себя и по себе существующее...» [3], а посему совесть есть механизм внутреннего судилища человека, который направляет закон в нужное русло, как требует это духовное начало нравственного закона. Говоря о духе и душе человека, являющимися связующим звеном между совестью и нравственностью, мы выразим сразу свою точку зрения, в которой укажем, что дух – это скрытая воля человека, а душа – это форма закрепления духа, место его нахождения, но душа сама по себе является автономной по отношению к телу. Душа «живет, растворенная в тех содержаниях, которые ей навязывает природа, и подвергается ее влияниям и определениям: душа определяется климатом, возрастом, расой, наследственностью, темпераментом, половым влечением...» [10, с. 281]. Поэтому именно «в борьбе со своим телом и со своими естественными и непосредственными состояниями душа человека уже поднялась до уровня интеллигентного духа и утвердила в себе... *всеобщую волю, т. е. как единую и цельную страсть духа, нашедшую себе достойный уровень жизни и ищущую полного удовлетворения своей разумной и благой природе*» [10, с. 354]. «Наша русская картина мира заставляет нас быть душевными людьми, изъятие души у человека мы всегда будем рассматривать как тяжелую болезнь, пусть сегодня она и приобретает характер эпидемии...» [17, с. 254]. Но главное помнить, что «дух», покуда он свободен, подчиняется силе воле, он связан с ней, и оторванность духа от воли превращает его в слабость, которую некоторые принимают

ошибочно за доброту, ибо «великий независимый дух... возвышает отдельную личность над стадом и причиняет страх ближнему, называется отныне злым, умеренный, скромный, приспособляющийся, нивелирующей образ мыслей, посредственность вожделений получают моральное значение и прославляются» [18, с. 105]. «Духовное есть начало светского...» [13, с. 151]. Поэтому «положа руку на сердце» не преминем отметить, что все чувствуют, но внутренне не хотят с этим соглашаться, что «когда морализируют добрые, они вызывают отвращение; когда морализируют злые, они вызывают страх» [18, с. 768], а если бы согласились и проникли в сущность обстоятельства, то, очевидно, бы смогли понять: что они считают «страхом» – является уважением, а «отвращением» является смех над слабостью. Соответственно, из этого следует усвоить, что «сфера объективного духа раскрывается в элементе человеческой воли...» [10, с. 281], а объективный дух – это то явление, которое воплощается в морали, праве, религии, нравственности, государстве и обществе. Поэтому прокурору, следователю (дознавателю) и судье нужно отличать слабость духа от нравственности, а силу духа от бессердечного принятия решения без руководства совестью. Так как в отличие от морали «нравственность и духовность в уголовно-процессуальной сфере представляют собой единое целое. Отрывать одно от другого означает вставать на путь дезорганизации уголовно-процессуальной деятельности на началах безнравственности. Нельзя противопоставлять друг другу нравственность и духовность, поскольку они являются одним единым целым...» [1, с. 18].

Нам думается, что нравственность в уголовном процессе должна быть возведена в ранг «принципа совести», который должен являться механизмом уголовно-процессуальной деятельности. В оперативно-разыскной деятельности уже существуют морально-этические принципы, и относительно этого необходимо заметить, что «нравственность прямым образом связана с психическим механизмом самооценки и самоконтроля, а также с внутренним судилищем человека с позиции добра и зла – совестью человека. Поэтому, чтобы исключить идентификацию морали и нравственности и устранение воздействия механизма морали на нравственность, считаем необходимым в принципы нравственности

включить «принцип совести». Принцип совести является... важнейшим регулятором действий оперативного сотрудника в его деятельности и внутреннего его долга перед обществом в борьбе с преступностью...» [22, с. 36].

Более того, совесть человека куда более эффективное средство достижения результата, чем даже внешний авторитет (например, закон). На это указывал еще Эрих Фромм, который являлся специалистом в сфере психоанализа и этики. «При формировании совести такие авторитеты, как родители, церковь, государство, общественное мнение, осознанно или бессознательно рассматриваются как этические и моральные законодатели... Законы и санкции внешнего авторитета становятся частью человека, и вместо того чтобы чувствовать ответственность перед чем-то внешним, человек чувствует ответственность перед чем-то внутренним – собственной совестью. Совесть куда более эффективный регулятор поведения, чем страх перед внешней властью...» [25, с. 185–186]. Именно совесть – механизм, который являет собой внутренний спор двух мыслей субъекта, одна из которых оправдывает его действия, а другая осуждает и заставляет человека заботиться об общем для всех благе. «Совесть, нравственное сознание, нравственное чутье или чувство в человеке... внутреннее сознание добра и зла, тайник души, в котором отзывается одобрение или осуждение каждого поступка, способность распознавать качество поступка, чувство, побуждающие к истине и добру, отвращающее от лжи и зла, невольная любовь к добру и истине, прирожденная правда...» [7].

Заключение

Почему же случилось так, что законодательная формула совести оказалась оторванной от содержания культурно-исторического и духовно-нравственного наследия российского народа? Ответ тривиально прост: «При создании постсоветского уголовного процесса «его творцы» (нарушили) закон соответствия социальной организации человеческому материалу страны, ее историческому наследию, ее природным и геополитическим условиям. Они стали насильственно навязывать стране чуждую ей западную организацию. Последняя не является пригодной для любых народов и любых условий их существования. Опыт истории показал, что для большинства незападных народов она несет закабаление и гибель»

[8, с. 262]. Норма права, реализуемая в уголовном процессе без совестливого элемента, не может пониматься нормой права в духовном смысле и наводит на воспоминания о «коммунистическом обществе», где очевидно одно – что «коммунистическое общество есть общество неправоное. Это не значит, что тут царствует произвол и беззаконие, что тут вообще отсутствуют какие бы то ни было нормы, регулирующие поведение людей. Здесь таких норм может быть больше, чем в других обществах, – это общество есть общество нормативное» [9, с. 261]. Поэтому очень важно понимать, что «совесть характеризует нравственную природу не только оценки доказательств, но и всей процедуры доказывания...» [5]. Оторванность изложенного представления о совести состоит в том, что совесть является одновременно и духовным, и нравственным свойством самого человека, которые формируют его мировоззрение.

Очень важно чувствовать и разграничивать «взаимное отношение между нравственной областью и правовой... между идеальным нравственным сознанием и действительной жизнью... Между идеальным добром и злою действительностью есть промежуточная область права и закона, служащая воплощению добра, ограничению и исправлению зла... Всякому понятны и никем не будут оспариваться такие этические утверждения: я осознаю свою обязанность воздерживаться от всего постыдного... я обязан по мере сил помогать своим ближним и служить общему благу...» [23, с. 501]. Именно поэтому совесть диктует правило поведения, в котором указывается, что «терпящий от преступления имеет право на защиту и по возможности на вознаграждение; общество имеет право на безопасность; преступник имеет право на вразумление и исправление. Противодействие преступлению, согласное с нравственным началом, должно осуществлять или во всяком случае иметь в виду равномерное осуществление этих трех прав» [23, с. 448]. Именно совесть указывает на то, что только «высший нравственный закон *обязывает* меня любить врагов... Если я им отказываю в любви, то я поступаю несправедливо, нарушая *правду*. Вот термин, в котором одном воплощается существенное единство юридического и нравственного начала...» [23, с. 501].

Поэтому для того, чтобы совесть являлась организационно-правовым механизмом в уго-

ловно-процессуальной и оперативно-разыскной деятельности, уголовно-процессуальное и оперативно-разыскное законодательство должно стать отражением культурного и духовного наследия народа, с целью создания «единства и борьбы противоположностей» – закона и совести как источников самодвижения.

Список литературы

1. Агутин А. В. К вопросу о нравственных основаниях уголовно-процессуальной деятельности // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. – 2013. – № 3-2. – С. 18.
2. Агутин А. В. Организационно-правовой механизм реализации концепции «должной правовой процедуры» и нравственные основы уголовно-процессуальной деятельности в отечественном уголовном судопроизводстве: монография / А. В. Агутин, Е. З. Трошкин, Р. Х. Губжоков. – М.: Юрлитинформ, 2016. – 240 с.
3. Аксаков И. С. Доктрина и органическая жизнь // Аксаков И. С. Наше знамя – русская народность. – М.: Ин-т рус. цивилизации, 2008. – 640 с.
4. Бойков А. Д. Адвокатура и адвокаты / А. Д. Бойков. – М.: Юрлитинформ, 2006. – 368 с.
5. Будников В. А. Совесть как нравственный критерий доказывания в уголовном судопроизводстве // Рос. юстиция. – 2010. – № 1. – С. 43–45.
6. Гадамер Х.-Г. Истина и метод / Х.-Г. Гадамер. – М.: Кн. по требованию, 2012. – 704 с.
7. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль. – СПб.: Изд. книгопродавца-типографа М. О. Вольфа, 1863–1909. – 810 с.
8. Зиновьев А. А. Логическая социология: избранные сочинения / А. А. Зиновьев; сост. Ю. Н. Солодунин. – М.: Астрель, 2008. – 608 с.
9. Зиновьев А. А. Коммунизм как реальность: избранные сочинения / А. А. Зиновьев; сост. Ю. Н. Солодунин. – М.: Астрель, 2008. – 768 с.
10. Ильин И. А. Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека: в 2 т. Т. 2. Учение о человеке / И. А. Ильин. – СПб.: Наука, 1994. – 541 с.
11. Ильин И. А. Собрание сочинений: Русский Колокол: Журнал волевой идеи / И. А. Ильин; сост. и коммент. Ю. Т. Лисицы; подгот. текста и имен. указ. О. В. Лисицы; худ. А. Ф. Шканов. – М.: ПСТГУ, 2008. – 856 с.
12. Ильин М. А. Наши задачи. Историческая судьба и будущее России. Статьи 1948–1954 г.: в 2 т. Т. 1. – М.: Эксмо, Алгоритм, 2011. – 464 с.
13. Карлейль Т. Герои, почитание героев и героическое в истории: сб.; пер. с англ. / Т. Карлейль. – М.: Астрель, 2012. – 1023 с.
14. Кравцов Ф. И. Организационно-правовой механизм воплощения нравственных основ в уголовно-процессуальной деятельности: дис. ... канд. юрид. наук / Ф. И. Кравцов. – М., 2011. – 199 с.

15. Кругликов А. П. Принципы уголовного процесса Российской Федерации : учеб. пособие / А. П. Кругликов, И. С. Дикарев, И. А. Бирюкова ; под ред. А. П. Кругликова. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2007. – 194 с.
16. Мальцев Г. В. Нравственные основания права : монография / Г. В. Мальцев. – 2-е изд., пересмотр. – М. : ИНФРА-М, 2015. – 400 с.
17. Миронова Т. А. Броня генетической памяти. – М. : Алгоритм, 2014. – 352 с.
18. Ницше Ф. По ту сторону добра и зла. Казус Вагнера. Антихрист. Ессе Номо. Человеческое, слишком человеческое. Злая мудрость [пер. с нем.] / Ф. Ницше. – Минск : Харвест, 2012. – 879 с.
19. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка: Ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов ; под ред. Л. И. Скворцова. – М. : Мир и Образование ; Оникс, 2012. – 1376 с.
20. Рэнд А. Добродетель эгоизма / А. Рэнд. – М. : Альпина Паблишер, 2017. – 186 с.
21. Середнев В. А. Идеология «прав и свобод человека» как вредоносный фактор для русской культуры и российского государства // Экономика, социология и право. – 2016. – № 10. – С. 45–54.
22. Середнев В. А. Конфиденциальное содействие граждан субъектам, осуществляющим оперативно-разыскную деятельность : учеб.-метод. пособие / В. А. Середнев. – Арзамас : Арзамас. филиал ННГУ, 2017. – 54 с.
23. Соловьев В. С. Оправдание добра / В. С. Соловьев. – М. : Акад. проект, 2010. – 671 с.
24. Судейская этика : учебник / И. И. Аминов [и др.] ; под ред. Н. Д. Эриашвили. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2015. – 247 с.
25. Фромм Э. Человек для себя / Э. Фромм ; пер. с англ. А. В. Александровой. – М. : Астрель, 2012. – 314 с.

УДК 343.98

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ РАССЛЕДОВАНИЯ КАК КАТЕГОРИЯ КРИМИНАЛИСТИКИ

Степаненко Диана Аркадьевна

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовно-процессуального права
и криминалистики Восточно-Сибирского филиала ФГБОУ ВО
«Российский государственный университет правосудия», г. Иркутск
e-mail: diana-stepanenko@mail.ru

Митрофанова Алена Андреевна

аспирант кафедры криминалистики, судебных экспертиз и юридической психологии
ФГБОУ ВО «Байкальский государственный университет», г. Иркутск
e-mail: alena_mitrofanova@bk.ru

FORENSIC SUPPORT OF INVESTIGATION AS A CRIMINALISTICS CATEGORY

Diana Stepanenko

Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Procedural Law and
Criminalistics of the East-Siberian branch
of the FSBEI HE «The Russian State University of Justice», Irkutsk

Alyona Mitrofanova

graduate student of the Department of Criminalistics, forensic and legal psychology
of the FSBEI HE «The Baikal State University», Irkutsk

АННОТАЦИЯ

В статье авторами рассматривается и изучается одна из категорий криминалистики, которая в последнее время достаточно активно используется учеными, а именно – криминалистическое обеспечение расследования. Авторы анализируют точки зрения различных ученых-криминалистов, представленные в научной литературе, на сущность и содержание указанной категории и предлагают собственное определение криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений.

ABSTRACT

In the article, the authors consider and study one of the categories of criminalistics, which recently has been quite actively used by scientists, namely, forensic support of the investigation. The authors analyze the views of various forensic scientists presented in the scientific literature on the essence and content of this category and propose their own definition of forensic support for the disclosure and investigation of crimes.

Ключевые слова: криминалистическое обеспечение расследования; криминалистические категории; криминалистическая научная продукция; расследование преступлений.

Keywords: forensic support of the investigation; forensic categories; forensic science products; investigation of crimes.

Понятийно-категориальный аппарат любой науки, в том числе и криминалистики, составляет ее первооснову и представляет собой систему, отражающую объекты научного познания. Точность и ясность понятийно-категориального аппарата выступают одними из важнейших условий понимания учеными друг друга в научной среде, продуктивного обмена идеями, научными достижениями, включения беспочвенных дискуссий, обуслов-

ленных различным смысловым наполнением одного и того же понятия.

В философском понимании категории – это наиболее общие и фундаментальные понятия, которые отражают существенные, всеобщие свойства и отношения явлений действительности и познания [3, с. 526]. Категории играют важную методологическую роль в мышлении и деятельности человека, поскольку задают порядок рассмотрения других понятий,

определенный тип видения самых разнообразных объектов [21, с. 312]. Специфика философских категорий (материя и движение, время и пространство, качество и количество, сущность, содержание и форма, необходимость и случайность и др.) заключается в их всеобщем характере.

Однако категории имеются не только в философии, но и в каждой другой науке. Они представляют собой узловые, важнейшие понятия науки, без которых любая наука просто немыслима [23, с. 34]. Свои категории имеет и криминалистика, к ним относятся наиболее общие, наиболее значимые для данной науки и практики понятия [12, с. 44]. И в первую очередь это понятия разделов криминалистической науки (общей теории, техники, тактики и методики), а также понятия технико-криминалистического средства, тактического приема, криминалистической рекомендации, следственной ситуации, криминалистической характеристики преступления и некоторые другие. Одной из таких категорий, т. е. одним из наиболее общих, узловых понятий криминалистики является криминалистическое обеспечение расследования.

Как известно, криминалистика возникла и по сей день развивается как практико-ориентированная наука, обеспечивающая своими научными разработками и рекомендациями деятельность правоохранительных органов по выявлению, раскрытию, расследованию и предотвращению преступлений. В последнее время в криминалистической литературе достаточно активно употребляется термин «криминалистическое обеспечение расследования». Однако взгляды ученых-криминалистов на определение указанной категории весьма разнообразны.

В конце 70-х гг. прошлого столетия В. Г. Коломацким было разработано и введено в научный оборот понятие криминалистического обеспечения деятельности органов внутренних дел, под которым в дальнейшем он предложил понимать систему внедрения в практическую деятельность должностных лиц, подразделений, служб и органов внутренних дел по охране общественного порядка и борьбе с преступностью криминалистических знаний, воплощенных в умение работников использовать научные, методические и тактические криминалистические рекомендации, технико-криминалистические средства и технологии

их применения в целях предотвращения, раскрытия и расследования преступлений [9, с. 62].

Р. С. Белкин, в основном разделяя идею В. Г. Коломацкого, определил криминалистическое обеспечение деятельности органов внутренних дел в целом и криминальной милиции в особенности как систему «криминалистических знаний и основанных на них навыков и умений их сотрудников использовать научные криминалистические рекомендации, применять криминалистические средства, методы и технологии их использования в целях предотвращения, выявления, раскрытия и расследования преступлений» [13, с. 64]. В систему криминалистического обеспечения Р. С. Белкин включил три подсистемы: криминалистические знания, криминалистическое образование и криминалистическую технику [13, с. 64–69].

Впоследствии точки зрения названных ученых нашли широкое признание и развитие в научной литературе [6, с. 82; 7, с. 9; 16, с. 200; 18, с. 69; 25, с. 264]. Однако, как уже было отмечено, в криминалистической науке отсутствует единство взглядов на сущность и содержание криминалистического обеспечения деятельности правоохранительных органов по раскрытию и расследованию преступлений. В связи с чем можно выделить иные подходы к определению изучаемой категории.

Существенный научный интерес вызывает позиция А. Ф. Волынского, который криминалистическое обеспечение рассматривает как комплексную по своему содержанию деятельность, направленную на формирование условий постоянной готовности правоохранительных органов к эффективному использованию криминалистических методов, средств и рекомендаций, а также на реализацию такой готовности в повседневной практике раскрытия и расследования преступлений [10, с. 55]. Иными словами, ученый различает два уровня криминалистического обеспечения: созидательный, т. е. создание (формирование) указанных условий, и деятельностный – их практическая реализация [4, с. 66]. Под формированием условий готовности, как отмечает А. Ф. Волинский, понимается совершенствование не только криминалистических знаний, криминалистического образования, но и организации деятельности экспертно-криминалистических подразделений, а также правового регулирования использования криминалистических мето-

дов, средств и рекомендаций в процессе раскрытия и расследования преступлений [10, с. 55–56].

Аналогичного мнения придерживаются и ряд других авторов [5, с. 16; 14, с. 6; 15, с. 36]. К примеру, В. Ю. Сокол определяет криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений как особую организационно-функциональную систему и включает в ее содержание схожие уровни, именуя их научно-дидактическим уровнем (или макро-уровнем) и исполнительским уровнем (микро-уровнем). Научно-дидактический уровень, по его мнению, представляет собой формирование и поддержание постоянной готовности работников правоохранительных органов к систематическому использованию в практической деятельности криминалистического арсенала средств борьбы с преступностью, а исполнительский уровень – реализацию этой готовности в каждом случае раскрытия и расследования преступления, обусловливаемом конкретной оперативно-разыскной или следственной ситуацией [22, с. 57].

Таким образом, ключевым отличием определений рассматриваемой категории, предложенных А. Ф. Волыньским и иными сторонниками данного подхода, от определений В. Г. Коломацкого и Р. С. Белкина является выделение в криминалистическом обеспечении такого уровня, как реализация готовности сотрудников правоохранительных органов к эффективному использованию криминалистических методов, приемов, средств и рекомендаций. Однако, по нашему мнению, данный уровень выходит за рамки содержания криминалистического обеспечения и, как справедливо отмечает Е. С. Романова [20, с. 90], связан с применением его результатов в практической деятельности по выявлению, расследованию и предотвращению преступлений.

Помимо названных подходов к формулированию определения рассматриваемой криминалистической категории, в последние годы появились и другие точки зрения. Так, В. А. Образцов считает, что суть криминалистического обеспечения уголовного судопроизводства сводится «к представлению должностным лицам правоохранительных органов, профессионально ведущих борьбу с преступностью, разрабатываемой в криминалистике научной продукции, освоение и применение которой способствует повышению эффектив-

ности решения стоящих перед пользователями такой продукции задач» [11, с. 37].

Заслуживает внимания позиция Е. С. Романовой, которая представляет криминалистическое обеспечение расследования преступлений как систему «формирования криминалистических знаний и представления их должностным лицам, принимающим участие в расследовании преступлений, в целях эффективного установления ими истины по уголовным делам» [20, с. 92–93]. Близкие по смыслу определения предлагают А. В. Шмонин [24, с. 3–8], Р. Г. Аксенов и С. Р. Акимов [1, с. 7–13; 2, с. 7–12].

Изучив и проанализировав представленные точки зрения, можно выделить несколько общих признаков, присущих рассмотренным выше дефинициям криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений:

- во-первых, подавляющее большинство ученых определяют указанную категорию криминалистики как систему, т. е. как нечто целое, представляющее собой единство закономерных расположенных и находящихся во взаимной связи частей [19, с. 577] (элементов), что вызывает сомнения, поскольку изменение, исключение или введение нового элемента в состав криминалистического обеспечения не всегда влечет закономерное отражение на остальных;

- во-вторых, достаточно часто криминалистическое обеспечение связывается с деятельностью, которая направлена на формирование и совершенствование криминалистических знаний, разработку криминалистических методов, средств, приемов, используемых для выявления, раскрытия, расследования и предотвращения преступлений;

- и, наконец, в-третьих, целью данной деятельности является создание условий готовности правоохранительных органов к применению криминалистической научной продукции в ходе раскрытия и расследования преступлений. Однако стоит отметить, что такая готовность является скорее психологической категорией, нежели криминалистической, представляет собой психологическую установку личности на определенное поведение, настроенность и решимость выполнить поставленную задачу, обладая соответствующими знаниями, умениями и навыками, формируется в процессе получения высшего юридического образования, осуществления практической де-

тельности и повышения квалификации сотрудников вышеуказанных органов.

В этом отношении интересна позиция З. И. Кирсанова, рассматривающего криминалистическое обеспечение борьбы с преступностью, во-первых, как решение прикладных задач криминалистики, состоящих в разработке и предоставлении судебно-следственным, оперативно-разыскным и другим правоохранительным органам криминалистических средств и методик получения, оценки и использования информации, необходимой для выявления, предотвращения и раскрытия преступлений, и, во-вторых, как выполнение дидактической функции, заключающейся в разработке проблем обучения практических работников криминалистическим методикам, вооружении их криминалистическими знаниями [8, с. 10–11]. На наш взгляд, автор справедливо относит к криминалистическому обеспечению разработку и предоставление правоохранительным органам криминалистических средств и методик. Однако разработка проблем образования, обучения не относится к предмету криминалистики, данные вопросы изучаются и совершенствуются в рамках педагогической науки, и в частности такого ее раздела, как дидактика.

Обращаясь к толковым словарям русского языка, мы видим, что в общераспространенном понимании обеспечить – значит снабдить чем-нибудь в нужном количестве, сделать вполне возможным, действительным, несомненным [19, с. 350]. Термин «обеспечение» означает, прежде всего, вооружение кого/что-либо определенным ресурсом, средствами и технологиями, позволяющими эффективно, качественно осуществить действие, операцию, деятельность.

Криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений, на наш взгляд, представляет собой совокупность разработанных криминалистикой средств, приемов, рекомендаций, технологий тактического, технического, методического, управленческо-организационного характера, позволяющих эффективно, качественно, оптимально и рационально осуществлять собирание, фиксацию, изъятие, исследование криминалистически значимой информации в зависимости от следственной ситуации и ее использование для решения задач уголовного судопроизводства.

Криминалистика призвана содействовать своими научными разработками борьбе с пре-

ступностью, обеспечивая ими процесс раскрытия и расследования преступлений. С этой целью учеными разрабатываются криминалистические приемы, методы и средства решения задач, стоящих перед практическими работниками. Однако чтобы такое содействие было реальным, указанные криминалистические рекомендации должны активно внедряться и эффективно использоваться в повседневной практике раскрытия и расследования преступлений [25, с. 260]. Иными словами, с криминалистическим обеспечением непосредственно связаны криминалистические знания, криминалистическое образование, формирование умений и навыков использования методов, средств, приемов выявления, раскрытия, расследования и предотвращения преступлений, поскольку именно с помощью указанных элементов создаются условия для готовности правоохранительных органов к применению криминалистической научной продукции, и криминалистическое обеспечение внедряется в практическую деятельность их сотрудников, используется в процессе раскрытия и расследования конкретных преступлений.

В последнее время значительное количество научных работ посвящено криминалистическому обеспечению расследования того или иного вида преступлений [см., например: 1; 2; 14; 15; 17 и др.]. При этом стоит четко дифференцировать понятия «методика расследования преступления» и «криминалистическое обеспечение расследования», не смешивая и не подменяя их друг другом. Криминалистическая методика представляет собой систему «научных положений и разрабатываемых на их основе рекомендаций по организации и осуществлению расследования и предотвращения отдельных видов преступлений». Средства и приемы криминалистических техники и тактики аккумулируются в криминалистической методике в соответствии с особенностями расследования конкретных видов преступлений [12, с. 650, 651]. А криминалистическое обеспечение, в свою очередь, является способом повышения эффективности методики, представляя собой разработанный криминалистической наукой инструментарий, арсенал, вооружившись которым субъект поисково-познавательной деятельности правильно выстраивает стратегию и тактику расследования и реализует его в своей деятельности через знания, воплощенные в умениях и

навыках, при сформированной готовности в определенной ситуации применять определенный набор этих инструментов.

Список литературы

1. Аксенов Р. Г. Криминалистическое обеспечение расследования налоговых преступлений: монография / Р. Г. Аксенов. — Тюмень: Тюмен. юрид. ин-т МВД России, 2007. — 173 с.
2. Аксенов Р. Г. Криминалистическое обеспечение расследования криминальных банкротств: учеб. пособие / Р. Г. Аксенов, С. Р. Акимов. — Тюмень: Академия, 2006. — 234 с.
3. Большая Советская Энциклопедия: в 30 т. Т. 11. Италия — Кваркуш / гл. ред. А. М. Прохоров. — М.: Сов. энцикл., 1973. — 608 с.
4. Волюнский А. Ф. Криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений как форма реализации социальных функций криминалистики // Юрид. наука и правоохранит. практика. — 2008. — № 3 (6). — С. 64–69.
5. Волюнский В. А. Техничко-криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений: пособие / В. А. Волюнский. — М.: ВНИИ МВД РФ, 1994. — 80 с.
6. Гармаев Ю. П. Использование следователем норм об особом порядке судебного разбирательства (гл. 40 УПК РФ): монография / Ю. П. Гармаев, Е. И. Попова. — Новосибирск: Альфа-Порте, 2016. — 235 с.
7. Жбанков В. А. К вопросу о криминалистическом обеспечении органов дознания и таможенных расследований ГТК Российской Федерации // Криминалистическое обеспечение борьбы с преступностью: инф. бюл. по материалам криминалист. чтений. — М., 2001. — № 13. — С. 8–11.
8. Кирсанов З. И. Система общей теории криминалистики: науч.-метод. пособие / З. И. Кирсанов. — М.: Изд-во Акад. МВД России, 1992. — 172 с.
9. Криминалистика: учебник: в 3 т. Т. 1. История, общая и частные теории / Т. В. Аверьянова [и др.]; под ред. Р. С. Белкина, В. Г. Коломацкого. — М.: Изд-во Акад. МВД России, 1995. — 280 с.
10. Криминалистика: учебник / под ред. А. Ф. Волюнского, В. П. Лаврова. — М.: ЮНИТИ-ДАНА; Закон и право, 2008. — 943 с.
11. Криминалистика: учебник / под ред. В. А. Образцова. — М.: Юрист, 2002. — 735 с.
12. Криминалистика: учебник / Т. В. Аверьянова [и др.]. — М.: Норма, 2008. — 944 с.
13. Криминалистическое обеспечение деятельности криминальной милиции и органов предварительного расследования: учебник / Т. В. Аверьянова [и др.]; под ред. Т. В. Аверьяновой, Р. С. Белкина. — М.: Нов. юрист, 1997. — 400 с.
14. Криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования корыстно-насильственных преступлений. Спецкурс лекций: учеб. пособие / под ред. В. П. Лаврова. — М.: Закон и право; Юнити-Дана, 2003. — 126 с.
15. Куемжнева Е. Г. Криминалистическое обеспечение расследования фальсификации единого государственного реестра юридических лиц, реестра владельцев ценных бумаг или системы депозитарного учета: дис. ... канд. юрид. наук / Е. Г. Куемжнева. — Краснодар, 2016. — 201 с.
16. Махтаев М. Ш. Проблемы криминалистического обеспечения предупреждения преступления: дис. ... д-ра юрид. наук / М. Ш. Махтаев. — М., 2001. — 472 с.
17. Митрофанова А. А. Криминалистическое обеспечение первоначального этапа расследования нарушений правил безопасности движения и эксплуатации воздушного транспорта (ст. 263 УК РФ): актуальные проблемы теории и практики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А. А. Митрофанова. — Краснодар, 2017. — 27 с.
18. Нуждин А. М. Частная (родовая) криминалистическая теория расследования криминальных банкротств: монография / А. М. Нуждин. — Красноярск: [б. и.], 2006. — 272 с.
19. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов; под ред. Л. И. Скворцова. — М.: Оникс; Мир и образование, 2010. — 736 с.
20. Романова Е. С. К вопросу о понятии криминалистического обеспечения расследования преступлений // Рос. юрид. журн. — 2010. — № 6. — С. 88–94.
21. Современный философский словарь / под общ. ред. В. Е. Кемерова. — М.: Акад. проект, 2004. — 864 с.
22. Сокол В. Ю. Тактико-криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений. (Методологические и организационные аспекты): дис. ... канд. юрид. наук / В. Ю. Сокол. — М., 1998. — 188 с.
23. Философия: учебник / под общ. ред. А. А. Атанова, В. А. Туева. — Иркутск: БГУ, 2015. — 468 с.
24. Шмонин А. В. Понятие и структура криминалистического обеспечения расследования преступлений // Тр. Акад. упр. МВД России. — 2010. — № 1 (13). — С. 3–8.
25. Яскевич А. В. Анализ становления и развития взглядов на понятие «криминалистическое обеспечение расследования преступлений» / А. В. Яскевич, А. В. Дешук // Криминалистические чтения на Байкале — 2015: материалы Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. Д. А. Степаненко. — Иркутск, 2015. — С. 260–264.

УДК 343.115

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ В СУДОПРОИЗВОДСТВЕ С УЧАСТИЕМ ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ: ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ И НАШЕ ВРЕМЯ

Хорошева Анна Евгеньевна

кандидат юридических наук, доцент, кафедра уголовного процесса и криминалистики
ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет», г. Барнаул
e-mail: khorosheva.defence@gmail.com

USE OF SPECIAL KNOWLEDGE IN THE LEGAL PROCEEDINGS WITH THE PARTICIPATION OF JURORS: HISTORICAL PRACTICES AND OUR TIME

Anna Khorosheva

Doctor of Law, Associate professor of Criminal Procedure and Criminalistics, Barnaul

АННОТАЦИЯ

В настоящей статье представлены результаты проведенного автором исследования, посвященного развитию состязательных основ использования специальных знаний в суде с участием присяжных заседателей. Проводится историко-сравнительный анализ практики изучения заключения эксперта в дореволюционный период в России и в настоящее время. Делается вывод, что существующие сегодня проблемы применения норм, регламентирующих особенности доказывания в суде присяжных, являются препятствием для развития состязательной экспертизы как неотъемлемого элемента справедливого судебного разбирательства.

ABSTRACT

This article presents the results of an investigation conducted by the author on the development of adversarial bases for the use of specialized knowledge in a court with the participation of jurors. A historical and comparative analysis of the practice of examining the expert's conclusion in the pre-revolutionary period in Russia and at the present time is conducted. It is concluded that the existing problems of the application of the norms regulating the features of proof in the jury trial are an obstacle to the development of adversarial examination as an integral element of a fair trial.

Ключевые слова: суд с участием присяжных заседателей; специальные знания; экспертиза; состязательность.

Key words: jury trial; special knowledge; examination; competitiveness.

Непонимание присяжными многих вопросов судебной экспертизы закономерно и так же очевидно, как и то, что все попытки профессиональных субъектов доказывания погрузить их в область специальных знаний должны осуществляться с истинной целью решить свои процессуальные задачи. Сегодня это высказывание может прозвучать как манифест, предвосхитивший развитие дореволюционных взглядов и представлений русских юристов относительно места и значения экспертизы в судопроизводстве с участием присяжных заседателей.

Конечно, общий уровень развития естественных наук того времени не позволяет говорить о серьезных прорывах в данной сфере, что не смогло не отразиться на общей характеристике судебных исследований того периода. Исключения касаются судебной медицины

с ее исследованиями в области изучения следов крови, огнестрельных ранений, токсикологии, а также учения о сличении почерков. Однако достоверность таких экспертиз нередко ставилась под сомнение. Значительная часть отечественных работ периода конца XIX – начала XX вв. содержит схожие, по своей сути, рассуждения относительно неясной роли судебных экспертов и их заключений в доказывании. Даже «горячий поклонник экспертизы на суде, желающий ей предоставить права равные с правом судей, проф. Л. Владимиров», несмотря на такое свое мнение, высказывал резко критические суждения относительно объективности заключений экспертов-медиков [4, с. 36].

Именитые российские юристы дореволюционной эпохи, анализируя деятельность суда присяжных, выходили далеко за рамки общего

представления о судебной экспертизе как об одном из видов доказательств. Во многом такой подход был обусловлен неоднозначным определением места и роли заключения эксперта в уголовном процессе в различных правовых системах. В частности, высказывались мнения, что экспертиза не есть особый вид уголовных доказательств, потому как может быть отнесена: а) к личному осмотру; б) к свидетельским показаниям. Последовательный критик такого подхода, утвердившегося более в европейских странах, профессор Л. Е. Владимиров отмечал: «Часто экспертам предлагают вопросы о какой-нибудь возможности или вероятности, для проверки достоверности показания подсудимого или свидетеля. Например, эксперта спрашивают: можно ли отравить человека таким и таким-то веществом; мог ли человек, находившийся в таком и таком-то болезненном состоянии от полученных, положим, ран, так громко кричать, что его мог услышать свидетель на таком и таком-то расстоянии от места, где лежал раненый?» [1, с. 18–19]. Из этого можно заключить, что уже в XIX в. практике были известны так называемые ситуалогические исследования, а экспертное мнение могло формироваться не только на основе воспринимаемых явлений, но и того, как эти явления интерпретировались самим экспертом.

Отнесение экспертизы к свидетельским показаниям явилось традицией английской судебной практики, не знавшей французского названия «эксперты» [1, с. 22]. Законодательство отдельных стран и сегодня проводит различия между статусом судебного эксперта и эксперта-свидетеля, что нередко влечет умаление принципа свободной оценки доказательств и *de facto* делению доказательств на совершенные и несовершенные. Например, в деле «Bonischv. Austria» от 6 мая 1985 г., где ЕСПЧ нашел нарушение ст. 6, § 1, выводы Суда основывались на различии, которое австрийское право проводило между «судебными экспертами», которых назначил суд и в задачи которых входила нейтральная помощь суду в исследовании какого-либо вопроса, и «свидетелями-экспертами», которые вызывались в суд по требованию сторон. У «судебного эксперта» были дополнительные права, которых не было у «свидетеля-эксперта»: «судебный эксперт мог находиться в зале заседания в течение всего процесса, ставить вопросы сторонам и свиде-

телям и даже давать свои комментарии в определенный момент (с разрешения председательствующего)» [8, с. 418–419].

Как отмечают Е. А. Зайцева и А. И. Садковский со ссылкой на профессора В. Н. Махова, «еще в дореволюционной России в определенной мере были заложены теоретические основы для самостоятельного, отличного от уголовного процесса стран Запада, пути развития в уголовном процессе нашей страны института сведущих лиц. Его характерными чертами стали узкое понимание экспертизы, заключения эксперта, ограничение экспертизы от участия специалистов в следственных действиях и допросах сведущих лиц» [5, с. 95].

Можно заключить, что вопрос оценки экспертных выводов и заключений уже вставал в исследованиях юристов того времени во главу угла. После проведения Судебной реформы 1864 г. это становится актуальным и для судов присяжных. В работах дореволюционной поры уже можно обнаружить стремление их авторов на основе частных случаев из практики вникнуть в причины вынесения присяжными конкретных вердиктов, в том числе и по делам, сформированным на основе экспертных заключений.

Борьба научных мнений, яркая примета того времени, могла иметь место не только между профессиональными участниками процесса, но и между самими присяжными и экспертами. В отдельных случаях подобные дискуссии даже имели продолжение на страницах научных изданий.

Так, в литературе дореволюционной поры вполне можно встретить такие высказывания: «В № 4 журнала “Волжский Вестник” профессор А. Зайцев, представитель кафедры органической химии в Императорском Казанском университете, высказывает желание, чтобы я разъяснил печатно его разные недоумения как по части моей экспертизы по делу о поджогах в селе Кулаеве, так и по части его ученых исследований, произведенных с помощью находящейся у него под руками литературы, относительно приготовления зажигательного состава из фосфорной массы, фосфорных спичек и серной кислоты. Этот вызов профессора Зайцева зашел, однако, так далеко, что для исцеления от них, по нашему мнению, необходимы более действительные средства» [3, с. 2]. Ну чем не состязательная экспертиза?

Постепенно отвоевывая свои позиции в процессах с присяжными, судебная экспертиза составила открытую конкуренцию иным видам доказательств, в основном субъективного толка. На смену признательным показаниям обвиняемого – «царицы доказательств», и спорным свидетельствам сторонних лиц пришли иные доказательства, полученные посредством применения новых развивающихся знаний и научных методик.

В практику уголовного судопроизводства стало внедряться понятие объективизации доказывания, которое базировалось на трех составляющих: 1) надлежащая фиксация (т. е. свободная от субъективного взгляда); 2) максимальное привлечение специальных знаний; 3) возможность получить не только письменное суждение эксперта, но и его устные показания. Признавалось, что соблюдение указанных условий может помочь в установлении справедливости по ряду сложных уголовных дел, связанных с разоблачением самооговора и симуляциями. «С введением нового устава восторжествовал новый гуманный взгляд криминалистов, в силу которого сознание обвиняемого или подсудимого не составляло уже перед судьейскою совестью полного и безусловного доказательства виновности, а потому, предвидя возможность признаний в суде в преступлении, законодатель не вменил в обязанность присяжных обвинять таких сознающихся в преступлении, а предоставил им право совестливой оценки их деяний, открыв этим возможности оценки как мотивов преступлений, так и широкий простор для критики сознающегося в нем» [6, с. 94].

Однако известные деятели юридической науки и практики уже тогда начали отмечать недостатки подобного подхода, подкрепляя тезис о том, что объективизация не всегда может быть объективной, а полное искоренение в доказывании элементов субъективизма – утопия.

В 1881 г. в Москве вышла в свет книга товарища прокурора Московского окружного суда Н. П. Тимофеева «Суд присяжных в России», содержащая любопытную главу с заголовком «Экспертиза в глазах присяжных» [9].

Интерес она вызывает уже самим своим названием, которое вне всяких сомнений подразумевает, что автору удалось проинтервьюировать бывших присяжных и описать их впечатления от представленных им в суде заключений и показаний экспертов. Отдельного

внимания заслуживает приведенный в книге отрывок письма одного присяжного заседателя, не без иронии отзывающегося о попытках стороны обвинения объективизировать доказательственную базу.

Вот небольшой фрагмент данного письма: «В нашем округе, лица прокурорского надзора почему то усвоили себе тот неправильный взгляд на дело, что чуть не по всякому делу выводят на сцену совершенно безнужных экспертов и в этом полагают какую-то заслугу перед правосудием. Они поставили себе, как бы правилом, каждое дело представлять на суде со всеми указанными в законе способами для того, чтобы уличить преступника, обставить обвинение возможно большим количеством данных, устраняя совершенно из вида то простое соображение, что не по каждому же делу может встретиться необходимость в приглашении на суд какого-нибудь специалиста эксперта, в роде доктора и т. д. <...> Такие побуждения не чужды наших господ обвинителей, мы и говорим им это не в укор, относясь совершенно снисходительно к их не выработавшимся еще практикою приемам и взглядам; но суть в том, зачем же, в самом деле и к стати и некстати, преподносить нам всегда экспертов; зачем заставлять нас выслушивать совершенно бесполезную иногда болтовню их, когда мы и без экспертов обладаем на столько, житейски по крайней мере, правильными взглядами на жизнь и окружающую нас обстановку, что сами без всякой сторонней помощи, можем разрешить по своему, совершенно удовлетворительно, многие такие вопросы, ради которых нас обязывают выслушивать разных специалистов, “людей науки”, как они сами себя называют» (орфография и стиль автора сохранены. – А. Х.) [9, с. 220–221].

Стоит отметить, что в современном уголовном процессе непосредственный допрос эксперта нередко подменяется оглашением полностью или в части экспертного заключения. В суде с участием присяжных заседателей это происходит значительно реже, а эксперты приглашаются для допроса чаще, однако, тем не менее, проблема остается.

Сегодня практика использования специальных знаний в доказывании в суде присяжных в различных субъектах РФ неоднородна. Анализ протоколов судебных заседаний по делам, рассматриваемым с коллегией присяжных заседателей, позволил зафиксировать

устойчивую картину, наглядно демонстрирующую то, как особенности исследования в судопроизводстве экспертиз коррелируют с региональными отличиями и категорией уголовного дела. Так, сравнение по нескольким регионам (Алтайский край, Новосибирская область, Ленинградская область, Московская область, город Санкт-Петербург) показало, что вызов в судебное разбирательство эксперта не является устоявшимся правилом. Например, в Алтайском краевом суде случаи допроса эксперта перед присяжными зафиксированы лишь в 70 % случаев, тогда как в Санкт-Петербургском городском суде экспертов вызывают в суд практически по каждому уголовному делу, рассматриваемому с участием присяжных заседателей (почти в 97 % случаев). Такие данные во многом обусловлены спецификой уголовного дела и могут быть прогнозируемы. Например, если процесс резонансный, то, скорее всего, эксперт будет вызван в суд, однако по рядовым делам (бытовым преступлениям) следует ожидать, что государственный обвинитель ограничится оглашением перед присяжными письменного заключения, а ходатайство адвоката о допросе конкретного эксперта будет отклонено.

Также необходимо отметить, что прокуроры, которые давно поддерживают обвинение в суде присяжных, заранее прогнозируют судебную перспективу уголовного дела и в целях экономии времени не просят суд провести судебный допрос эксперта. Во многом категория уголовного дела тоже, в свою очередь, оказывает влияние на нюансы использования специальных знаний в суде. Так, по преступлениям прошлых лет доказательственная база нередко представлена преимущественно показаниями свидетелей. Содержащиеся же в материалах дела экспертные заключения базируются либо на устаревших методах исследования, либо на таких, возможности которых не позволяют использовать их результаты в судебном доказывании. В такой ситуации вызов эксперта актуален лишь в следующих двух случаях:

— за время, когда предварительное расследование по уголовному делу приостанавливалось и возобновлялось, появились новые, более совершенные методики, которые должны быть применены в ходе следствия;

— в связи с отменой первоначально поставленного приговора и направлением дела на новое рассмотрение, сторона защиты добива-

ется признания «слабости» имеющихся в деле экспертных заключений и назначения повторных экспертиз.

Современная правоприменительная деятельность внесла свои коррективы в процедуру исследования доказательств, основанных на привлечении специальных знаний. Перечислим факторы, в своей совокупности характеризующие общее положение дел в данной сфере, которые без преувеличения можно оценить как проблемные.

Одна из проблем, которая сразу попадает на глаза в ходе изучения судебной практики, — это «размытость» границ, очерчивающих перечень вопросов, выведенных из полномочия присяжных заседателей. В который раз подчеркнем влияние судейского убеждения на предмет судебного разбирательства, рамки которого подвижны и зависят от ряда субъективных факторов. Это и уровень профессионализма, склонность к деформациям, особенности правосознания, корпоративный интерес. Все это может быть отягощено страхом перед возможной отменой оправдательного приговора и снижением показателей эффективности работы конкретного судьи. С. А. Папин отмечает: «Подстраиваясь по практике Верховного Суда, судьи обучились манипулировать присяжными заседателями и в ходе процесса, и в напутственном слове, и, главное, при составлении вопросного листа» [7, с. 29].

Но все же самым главным объектом для манипуляций, на наш взгляд, являются нормы уголовно-процессуального законодательства, регламентирующие процедуру доказывания в суде присяжных. Стоит отметить, что широкое толкование норм УПК РФ, в частности ст. 335, посвященной регламентации доказывания в суде с участием присяжных заседателей, бывает присуще не только судьям, но и государственным обвинителям.

С вопросом о необоснованном предубеждении присяжных заседателей и процессуальном ограничении поступившей к ним информации коррелирует проблема оценки заключения эксперта в суде присяжных. Многие доказательства, которыми оперируют стороны, подлежат рассмотрению профессиональными участниками судебного процесса еще до их предъявления коллегии присяжных. Подобное отличие является более значимым, чем кажется на первый взгляд. Именно данная особенность выступает основным вектором формирования

судебной тактики. В обычном процессе стороны не преследуют цели публично дать оценку тому или иному доказательству. В суде присяжных это превращается в первоочередную задачу, так как впоследствии каждое из исследованных или, напротив, не исследованных в присутствии присяжных доказательств составляет основу их внутреннего убеждения. Таким образом, тактика государственного обвинителя и защитника в суде присяжных включает в себя комплекс задач. Первая состоит в том, чтобы пробить информационный вакуум и заполнить этот вакуум «своими» доказательствами. Вторая – тактически верно представить «свое» доказательство.

Важно отметить, что только два свойства заключения эксперта как доказательства способны оказать влияние на возможность его исследования в присутствии коллегии присяжных – допустимость и относимость. Основания для признания заключения эксперта недопустимым доказательством едины для всех форм судопроизводства. Что же касается такого свойства, как относимость, следует сразу оговориться, что в суде присяжных оно приобретает несколько иной смысл.

Изученная нами практика по рассмотрению дел в суде с участием присяжных заседателей показала, что относимость доказательства нередко связывается с возможностью исследовать вопросы, касающиеся личности подсудимого до, в момент или после совершения преступления. По общему правилу существует распространенный почти повсеместно запрет представлять присяжным любые сведения о подсудимом, в том числе положительного и нейтрального характера (наличие у подсудимого детей, нетрудоспособных родителей, данные о его образовании, занятости и т. д.). Если изучать данный вопрос в контексте криминалистического исследования, то можно признать, что единственной доступной для присяжных является информация о подсудимом, отражающая его физиологические особенности как субъекта, оставляющего в окружающей среде материальные и идеальные следы. Интересна в этой связи группа уголовных дел о деяниях, совершение которых не вписывается в конкретные рамки уголовно наказуемого преступления. Группа эта малочисленна, но крайне важна для понимания связи между социальным значением института суда присяжных и установлением фактических данных,

позволяющих признавать подсудимого действующим в состоянии необходимой обороны.

В процессах, когда адвокат обосновывает перед присяжными версию о возможной самозащите подсудимого, которая и составляет существо ее стратегии, отбор таких защитительных доказательств приобретает особую роль. Чаще всего к ним относятся источники, содержащие фактические данные относительно мотивации подсудимого, его поведения до и после события, вменяемого в вину в качестве преступного, а также некоторых его личностных свойств. Основу данных доказательств могут составлять такие, которые содержат сведения о психоэмоциональном состоянии подсудимого в момент и после совершения деяния, квалифицируемого органами следствия как убийство одного или нескольких лиц. Практика оперирует следующими видами источников подобных сведений: заключениями психолого-психиатрических экспертиз и иными заключениями, анализ которых позволяет уяснить информацию об особом эмоциональном состоянии подсудимого после наступления преступного события. Нередко это бывают диагностические почерковедческие исследования. Решение вопроса об относимости таких заключений отдается на откуп председательствующему и выступает предметом процессуального спора между обвинением и защитой. Попытка выиграть в таком споре может быть основана на искусственном включении процессуального «фильтра» и пренебрежении судебной тактикой. Подобные действия обрекают сторону на проигрыш и подчеркивают преимущественное влияние факторов непроцессуального характера. Те же, в свою очередь, занимают высшую ступень в иерархии обстоятельств, оказывающих влияние на рассмотрение дел в суде присяжных.

Например, в судебном процессе по уголовному делу в отношении Л., который обвинялся в убийстве двух лиц, государственный обвинитель выразил возражение против исследования в присутствии присяжных заседателей заключения почерковедческой экспертизы, написанной подсудимым после того, как тот застрелил двух мужчин, пытающихся проникнуть в его дом и угрожавших Л. расправой. Прокурор сослался на неясность выводов, которые, по его мнению, противоречили заключению комплексной стационарной судебной психолого-психиатрической экспертизы. Так,

в выводах эксперта при проведении почерковедческой экспертизы имелась ссылка на неуравновешенное состояние Л. ввиду попытки суицида. На это государственный обвинитель заметил, что самой попытки суицида не было, а высказанное в явке с повинной намерение покончить жизнь самоубийством не свидетельствовало о реальной попытке суицида. Данное обстоятельство, по мнению прокурора, ставило под сомнение выводы эксперта, проводившего почерковедческую экспертизу по делу, противоречащие заключению комплексной стационарной судебной психолого-психиатрической экспертизы в отношении Л. Комиссия из психиатров и психологов указала, что какого-либо иного значимого эмоционального состояния у Л. обнаружено не было.

Также государственный обвинитель указал, что при проведении почерковедческой экспертизы выводы экспертом были сделаны без учета обстоятельств, которые могли повлиять на Л., таких как состояние алкогольного опьянения, возбуждение, душевное волнение после убийства двух лиц, боязнь ответственности за совершенные действия. Кроме того, вывод по экспертизе, по мнению прокурора, был сделан очень узко, не основываясь на фактических обстоятельствах дела, противоречил следственным материалам и поэтому должен быть признан неотносимым.

Суд не согласился с доводом обвинения о том, что данное доказательство является неотносимым и не может быть представлено присяжным заседателям, поскольку касается вещественного доказательства, а именно тетради с записями, изъятой на месте совершения преступления, в которых подсудимым собственноручно изложены обстоятельства совершения им преступления непосредственно после его совершения. Данные обстоятельства, по мнению председательствующего, могли быть оценены присяжными заседателями при ответах на вопросы, которые относятся к их компетенции.

Ссылка председательствующих на то, что присяжные заседатели – это судьи факта, нередко порождает дальнейший императив, распространяющийся и на исследование экспертных заключений. Отсюда и практика проведения в судах присяжных «репетиционных» допросов экспертов, а также блокирования любой информации о примененной экспертом методике исследования. Утратила ли она актуальность, соответствует ли действующим нор-

мативным актам или достижениям науки и практики – все эти вопросы, на взгляд профессиональных судей, присяжных волновать не должны, потому как, по их мнению, относятся к проблеме допустимости доказательств. Иногда адвокаты, которым запретили высказываться о надежности или точности экспертной методики, делают попытки (в основном безуспешные) в прениях донести до присяжных хотя бы часть «запрещенной» информации.

О том, что представление доказательств и их исследование – понятия различающиеся, известно. Когда суду присяжных представляются «живые» свидетельства, могут ли присяжные их исследовать? Да, они могут рассматривать свидетеля, изучать его лицо, мимику, жесты, следить за переменами интонации. Одним словом, самостоятельно оценивать достоверность доказательства. Но могут ли присяжные оценить достоверность экспертного заключения, зачитанного вслух прокурором или адвокатом? Принять на веру или нет – да, оценить – вряд ли. Для этого и существует состязательный процесс со своей идеей не просто констатации прав, а возможностью в любой момент таким правом воспользоваться. Это возможность представить равнозначный аргумент. Не в смысле слова, а в смысле действия. При представлении присяжным заключений экспертиз коллизия научных мнений – явление, имеющее и положительные, и отрицательные стороны. Однако еще хуже, когда присяжным об этой коллизии ничего неизвестно, а те редкие отголоски, которые доносятся до них в ходе допроса или в прениях, вряд ли воспринимаются ими серьезно, а чаще просто пропускаются мимо ушей. Вот почему присяжные должны присутствовать при научном споре, слышать научные мнения не от адвокатов, а от самих экспертов. «Битва авторитетов» для них важнее, чем умелое проговаривание специальных терминов адвокатом или прокурором. Если этого нет, о подлинной состязательности не может быть и речи. В свое время профессор А. Е. Владимиров называл это «отображением экспертизы на суде», полагая, что публичная экспертиза обладает явным преимуществом перед иными формами изложения специальных знаний, особенно письменными, так как «письменные заключения экспертов редко имеют научное достоинство, составляются рутинно, однообразно, небрежно, без достаточной мотивировки. На письме

эксперту гораздо легче скрыть недостатки своей экспертизы и небрежность в изучении дела» [2, с. 202].

«Отображение экспертизы на суде» не есть лишь допрос эксперта сторонами. Это предоставленное защите или обвинению право привлекать в судебный процесс иных сведущих лиц с тем, чтобы они также имели возможность задать вопросы эксперту или высказать свое суждение о качестве проведенного исследования. В этом и проявляется истинное значение состязательности и то, что многими актами, в том числе и международными, именуется как справедливое судебное разбирательство.

Список литературы

1. Владимиров А. Е. О значении врачей-экспертов в уголовном судопроизводстве / А. Е. Владимиров. — Харьков : Унив. тип., 1870. — 136 с.
2. Владимиров А. Е. Суд присяжных: условия действия института присяжных и метод разработки доказательств / А. Е. Владимиров. — М. : Изд-во Современ. гуманитар. ун-та, 2009. — 235 с.
3. Глинский Г. Н. Средства для разъяснения ученых недоумений присяжного заседателя профессора А. Зайцева [по поводу экспертизы Глинского по делу о поджогах в с. Кулаеве] / Г. Н. Глинский. — Казань : Тип. М. А. Гладышевой. 1883. — 23 с.
4. Гогель С. К. Суд присяжных и экспертиза в России / С. К. Гогель. — Ковна : Тип. Губерн. правления, 1894. — 119 с.
5. Зайцева Е. А. Формирование доказательств следователем с использованием специальных познаний и научно-технических средств / Е. А. Зайцева, А. И. Садовский. — Волгоград : ВА МВД России, 2013. — 290 с.
6. Москалев Н. А. Симуляция и ложное сознание пред судом присяжных (Врачебно-юридический анализ дела о покушении на убийство жены жандармского ротмистра О. Н. с приложением обвинительного акта и извлечений из отчета судебных заседаний Новочеркасского окружного суда) / Н. А. Москалев. — М. : Тип. Вильде, 1913. — 161 с.
7. Пашин С. А. Состязательный уголовный процесс / С. А. Пашин. — М. : Р. Валент, 2006. — 200 с.
8. Стандарты справедливого правосудия (международные и национальные практики) / кол. авт. ; под ред. Т. Г. Морщаковой. — М. : Мысль, 2012. — 584 с.
9. Тимофеев Н. П. Суд присяжных в России : суд. очерки / Н. П. Тимофеев. — М. : Тип. А. И. Мамонтова и Ко, 1881. — 639 с.

УДК 343

**НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ
ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНОГО МЕРОПРИЯТИЯ
«ПРОСЛУШИВАНИЕ ТЕЛЕФОННЫХ ПЕРЕГОВОРОВ»
В ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ**

Черкашин Роман Николаевич

*преподаватель кафедры оперативно-разыскной деятельности и
специальной техники в органах внутренних дел
ФГКОУ ВО «Восточно-Сибирский институт МВД России», г. Иркутск
e-mail: ronic.07@mail.ru*

**SOME QUESTIONS OF USING THE RESULTS
OPERATIONAL-SEARCH ACTIVITIES WIRETAPPING
IN THE OPERATIONAL-SEARCH ACTIVITY
OF INTERNAL AFFAIRS BODIES**

Roman Cherkashin

*lecturer in the operational-search activities and special equipment in the police Department FGCO IN
the «East Siberian Institute of MIA of Russia», Irkutsk*

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются существующая практика и сложившиеся проблемы использования результатов оперативно-разыскного мероприятия «прослушивание телефонных переговоров» в оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел, а также форма их представления в органы предварительного следствия для дальнейшего использования, анализируется отечественное законодательство.

ABSTRACT

The article considers current practice and the current problems of use of results of operatively-search actions wiretapping in operative search activities of internal Affairs bodies, as well as the form of their presentation to the bodies of preliminary investigation for future use, and analyzes the domestic legislation.

Ключевые слова: доказательства; результаты оперативно-разыскной деятельности; использование результатов оперативно-разыскной деятельности; оперативно-разыскная деятельность; прослушивание телефонных переговоров.

Key words: evidence; investigative results; using the results of operational-investigative activity; operational-investigative activity; wiretapping.

В период проведения масштабных реформ в России, преступность стала принимать новые формы. Стали проявляться отрицательные тенденции, выраженные в изменении качественных и количественных характеристик совершаемых преступлений. Преступность приобрела организованные и профессиональные черты.

Для решения задачи противодействия преступности в современных условиях, возникает необходимость использования возможностей оперативных подразделений органов внутренних дел. Возрастает роль выявления преступных фактов, установленных в результате осуществления оперативно-разыскной дея-

тельности, а также дальнейшего использования полученных результатов в уголовном судопроизводстве.

Сегодня преступники активно используют телефонную связь как в своей повседневной некриминальной деятельности, так и в целях подготовки, совершения преступлений, противодействия правоохранным органам, а также сокрытия следов противоправной деятельности. Для своевременного выявления, предупреждения, пресечения и раскрытия преступлений, розыска скрывшихся преступников, похищенного имущества и орудий преступления правоохранным органам необходимо

принимать адекватные меры, закрепленные законодательством, позволяющие своевременно проникать в преступные замыслы, получать оперативно значимую информацию. Одним из эффективных оперативно-разыскных мероприятий (далее – ОРМ), закрепленных в статье 6 Федерального закона от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» [2] (далее – ФЗ «Об ОРД»), является прослушивание телефонных переговоров (далее – ПТП), которое позволяет получить объективные данные по подготавливаемым, совершаемым или совершенным преступлениям.

По своей сути прослушивание телефонных переговоров – это оперативно-разыскное мероприятие, заключающееся в сборе сведений путем прослушивания ведущихся по телефонной связи переговоров лиц, которые могли подготавливать или совершить преступление, либо быть причастны к его подготовке и совершению, либо располагать информацией о нем. Объектом данного ОРМ выступают телефонные переговоры, которые заключаются в передаче информации путем речевого (аудиального) общения, между двумя или более собеседниками, с помощью средств связи, а также в односторонней передаче речевой информации одного абонента на автоматическое записывающее устройство другого [6, с. 45].

Значимость ПТП на практике обусловлена тем, что данное ОРМ позволяет решить в своей совокупности целый ряд задач, стоящих перед оперативными подразделениями:

- 1) обнаружить разыскиваемых лиц, по результатам изучения сводок ПТП проведенных в отношении родственников и знакомых разыскиваемого;

- 2) установить всех участников преступной группы и определить их роль при подготовке или совершении преступления;

- 3) предупредить или пресечь замышляемые и подготавливаемые преступления, посредством использования в процессе оперативно-разыскной деятельности (далее – ОРД) данных о преступных замыслах проверяемых или разрабатываемых лиц, полученных в ходе ПТП;

- 4) раскрыть ранее совершенные преступления, в том числе и прошлых лет, используя результаты ПТП как в качестве ориентирующей органы предварительного следствия информации (например, в ходе ПТП можно получить сведения о месте нахождения похищенного имущества, орудий преступления

иных следов преступной деятельности), так и в дальнейшем использовании в доказывании (например, путем признания фонограмм в качестве вещественных доказательств) [5, с. 46–47].

Несмотря на широкие возможности, открывающиеся при проведении ПТП, и его значимость в борьбе с преступностью, проведенное нами исследование позволяет сделать вывод о наличии проблем правового обеспечения использования результатов оперативно-разыскной деятельности.

Среди данных проблем выделим следующие:

- 1) ФЗ «Об ОРД» содержание понятия ПТП, тактику его проведения, как, впрочем, и других ОРМ, не раскрывает. К ведомственным же нормативным правовым актам, в силу их закрытого характера, конкретизирующим данное мероприятие, большинство участников уголовного процесса доступа не имеют;

- 2) согласно ст. 9 ФЗ «Об ОРД» срок действия вынесенного судьей постановления о проведении ПТП исчисляется в сутках и не может превышать шести месяцев. Рассматриваемая законодательная формулировка не позволяет правоприменителям, в том числе и федеральным судьям, однозначно ответить на вопрос: сколько же фактически суток может проводиться ПТП? Так, например, датой рассмотрения постановления может быть и не первое число месяца, а его середина, в разных месяцах бывает разное количество дней;

- 3) согласно ч. 4 ст. 8 ФЗ «Об ОРД» ПТП допускается только в отношении «лиц, подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений...». ФЗ «Об ОРД» не раскрывает, кого следует понимать под подозреваемым или обвиняемым. В то же время понятия подозреваемый и обвиняемый закреплены в ст. 46, 47 Уголовно-процессуального кодекса РФ. С формальной точки зрения, при применении положений ч. 4 ст. 8 ФЗ «Об ОРД», следует использовать официально закрепленные в УПК РФ понятия, так как иное их содержание более законодательно нигде не раскрыто. Следовательно, в этом случае ПТП не может проводиться в отношении лиц, не имеющих указанного выше уголовно-процессуального статуса, что идет вразрез с теорией и практикой ОРД;

- 4) в соответствии с ч. 5 ст. 8 ФЗ «Об ОРД» в случае возбуждения уголовного дела в отношении лица, телефонные переговоры которого прослушиваются, фонограмма и бумажный носитель записи переговоров передаются сле-

дователю для приобщения к уголовному делу в качестве вещественных доказательств. Указанная норма сформулирована императивно и не предусматривает исключений. В то же время оперативно-разыскная практика свидетельствует о том, что не во всех случаях есть необходимость передавать материалы ПТП органам предварительного следствия, особенно если их содержание не имеет значения для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу.

Учитывая вышеизложенное, необходимо отметить, что в условиях современного состояния законодательства и правоприменительной практики указанные положения закона толкуются по-разному. Наличие разных взглядов присутствует и в уголовно-процессуальном законодательстве. В настоящее время нет единого мнения об использовании результатов ОРД в уголовном процессе в качестве доказательств. Понятие результатов ОРД закреплено в п. 36.1 ст. 5 УПК РФ, согласно которому они представляют собой сведения, полученные в соответствии с ФЗ «Об ОРД», о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного преступления, лицах, подготавливающих, совершающих или совершивших преступление и скрывшихся от органов дознания, следствия или суда [3].

Как отмечал Конституционный Суд РФ, результаты оперативно-разыскных мероприятий являются не доказательствами, а лишь сведениями об источниках тех фактов, которые, будучи полученными с соблюдением требований Федерального закона «Об оперативно-разыскной деятельности», могут стать доказательствами только после закрепления их надлежащим процессуальным путем, а именно на основе норм уголовно-процессуального закона.

Принимая во внимание, что ПТП относится к ОРМ, ограничивающим конституционное право человека и гражданина на тайну телефонных переговоров (ч. 2 ст. 23 Конституции РФ) [1], соответственно для проведения ОРМ, ограничивающего конституционное право конкретного человека, выносится мотивированное ходатайство от имени руководителя органа, осуществляющего ОРД, направляемое судье для принятия соответствующего решения об ограничении конституционных прав. В дальнейшем в случае представления уполномоченным должностным лицам (органам) результатов ОРД, полученных при про-

ведении ОРМ, которые ограничивают конституционные права человека и гражданина, в том числе и на тайну телефонных переговоров, к ним прилагаются копии судебных решений о проведении ОРМ. При рассекречивании сведений, составляющих государственную тайну, и их носителей выносится постановление от имени руководителя органа, осуществляющего ОРД. В некоторых регионах существует практика вынесения постановления о рассекречивании сведений, составляющих государственную тайну, от имени должностного лица, которое санкционировало проведение ОРМ, ограничивающего конституционные права граждан, т. е. от имени судьи. Анализируя нормы ведения секретного делопроизводства, порядок предоставления результатов ОРД, считаем, что выносить вышеуказанное постановление должен руководитель органа, осуществляющего ОРД. Суд (судья) должен санкционировать проведение оперативно-разыскных мероприятий, ограничивающих конституционные права граждан, а сохранение в тайне факта проведения ОРМ и материалов, послуживших основанием для принятия такого решения, законодательно предписано органам, осуществляющим ОРД.

В Инструкции «О порядке представления результатов оперативно-разыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд» [4] указано, что результаты ОРД представляются в виде рапорта об обнаружении признаков преступления или сообщения о результатах оперативно-разыскной деятельности. Также в данной инструкции закрепляется, что результаты ОРД, представляемые для использования в доказывании по уголовным делам, должны позволять формировать доказательства, удовлетворяющие требованиям уголовно-процессуального законодательства, предъявляемым к доказательствам в целом, к соответствующим видам доказательств; содержать сведения, имеющие значение для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, указания на ОРМ, при проведении которых получены предполагаемые доказательства, а также данные, позволяющие проверить в условиях уголовного судопроизводства доказательства, сформированные на их основе.

Сложившаяся практика убеждает в том, что результаты, полученные в ходе оперативно-разыскной деятельности и представленные органам предварительного следствия, как пра-

вило, являются важными источниками доказательственной информации, а также выступают средствами доказывания и в суде.

Вместе с этим раскрытие правовых проблем, возникающих при проведении ПТП, имеет не просто теоретическую значимость. Органы, осуществляющие ОРД, обязаны понимать, что сторона защиты, используя недостатки законодательства и практики правоприменения, имеет предпосылки для того, чтобы убедить суд признать доказательства, сформированные на основе материалов ПТП, недопустимыми. Принятие таких решений приведет к несоблюдению принципа неотвратимости ответственности, что повлечет за собой такое отрицательное последствие для общества, как ослабление нетерпимости к противоправным деяниям.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации : принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 31. – Ст. 4398.
2. Об оперативно-розыскной деятельности : федер. закон РФ от 12 мая 1995 г. № 144-ФЗ // Рос. газ. – 1995. – 18 авг.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ // Рос. газ. – 2001. – № 249.
4. Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд : приказ МВД России, М-ва обороны РФ, ФСБ России, Федер. службы охраны РФ, Федер. тамож. службы, Службы внеш. разведки РФ, Федер. службы исполнения наказаний, Федер. службы РФ по контролю за оборотом наркотиков, Следств. комитета РФ от 27.09.2013 № 776/703/509/507/1820/42/535/398/68 // Рос. газ. – 2013. – № 282.
5. Кузнецов Е. В. Проблемы правового регулирования оперативно-розыскного мероприятия «прослушивание телефонных переговоров» // Актуальные проблемы оперативно-розыскной деятельности : материалы Регион. науч.-практ. конф. (8 июля 2010 г.). – Тюмень, 2011. – С. 46–47.
6. Прослушивание телефонных переговоров в оперативно-розыскной деятельности : учеб. пособие / Н. Н. Бухаров [и др.] ; под общ. ред. В. П. Сальникова. – СПб. : Университет, 2005. – 128 с.

УДК 346

ВНЕШНИЙ МУНИЦИПАЛЬНЫЙ ФИНАНСОВЫЙ КОНТРОЛЬ И ЕГО ОСОБЕННОСТИ

Власова Елена Львовна

доцент кафедры государственно-правовых дисциплин
Восточно-Сибирского филиала ФГБОУ ВО
«Российский государственный университет правосудия»,
г. Иркутск
e-mail: vlasovael1963@gmail.com

EXTERNAL MUNICIPAL FINANCIAL CONTROL AND ITS FEATURES

Elena Vlasova

Associate Professor of the Department of State and Legal Disciplines
The East Siberian Branch of the FSBEI HE
«The Russian State University of Justice», Irkutsk

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена анализу действующего законодательства, регулирующего вопросы внешнего финансового контроля в муниципальных образованиях.

ABSTRACT

The article is devoted to analysis of current legislation regulating external financial control in municipally formations.

Ключевые слова: муниципальный финансовый контроль; контрольно-счетный орган муниципального образования; представительный орган муниципального образования.

Keywords: municipal financial control; control and accounting body of the municipality; a representative body of municipal formation.

Финансовый контроль является неременным условием обеспечения стабильности страны, которая напрямую зависит от устойчивого функционирования системы государственного и муниципального финансового контроля.

В соответствии со ст. 12 Конституции РФ органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти [1], однако муниципальный финансовый контроль (далее – МФК), как и государственный, выступает в качестве одного из составляющих элементов в бюджетном процессе. Он соответствует реализации государственной финансовой политики, эффективному использованию средств местных бюджетов и основывается на осуществлении контрольных функций, исходя

из единства бюджетной системы Российской Федерации.

Основным законодательным актом, составляющим правовую основу функционирования системы МФК, является Бюджетный кодекс РФ (БК РФ) [2].

Бюджетный кодекс РФ (ст. 265) закрепил:

– виды государственного (муниципального) финансового контроля, который подразделяется на внешний, внутренний, предварительный и последующий. При этом, согласно ст. 265 п. 2 БК РФ, «внешний государственный (муниципальный) финансовый контроль в сфере бюджетных правоотношений является контрольной деятельностью Счетных палат Российской Федерации, контрольно-счетных органов субъектов Российской Федерации и муниципальных образований»;

- объект государственного (муниципального) финансового контроля (ст. 266¹ БК РФ);
- методы осуществления государственного (муниципального) финансового контроля (ст. 267¹ БК РФ);
- полномочия органов внешнего государственного (муниципального) финансового контроля (ст. 268¹ БК РФ); а также право органов государственного (муниципального) финансового контроля на составление представлений и предписаний в случаях установления нарушений бюджетного законодательства (ст. 270² БК РФ).

В базовом Федеральном законе от 7 февраля 2011 г. № 6-ФЗ «Об общих принципах организации и деятельности контрольно-счетных органов субъектов Российской Федерации и муниципальных образований» [3] определен статус контрольно-счетных органов муниципальных образований, порядок их организации и деятельности. Выделяют следующие группы контрольно-счетных органов:

1) счетные палаты, которые самостоятельны, независимы в своей деятельности от иных государственных институтов;

2) счетные палаты, являющиеся составной частью законодательных/представительных органов власти или подразделениями их аппаратов, не наделенных правами юридического лица [6].

Этим же законом установлено, что контрольно-счетные органы муниципальных образований являются действующими органами внешнего муниципального финансового контроля и подотчетны образовавшим их представительным органам местного самоуправления. Они организационно и функционально независимы и самостоятельны при осуществлении своей деятельности. Их деятельность не может быть приостановлена даже в том случае, если представительные органы прекращают свои полномочия досрочно. Финансовый контроль, осуществляемый контрольно-счетными органами, намного шире контроля, который проводится по линии исполнительных органов власти в сфере финансов. Это объясняется тем, что они не только выявляют нарушения соблюдения финансового законодательства, но и дают оценку, насколько эффективно были использованы финансовые ресурсы, а значит, и оценивают деятельность исполнительно-распорядительных органов по их управлению [5].

В соответствии с Федеральным законом от 07.02.2011 № 6-ФЗ контрольно-счетные орга-

ны муниципальных образований наделены достаточно широкими полномочиями по реализации своих функций. Так, они проводят экспертизу проектов местных бюджетов, которые разрабатываются и представляются в представительный орган муниципального образования местной администрацией для их принятия. На них возложены обязанности по контролю за исполнением местных бюджетов и осуществлением внешней проверки годовых отчетов об их исполнении.

В качестве основных принципов деятельности контрольно-счетных органов муниципальных образований в законе закреплены принципы: законности, объективности, эффективности, независимости и гласности.

Бюджетные полномочия контрольно-счетных органов муниципальных образований еще более конкретизированы Федеральным законом от 23.07.2013 № 252-ФЗ «О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации». В данном законе четко прописано, что контрольно-счетные органы муниципальных образований должны организовывать и осуществлять контроль за соблюдением законности, достижением результативности при использовании средств местных бюджетов, а также средств, которые поступают в бюджеты муниципальных образований из других бюджетов бюджетной системы Российской Федерации в порядке межбюджетных трансфертов. Являясь непосредственными участниками бюджетного процесса в муниципальных образованиях, они постоянно анализируют его ход и готовят предложения, которые направлены на его совершенствование.

Так как органы местного самоуправления решают задачи, связанные с обеспечением последовательного социально-экономического развития территорий, то в этих целях представительные органы муниципальных образований могут предоставить налоговые и иные льготы и преимущества, а также бюджетные кредиты за счет средств местного бюджета и муниципальные гарантии и поручительства. В таких случаях контрольно-счетные органы оценивают эффективность предоставления налоговых и иных льгот, проверяют законность выделения гарантий и поручительства в обеспечение обязательств юридических и физических лиц по различным сделкам, связан-

ным с предпринимательской деятельностью, за счет средств местного бюджета.

Полномочия органов муниципального внешнего контроля только этим не ограничиваются. Они проводят финансово-экономические экспертизы проектов муниципальных правовых актов, которые связаны с выполнением расходных обязательств муниципальных образований и муниципальных программ. На них также возложены обязанности по контролю за соблюдением установленного представительным органом порядка распоряжения муниципальным имуществом.

Кроме того, Федеральным законом от 05.05.2014 № 125-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» предоставлено право субъектам Федерации своими законами устанавливать перечень дополнительных лиц органов местного самоуправления, наделенных правом составлять протоколы об административных правонарушениях, предусмотренных КоАП РФ при осуществлении муниципального контроля.

В Иркутской области отдельные вопросы организации и деятельности контрольно-счетных органов муниципальных образований закреплены в законе Иркутской области от 29.02.2016 № 2-ОЗ «О внесении изменений в закон Иркутской области “О должностных лицах, уполномоченных составлять протоколы об отдельных административных правонарушениях, предусмотренных Кодексом об административных правонарушениях Российской Федерации, при осуществлении регионального государственного контроля (надзора), а также переданных полномочий в области Федерального государственного надзора, муниципального контроля”».

Данным законом предоставлено право председателям, заместителям председателей, аудиторам, инспекторам контрольно-счетных органов муниципальных образований Иркутской области при осуществлении муниципального финансового контроля составлять протоколы об административных правонарушениях. Законом предоставлено также право должностным лицам контрольно-счетных органов муниципальных образований Иркутской области при осуществлении возложенных на них должностных полномочий составлять протоколы об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 24.8 «Наруше-

ние порядка управления и распоряжения имуществом, находящимся в муниципальной собственности» с правом привлечения виновных лиц к административной ответственности.

Таким образом, можно резюмировать, что правовой статус и компетенция специальных органов внешнего муниципального финансового контроля (контрольно-счетных органов муниципальных образований) определены вышеуказанными федеральными законами от 06.10.2003 и 07.02.2011. В частности, ст. 38 Федерального закона об общих принципах организации местного самоуправления определяет, что в целях осуществления внешнего муниципального финансового контроля представительный орган муниципального образования вправе образовать контрольно-счетный орган муниципального образования [4].

В Бюджетном кодексе Российской Федерации наличие органа муниципального финансового контроля в муниципальных образованиях является обязательным. В России контрольно-счетные органы образованы во всех муниципальных районах и городских округах, реже они встречаются в поселениях.

В этом случае возникают вопросы:

1. Кто должен осуществлять внешний финансовый контроль, если в муниципальном образовании нет контрольно-счетного органа?
2. Нужно ли создавать контрольно-счетные органы в муниципальных образованиях малочисленных поселений?
3. Можно ли возложить функции муниципального финансового контроля в поселениях на контрольно-счетный орган муниципального района, в состав которого входят поселения?

Ответов на эти вопросы в действующем законодательстве нет.

В статье 265 Бюджетного кодекса Российской Федерации до августа 2013 г. представительные органы местного самоуправления имели право осуществлять предварительный, текущий и последующий контроль за формированием и использованием бюджетов; они могли в какой-то мере выполнять функции внешнего финансового контроля. В связи с принятием Федерального закона от 23 июля 2013 г. № 252-ФЗ в новой редакции ст. 265 Бюджетного кодекса Российской Федерации представительные органы местного самоуправления были лишены этих форм контроля. В то же самое время в ст. 35 Закона

№ 131-ФЗ в исключительной компетенции представительных органов муниципального образования находятся вопросы утверждения местного бюджета и отчета о его выполнении, принятие планов и программ развития муниципального образования, утверждение отчетов об их исполнении. При осуществлении этих полномочий представительные органы на практике осуществляют как предварительный, так и последующий контроль. В настоящее время очевидно, что необходимо дальнейшее совершенствование федерального законодательства:

1) целесообразно предоставить право на осуществление предварительного контроля за представительными органами местного самоуправления муниципальных образований, так как на практике они его осуществляют при принятии бюджета и последующего контроля в ходе рассмотрения и утверждения отчета об исполнении бюджета, а также муниципальных программ. В ходе этого контроля представительные органы должны давать оценку муниципальных программ и бюджета с точки зрения их влияния на социально-экономическое развитие муниципального образования и обеспечения прав жителей на благоприятную среду;

2) следует внести в Закон № 131-ФЗ норму, в соответствии с которой наличие контрольно-счетного органа является обязательным в муниципальных районах и городских округах; одновременно с этим предоставить право муниципальным образованиям поселений самостоятельно решать вопрос о необходимости образования контрольно-счетного органа в поселении. В случае, если в поселении в соответствии с уставом муниципального образования контрольно-счетный орган не

образуется, то функции внешнего финансового контроля в них должен выполнять контрольно-счетный орган муниципального района.

Таким образом, контрольно-счетные органы муниципальных образований являются составной частью системы внешнего финансового контроля в Российской Федерации. Они призваны осуществлять важную функцию, связанную с обеспечением действенного контроля за целевым и эффективным использованием средств местного бюджета и управлением муниципальным имуществом.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации : принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. // Рос. газ. – 1993. – № 237.
2. Бюджетный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 3 июля 1998 г. № 145-ФЗ (ред. от 29.07.2017) // Собрание законодательства РФ. – 1998. – № 31. – Ст. 3823.
3. Об общих принципах организации и деятельности контрольно-счетных органов субъектов Российской Федерации и муниципальных образований : федер. закон от 7 февр. 2011 г. № 6-ФЗ (ред. от 04.03.2014) // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 6. – Ст. 3822.
4. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации : федер. закон от 6 окт. 2003 г. № 131-ФЗ (ред. от 15.02.2016 г.) // Собрание законодательства РФ. – 2003. – № 40. – Ст. 3822.
5. Демидов М. В. Место и роль контрольно-счетных органов в системе государственного финансового контроля России // Конституцион. и муницип. право. – 2010. – № 1 – С. 18–19.
6. Финансовое право : учебник / под ред. И. А. Цинделани. – 3-е изд. – М. : Проспект, 2017. – 418 с.

УДК 342.9

СМС-РАССЫЛКИ И АДМИНИСТРАТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ**Зедгенизова Ирина Ивановна***кандидат экономических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин
Восточно-Сибирского филиала ФГБОУ ВО**«Российский государственный университет правосудия», г. Иркутск
e-mail: 54irina@bk.ru***SMS-MAILING AND ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY****Irina Zedgenizova***Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of State and Legal Disciplines
The East-Siberian branch of the FSBEI HE «The Russian State University of Justice», Irkutsk***АННОТАЦИЯ**

Цель – анализ рынка СМС-рассылок. Метод – аналитический обзор. Результат – перспективы развития. Выводы: 1) в условиях развития мобильного маркетинга СМС-рассылки являются перспективным каналом маркетинговой коммуникации и получают дальнейшее развитие; 2) во избежание негативных последствий СМС-рассылки необходимо строго соблюдать требования законодательства РФ и регламентирующих документов.

ABSTRACT

The aim-market analysis of SMS mailing. Method and analytical review. The result is a development perspective. Conclusions: 1) in the context of the development of mobile marketing SMS mailings are promising channel of marketing communications and will be further developed; 2) in order to avoid the negative consequences of SMS distribution should be strictly observed the requirements of Russian legislation and regulations.

Ключевые слова, преимущества; объемы и схемы СМС-рассылок; административная ответственность.

Keywords: benefits scheme; the volume and SMS-mailing; administrative responsibility.

СМС-рассылка – это универсальный, удобный и недорогой способ связи с клиентами и сотрудниками, применяемый в различных сферах деятельности человека. Ее используют магазины и детские центры, кафе и салоны красоты, медицинские центры и туристические компании и т. д. СМС-рассылка имеет широкий спектр применения и может быть полезна не только частным компаниям, но и государственным учреждениям, физическим лицам. Это относительно новое растущее направление в рекламном бизнесе, которое предусматривает использование мобильных телефонов, что является средством прямой коммуникации с клиентом.

Высокая популярность СМС-услуг обусловлена преимуществами данного вида маркетинга перед другими способами рекламы.

Во-первых, низкая стоимость. По сравнению с другими видами маркетинга, СМС-рассылка на сегодняшний день является самым выгодным способом рекламирования товаров и услуг.

Во-вторых, персонализация. СМС-рассылка направлена на конкретную целевую

аудиторию, когда прочие способы рекламирования ориентированы на широкую публику.

В-третьих, основной целью СМС-услуг является поддержание связей с постоянными, а значит, проверенными клиентами, что повышает их заинтересованность. Основной же целью прочих рекламных средств является привлечение новых клиентов и покупателей.

В-четвертых, СМС-сервис многофункционален, что позволяет использовать рассылки для: уведомления клиентов о проходящих акциях (распродажи, скидки, специальные предложения); оповещения о значимых новостях компании; дополнительного информирования и отправки важных напоминаний; поздравления с праздниками и др.

Многие компании используют дополнительные функции СМС-сервиса: отбор по различным параметрам (скидка, вид услуги и так далее); обращение к клиенту по имени; рассылка по совпадению даты (например, для поздравлений или напоминания о записи к специалисту).

Эффективность рассылки определяется по разным параметрам в соответствии с ее целе-

вым назначением. Возможность отслеживания статуса сообщений позволяет постоянно совершенствовать клиентскую базу, что ведет к высоким показателям эффективности. Считается, что 99 % поступающих на телефон сообщений прочитываются абонентами.

При существующей клиентской базе в рассылке заинтересован как отправитель, так и получатель информации, что повышает деловой имидж компании и укрепляет ее позиции на рынке.

Динамика рынка СМС-рассылок в России по данным РАЭК представлена на рис. 1.

Как следует из диаграммы, в 2014 г. из-за введенных операторами связи блокировок А2Р рассылок с коротких номеров рынок СМС-рассылок «обвалился». Перевод рекламных и информационных рассылок на прямые договоры позволил консолидировать бизнес легальных СМС-агрегаторов, что привело к некоторому оздоровлению рынка и снижению объема СМС-спама.

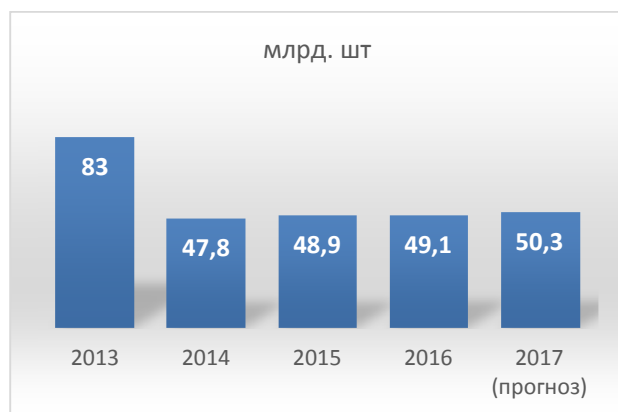

Рис. 1. Динамика развития рынка СМС-рассылок

Структура потребителей СМС-рассылок представлена следующим образом: клиенты операторов связи – 17 %, клиенты СМС-агрегаторов – 83 %. Доля СМС-трафика, приходящаяся на банки и ритейл, составляет примерно 90 % от совокупного количества СМС-сообщений (50 и 42 % соответственно). Государственные структуры генерируют 3–4 % совокупного СМС-трафика [6].

Перспективы рынка СМС-рассылок в России можно сформулировать как:

1. Медленный рост рынка СМС-рассылок: не более 5 % в год.
2. Рост электронной коммерции и, соответственно, СМС-рассылок от этого сегмента рынка.

3. В долгосрочной перспективе – снижение уровня спама и рост доверия к инструменту СМС-рассылок.

4. Рост стоимости СМС-рассылок.

С развитием интернет-технологий стали возникать опасения, что сетевые решения могут серьезно потеснить СМС-рассылки на рекламном рынке. Доступность целевой аудитории через электронную почту, социальные сети, службы мгновенных сообщений открывала широкие перспективы для появления новых маркетинговых приемов и методов.

Но вместе с этим активно создаются современные программно-цифровые решения, позволяющие органично совместить эффективность СМС-рассылок с технологиями их осуществления через Интернет. В настоящее время существует немало программ и веб-сервисов, которые предусматривают возможность массовой отправки сообщений несколькими щелчками мыши. При этом предлагается ряд дополнительных, расширенных и сопутствующих услуг. Например, можно сформировать любой отчет о проведенных рекламных кампаниях, настроить автоматическую отправку СМС-сообщений через определенные интервалы времени, отслеживать статус каждого из них и т. д.

Интерфейсы и инструментарий подобных приложений и веб-сайтов предельно просты, специальное обучение не требуется. Уже сегодня вполне возможно отправлять более миллиона сообщений в сутки, при этом гарантируется сохранность и секретность базы телефонных номеров, а также прочих конфиденциальных сведений. Данное направление СМС-рассылок постоянно совершенствуется: появляются новые, более эффективные программно-цифровые возможности, создаются новые сервисы и услуги [5].

По мнению J'son&Partners Consulting, участников рынка СМС-рассылок можно разбить на 3 категории: операторы и официальные агрегаторы, «серые» агрегаторы, «черные» агрегаторы (рис. 2).

В первую группу входят операторы сотовой связи, предоставляющие услуги СМС-рассылок, а также их официальные партнеры, работающие с ними напрямую в рамках договорных отношений. Преимуществом этой группы является возможность принять большой объем СМС-сообщений. Диапазон стоимости услуг СМС-рассылок операторов сото-

вой связи варьируется от 0,20 руб. до 1,35 руб. в зависимости от объема СМС-рассылок.

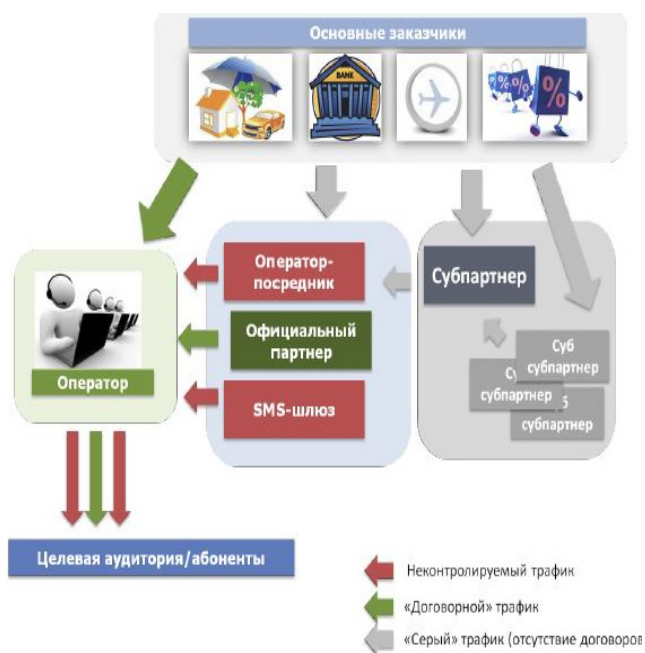

Рис. 2. Схема реализации СМС-рассылок

Цена одного СМС-сообщения у официальных агрегаторов, как правило, зависит от оператора абонента, получающего эти сообщения. Стоимость одного сообщения варьируется от 6,5 коп. (на номера абонентов региональных операторов при большом объеме сообщений) до 80 коп. (на номера абонентов «большой тройки» при невысоком объеме сообщений).

Во вторую группу входят агрегаторы, напрямую не работающие с операторами сотовой связи, являющиеся их «субпартнерами». Клиентская база «серых» СМС-агрегаторов схожа с клиентской базой СМС-рассылок операторов сотовой связи и официальных СМС-агрегаторов. Отличительной чертой «серых» СМС-агрегаторов по сравнению с операторами и официальными агрегаторами является наличие пула субпартнеров, которые рассылают свои потоки рассылок с номеров данного агрегатора, при этом не всегда такие рассылки являются согласованными и легальными.

Стоимость услуг «серых» агрегаторов так же, как и у официальных агрегаторов, зависит от оператора абонента, получающего сообщение, и количества отправленных за одну рассылку СМС и варьируется от 0,1 до 1,06 руб.

Помимо СМС-рассылок, некоторые «серые» СМС-агрегаторы предлагают своим клиентам услуги СМС-рекламы. Агрегатор предоставляет базу клиентов для рассылки рекламно-информационных сообщений. Клиент, как правило, может выбрать определенную группу (детализацию) для рассылки своих рекламных сообщений.

Для третьей группы характерны низкие цены – существенно ниже рыночных. Как правило, такие компании не афишируют свое местонахождение, не имеют официальных офисов и контактных лиц, скрываются за скучным веб-интерфейсом для покупки рассылок. В эту категорию входят как агрегаторы, так и СМС-шлюзы, которые предоставляют своим клиентам услуги массовых рассылок. Большее количество СМС-спама приходит именно через «черных» СМС-агрегаторов [4].

Учитывая преимущества данного вида маркетинга, у коммерческих структур возникает соблазн наладить удобный и недорогой способ связи со своими клиентами. Однако федеральные власти серьезно регулируют этот процесс. 21 октября 2014 г. вступил в силу Федеральный закон № 272-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О связи”» [3]. Новыми требованиями законодательства теперь при рассылке СМС-сообщений организациям (операторам) необходимо обязательное согласие абонента на получение СМС-сообщений. Без разрешения на получение СМС-сообщений от получателя такая рассылка признается незаконной.

Исключения составляют:

- информирование получателя в связи с перенесением абонентского номера;
- во исполнение требований законодательства РФ приостановление оказания услуг, оповещение о задолженности, сообщение о включении роуминга, инициатива органов исполнительной власти и т. п.

Новым Законом об СМС-сообщениях вводится понятие рассылки по сети подвижной радиотелефонной связи. Законодатель определил его как автоматическую передачу абонентам коротких текстовых сообщений по сети подвижной радиотелефонной связи или передачу абонентам коротких текстовых сообщений с использованием нумерации, не соответствующей российской системе и плану нумерации, а также сообщений, передача которых не предусмотрена договором о межсете-

вом взаимодействии с иностранными операторами связи.

В соответствии со ст. 44 Федерального закона «О связи» от 07.07.2003 № 126-ФЗ [1] на территории Российской Федерации услуги связи оказываются операторами связи пользователям услугами связи на основании договора об оказании услуг связи. Заключение договоров об оказании услуг подвижной радиотелефонной связи в нестационарных торговых объектах запрещается. Исключение составляет заключение оператором связи договоров в транспортных средствах, которые специально оборудованы для обслуживания абонентов и требования к которым устанавливаются федеральным органом исполнительной власти.

В случае нарушения пользователем услугами связи требований, установленных Законом о связи, правилами оказания услуг связи или договором об оказании услуг связи, в том числе нарушения сроков оплаты оказанных ему услуг, оператор имеет право приостановить оказание услуг связи до устранения нарушения. В случае неустранения такого нарушения в течение шести месяцев со дня получения пользователем услугами связи от оператора уведомления в письменной форме о намерении приостановить оказание услуг связи оператор связи в одностороннем порядке вправе расторгнуть договор.

Абонент, которому на основании договора об оказании услуг связи выделен абонентский номер, имеет право его сохранить в пределах территории, определенной Правительством РФ, при условии расторжения действующего договора и погашения задолженности, если она имеется, и заключения нового договора с другим оператором подвижной радиотелефонной связи. Стоит помнить о том, что новый оператор не имеет права взимать плату за использование сохраненного абонентского номера больше чем 100 руб.

Рассылка по сети подвижной радиотелефонной связи должна осуществляться при условии получения предварительного согласия абонента, выраженного посредством совершения им действий, однозначно идентифицирующих этого абонента и позволяющих достоверно установить его волеизъявление на получение рассылки. Рассылка признается осуществленной без предварительного согласия абонента, если заказчик рассылки, в случае осуществления рассылки по его инициативе,

или оператор подвижной радиотелефонной связи, в случае осуществления рассылки по инициативе оператора подвижной радиотелефонной связи, не докажет, что такое согласие было получено (ст. 44.1 Закона о связи).

Рассылка по сети подвижной радиотелефонной связи по инициативе заказчика рассылки осуществляется на основании договора, заключенного с оператором подвижной радиотелефонной связи, абоненту которого предназначена рассылка. Предметом такого договора являются услуги по осуществлению рассылки оператором связи.

Рассылка, осуществляемая с нарушением требований, установленных Законом о связи, является незаконной. Исключение составляют:

- рассылка сообщений в целях информирования абонента в связи с перенесением абонентского номера;

- иные сообщения, рассылку которых оператор связи обязан осуществлять в соответствии с законодательством РФ, а также рассылки сообщений по инициативе федеральных органов исполнительной власти, органов государственных внебюджетных фондов, исполнительных органов государственной власти субъектов РФ, местных администраций и других органов местного самоуправления, осуществляющих исполнительно-распорядительные полномочия в соответствии с законодательством.

Другая рассылка СМС-сообщений без получения согласия от абонента запрещена (п. 3 ст. 44.1 Закона о связи).

Особенности оказания услуг связи установлены в ст. 45 Закона о связи. Во всех случаях замены абонентского номера оператор связи обязан известить абонента и сообщить ему новый номер не менее чем за 60 дней, если необходимость замены не была вызвана непредвиденными или чрезвычайными обстоятельствами.

Оператор связи без согласия в письменной форме абонента не вправе изменять схему включения его окончного оборудования, работающего на отдельной абонентской линии. Абонент вправе требовать переключения абонентского номера, а оператор связи при наличии технической возможности обязан переключить абонентский номер на абонентскую линию в помещении, расположенном по другому адресу и находящемся во владении данного абонента. Следует учитывать, что переключе-

чение абонентского номера является уже дополнительной услугой.

В случае прекращения у абонента права владения и пользования помещением, в котором установлено окончательное оборудование (телефонизированное помещение), договор об оказании услуг связи с абонентом прекращается. При этом оператор связи, с которым прекращается договор об оказании услуг связи, по требованию нового владельца телефонизированного помещения в течение 30 дней обязан заключить с ним договор об оказании услуг связи. В случае если в телефонизированном помещении остались проживать члены семьи абонента, договор об оказании услуг связи переоформляется на одного из них.

Законом об СМС-сообщениях добавлено, что абонент вправе обратиться к оператору подвижной радиотелефонной связи с требованием о прекращении передачи на его пользовательское оборудование (оконечное оборудование) коротких текстовых сообщений с указанием абонентского номера или уникального кода идентификации, которые содержатся в таких сообщениях и от получения которых абонент отказывается, за исключением сообщений, передача которых осуществляется оператором подвижной радиотелефонной связи.

Оператор подвижной радиотелефонной связи без взимания платы с абонента обязан прекратить рассылку по сети подвижной радиотелефонной связи на пользовательское оборудование (оконечное оборудование) абонента с абонентского номера или уникального кода идентификации, указанных в обращении абонента.

Обязанности операторов закреплены также в Законе о связи, а именно в статье 46 данного закона; оператор связи обязан:

- оказывать пользователям услуги связи в соответствии с законодательством РФ, правилами, стандартами, лицензией и договором об оказании услуг связи;

- нести расходы на проектирование, построение, реконструкцию сетей связи с учетом требований обеспечения устойчивости и безопасности, а также расходы на создание и эксплуатацию систем управления своих сетей связи и их взаимодействие;

- соблюдать требования, касающиеся организационно-технического взаимодействия с другими сетями связи, пропуска трафика и его

маршрутизации, а также требования к ведению взаиморасчетов и обязательным платежам;

- представлять статистическую отчетность;

- предоставлять по запросам федерального органа исполнительной власти в области связи для реализации его полномочий информацию, в том числе о техническом состоянии, перспективах развития сетей связи и средств связи, об условиях оказания услуг связи и др.;

- прекратить оказание услуг по пропуску по своей сети трафика, содержащего осуществляемую с нарушением требований Закона о связи рассылку (пункт введен Законом об СМС-сообщениях);

- осуществлять условия для беспрепятственного доступа инвалидов к объектам связи, предназначенным для работы с пользователями услугами связи, в том числе к местам оказания услуг связи и местам их оплаты на объектах связи.

Заключение договора об оказании услуг подвижной радиотелефонной связи должно осуществляться полномочным лицом. Нарушение такого требования влечет наложение административного штрафа на граждан в размере от 2 тыс. до 5 тыс. руб.; на должностных лиц – от 10 тыс. до 50 тыс. руб.; на юридических лиц – от 100 тыс. до 200 тыс. руб. (ст. 13.29 КоАП РФ).

Помимо указанных административных наказаний следует учитывать, что рассылка СМС-сообщений без получения согласия на такое получение, включая всевозможную рекламу, акции и т. д., тоже ведет к негативным последствиям, например к возмещению отправителем морального вреда, который может заключаться в нравственных переживаниях в связи с утратой родственников, невозможностью продолжать активную общественную жизнь, потерей работы, раскрытием семейной, врачебной тайны, распространением не соответствующих действительности сведений, порочащих честь, достоинство или деловую репутацию гражданина, временным ограничением или лишением каких-либо прав, физической болью, связанной с причиненным увечьем, иным повреждением здоровья либо в связи с заболеванием, перенесенным в результате нравственных страданий и др.

Данный перечень исчерпывающим не является, причинение морального вреда в каждом конкретном случае устанавливается судом с учетом фактических обстоятельств дела.

Судебная коллегия полагает возможным согласиться с выводом суда о том, что получение СМС-сообщений рекламного содержания в отсутствие согласия на их получение может вызывать беспокойство, раздражение, приводить к формированию негативных ощущений и эмоций и дискомфортному состоянию в целом.

Статьей 14.3 КоАП РФ предусмотрена административная ответственность за нарушение рекламодателем, рекламопроизводителем или рекламораспространителем законодательства о рекламе. В соответствии с п. 1 ст. 3 Федерального закона «О рекламе» от 13.03.2006 № 38-ФЗ [2] – это информация, распространенная любым способом, в любой форме и с использованием любых средств, адресованная неопределенному кругу лиц и направленная на привлечение внимания к объекту рекламирования, формирование или поддержание интереса к нему и его продвижение на рынке. Пунктом 1 ст. 18 Закона о рекламе предусмотрено, что распространение рекламы по сетям электросвязи, в том числе посредством использования телефонной, факсимильной, подвижной радиотелефонной связи, допускается только при условии предварительного согласия абонента или адресата на получение рекламы. При этом реклама признается распространенной без предварительного согласия абонента или адресата, если рекламораспространитель не докажет, что такое согласие было получено. Рекламораспространитель обязан немедленно прекратить распространение рекламы в адрес лица, обратившегося к нему с таким требованием.

В силу ч. 7 ст. 38 Закона о рекламе ответственность за нарушение требований, установ-

ленных ст. 18 данного Закона, несет рекламораспространитель.

Поэтому следует учитывать, что рассылка любой рекламы, акций, предложений и т. д. без получения согласия на такую рассылку ведет к неблагоприятным последствиям. Поэтому лицу, распространяющему такую информацию, следует либо заручиться анкетой, в которой будет проставлено такое согласие абонента, либо получить согласие в электронной форме, либо посредством любой обратной связи, на основании которой возможно в будущем ссылаться на получение согласия получателя.

Выводы:

1. В условиях развития мобильного маркетинга СМС-рассылки являются перспективным каналом маркетинговой коммуникации и получают дальнейшее развитие.

2. Во избежание негативных последствий СМС-рассылки необходимо строго соблюдать требования законодательства РФ и регламентирующих документов.

Список литературы

1. О связи : федер. закон от 07.07.2003 № 126-ФЗ // Российская газета. – 2003. – № 135.
2. О рекламе : федер. закон от 13.03.2006 № 38-ФЗ // Российская газета. – 2006. – № 51.
3. О внесении изменений в Федеральный закон «О связи» : федер. закон от 21.07.2014 № 272-ФЗ // Российская газета. – 2014. – № 166.
4. Машинистов Р. Обзор рынка СМС-рассылок в России и перспективы его развития [Электронный ресурс]. – URL: <https://telekomza.ru/2014/02/17/obzor-rynka-sms-rassylki-v-rossii-i-perspektivy-ego-razvitiya/>.
5. Перспективы СМС-рассылки в условиях быстрого развития интернет-технологий [Электронный ресурс]. – URL: <https://instam.ru/materials/articles/perspektivy-sms-rassylki-v-usloviyah-bystrogo-razvitiya-internet-tehnologij/>.
6. Тенденции рынка СМС-рассылок в 2016 г. [Электронный ресурс]. – URL: <https://spark.ru/startup/targetsms/blog/20012/tendentsii-rynka-sms-rassilok-v-2016-godu..>

УДК 341

МЕЖДУНАРОДНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ И АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЕЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ

Игнатьева Ирина Валентиновна

кандидат экономических наук,
доцент кафедры государственно-правовых дисциплин
Восточно-Сибирского филиала ФГБОУ ВО
«Российский государственный университет правосудия»,
г. Иркутск
e-mail: irina.090@mail.ru

INTERNATIONAL SECURITY AND RELEVANT THE PROBLEMS OF ITS ENSURING

Irina Ignatieva

Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor of the Department of State and Legal Disciplines
The East Siberian Branch of the FSBEI HE «The Russian State University of Justice»,
Irkutsk

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается правовой аспект разрешения многогранных и всеобъемлющих современных проблем международной безопасности. Рассмотрены современные факторы в обеспечении национальной безопасности, дискуссия относительно соотношения военно-политических факторов, с одной стороны, и социально-экономических, экологических, информационно-технологических – с другой. Изучены институты, которые заняты обеспечением международной безопасности, определена роль международного права в решении поставленной проблемы.

ABSTRACT

This article examines the legal aspect of the multifaceted and comprehensive contemporary problems of international security. Considers the current factors in ensuring the national security, the debate regarding the relationship of military and political factors, on the one hand, and socio-economic, environmental, and information technology. The studied institutions who are engaged in international security, defines the role of international law in solving the problem.

Ключевые слова: международная безопасность; мировое сообщество; военная сила; невоенные угрозы безопасности; факторы международной безопасности; международное право; средства обеспечения международной безопасности; компоненты системы международной безопасности; источники права международной безопасности.

Keywords: international security; international community; military force; non-military threats to security; factors; international security; international law; international security; the components of the international security system; sources of law of international security.

Реальности современного мира свидетельствуют о том, что международная безопасность имеет многогранный и всеобъемлющий характер, безопасность одного государства связана с безопасностью мирового сообщества в целом.

Проблема безопасности – классическая в Вестфальской политической системе мира. Государство с момента своего возникновения заботилось о сохранении суверенитета, т. е. о своей национальной безопасности (англ.:

national security), понимаемой изначально, прежде всего, как недопущение внешней агрессии. В современных условиях это понятие включает и вопросы, связанные с опасностью внутренней дестабилизации. В связи с ростом взаимозависимости мира проблема получает дальнейшее развитие в рамках региональной безопасности (англ.: *regional security*) и международной безопасности (англ.: *international security*). Все три термина характеризуют государственные и

межгосударственные отношения. Они чаще используются в реалистической и неореалистической концепциях.

При этом исходной точкой служило положение, согласно которому необходимая для реализации национальных интересов и влияния на международную ситуацию мощь государства определялась, прежде всего, на основе его военной силы, или, по аналогии с компьютерной терминологией, на базе «основной мощи» (англ.: *hardpower*), а не на основе культуры, силе авторитета на мировой арене и другом своего рода «программном обеспечении» (англ.: *softpower*). В результате проблема военной силы была центральной в международных отношениях и в практическом, и в исследовательском плане.

Ситуация изменилась в конце XX столетия. Одними из первых, кто обратил внимание на невоенные угрозы безопасности, были специалисты в области экономики и финансов, а также окружающей среды. Первые заговорили об экономической составляющей безопасности, вторые – о том, что нарушение экологического равновесия загрязнением представляет огромную угрозу человечеству как на национальном, так и глобальном уровне.

Другим фактором, повлиявшим на переосмысление проблем безопасности, стала революция в области новых технологий. Это привело к пониманию, что недостаточно строить концепции безопасности, основываясь на том, что угроза может исходить только от другого государства или их группы. В конце XX столетия многие исследователи, в том числе придерживающиеся реалистических взглядов, для которых характерен акцент на военных аспектах и межгосударственном взаимодействии, стали говорить о возрастании таких факторов в обеспечении национальной безопасности, как образование, развитие новейших технологий, рост экономической мощи, борьба с распространением наркотиков, СПИДа и т. п.

В настоящее время продолжают дискуссии относительно соотношения военно-политических факторов, с одной стороны, и социально-экономических, экологических, информационно-технологических – с другой. Сторонники «широкого» подхода к проблемам безопасности указывают на усиливающуюся роль экономических и других факторов. Их противники возражают: в этом случае пробле-

ма безопасности «размывается» множеством существующих в международных отношениях и мировой политике других аспектов [2].

Еще один важный в теоретическом плане вопрос – соотношение проблем региональной, международной и глобальной безопасности. Последний термин порой используется для того, чтобы подчеркнуть, что проблема безопасности имеет не только внутри- и межгосударственное измерение. Здесь тоже нет однозначного решения. Как отмечает российский исследователь Т. В. Юрьева, «представления о путях согласования национальных интересов государств – суть концепций региональной, международной, глобальной безопасности, хотя только согласованием национальных интересов государств эти проблемы не исчерпываются. Совпадение национальных интересов группы государств порождает разного рода региональные и международные союзы, руководствующиеся опять-таки определенными представлениями (концепциями) о путях согласования и отстаивания своих групповых интересов как в отношениях между собой, так и в отношениях с третьими странами» [3]. В связи с этим вопросы международной и региональной безопасности, очевидно, тесно связаны с проблемами международных организаций. В современных условиях среди институтов, которые заняты обеспечением международной безопасности, следует, прежде всего, упомянуть ООН. Значительную роль в вопросах безопасности играют и региональные структуры, особенно в Европе, где они имеют достаточно четкое оформление. Это в первую очередь ОБСЕ, НАТО. Основные проблемы, которые в настоящее время интенсивно обсуждаются, – реформирование ООН, с тем, чтобы сделать ее деятельность в области сохранения и поддержания мира более эффективной, а также место и роль НАТО в европейских структурах обеспечения безопасности. С учетом того факта, что эта организация была образована в годы холодной войны с определенными целями и задачами.

Роль международного права в создании системы международной безопасности сводится к решению следующих задач:

а) обеспечение функционирования того механизма обеспечения мира, который уже есть у мирового сообщества, и укрепление существующего международного правопорядка;

б) создание новых международно-правовых норм, отвечающих современным реалиям обеспечения безопасности.

Выполнение этих задач связано как с процессом правоприменения, так и нормотворчества. В условиях международной безопасности каждое государство имеет наилучшие условия для проведения политики, направленной на повышение материального уровня жизни людей, свободного развития личности, обеспечения в полном объеме прав и свобод человека и гражданина.

Право международной безопасности понимают в широком и узком смысле слова. Право международной безопасности в широком смысле – это совокупность общепризнанных и специальных принципов и норм, направленных на поддержание мира и международной безопасности, пресечение актов агрессии, обеспечение политической, экономической и социальной стабильности в мире. Право международной безопасности в узком смысле – это совокупность общепризнанных и специальных принципов и норм, направленных на обеспечение военно-политической безопасности государств, предотвращение возникновения войны и пресечения актов агрессии.

Право международной безопасности – отрасль международного права, представляющая собой систему принципов и норм, регулирующих военно-политические отношения государств в целях обеспечения мира и международной безопасности. Нормы данной отрасли направлены на обеспечение как международной, так и национальной безопасности.

Основу права международной безопасности составляют общепризнанные принципы современного международного права, в том числе:

- неприменение силы или угрозы силой;
- территориальная целостность государств;
- нерушимость государственных границ;
- невмешательство во внутренние дела государств;
- мирное разрешение споров, сотрудничество между государствами.

Помимо общепризнанных принципов международного права право международной безопасности имеет и свои, отраслевые, принципы. Специалисты в области международного права к отраслевым принципам права международной безопасности относят следующие.

Принцип неделимости международной безопасности означает, что в XXI в. мир, как никогда ранее, неделим. Государства нашей планеты тесно взаимосвязаны. Жизнь показывает, что любой кризис в одной части земного шара, будь то природные катаклизмы, вооруженные конфликты или акты международного терроризма, сразу же негативно сказывается в других его частях. Государства ставят перед собой задачу совершенствования универсальной системы международной безопасности, основы которой заложены положениями Устава Организации Объединенных Наций [1].

Принцип ненападения других государств предполагает проведение такой внешней политики государством, которая в максимальной степени учитывает безопасность не только своего государства, но и всего мирового сообщества. Безусловно, обеспечение национальной безопасности государства – один из приоритетов деятельности его высших органов, ибо речь идет о безопасности общества, обеспечении и защите прав человека и гражданина. В то же время каждое государство при выработке и осуществлении своей внешней политики, осуществлении военно-политических и военно-технических связей с другими государствами должно максимально учитывать все аспекты обеспечения безопасности как своих союзников, так и международного сообщества в целом.

В праве международной безопасности длительное время обосновывался принцип равной и одинаковой безопасности, который по своей сути развивает и конкретизирует предыдущий принцип – ненападения других государств. Имеется в виду, что государство должно обеспечивать свою безопасность, соизмеряя ее с возможностями обеспечения безопасности других государств. Речь идет о паритете безопасности.

Основополагающими принципами международной безопасности являются: принцип равной безопасности и принцип ненападения других государств.

Международно-правовое обеспечение мира и безопасности представляет собой совокупность урегулированных международно-правовых мер, направленных на решение актуальных проблем обеспечения международной безопасности, таких как мирное разрешение международных споров, создание систем коллективной безопасности, предотвращение

возникновения войны, пресечение актов агрессии, а также сокращение вооруженных сил и вооружений, сужение материальной базы и пространственной сферы ведения войны, укрепление мер доверия и установление эффективного международного контроля за деятельностью государств в военной области.

Главная цель международной безопасности сформулирована в Уставе ООН – «поддерживать мир и международную безопасность» путем «принятия эффективных коллективных мер для предотвращения и устранения угрозы миру и подавления актов агрессии или других нарушений мира» [1].

Система международной безопасности состоит из целого рода компонентов, обеспечивающих безопасное и стабильное развитие международных отношений. Она предусматривает:

1. Коллективные меры, предполагающие широкое международное сотрудничество.
2. Превентивную дипломатию, задача которой состоит в предотвращении возникающих угроз миру и мирном урегулировании международных споров.

Международное право располагает набором средств обеспечения международной безопасности:

- а) коллективная безопасность (универсальная и региональная);
- б) мирные средства разрешения споров;
- в) меры по ослаблению международной напряженности, прекращению гонок вооружений и разоружению;
- г) меры по пресечению актов агрессии, нарушения мира и угрозы мира;
- д) неприсоединение и нейтралитет;
- е) меры по укреплению доверия между государствами и др.

Среди названных средств обеспечения международной безопасности особое место отводится созданию системы коллективной безопасности – совместным мероприятиям государств всего мира или определенного географического района, предпринимаемым для предотвращения и устранения угрозы миру, подавления актов агрессии. Система коллективной безопасности имеет два основных признака в качестве общей характеристики.

Первый признак – принятие государствами – участниками системы, по крайней мере, трех обязательств, обращенных как бы «внутрь» системы:

- не прибегать в своих взаимоотношениях к силе;
- разрешать все споры мирным путем;
- активно сотрудничать в целях устранения любой опасности миру, оздоровления международной обстановки.

Второй признак – наличие организационного единства государств – участников системы. Это или организация, выступающая в качестве «классической» формы коллективной безопасности (например, ООН), или иное выражение единства: учреждение консультативных или координационных органов (например, Движение неприсоединения).

Гуманитарная интервенция – применение военной силы против иностранного государства или каких-либо сил на его территории для предотвращения гуманитарной катастрофы или геноцида местного населения.

Под понятие гуманитарной интервенции не попадают следующие действия:

- миротворческие операции, проводимые ООН с согласия государства, на территории которого они предпринимаются;
- акции с использованием вооруженной силы по просьбе законного правительства (включая акции, предусмотренные соглашениями). Однако существуют ситуации, при которых нелегко установить, что является законным правительством или действительным согласием.
- военные операции, предпринимаемые государством с целью спасения своих граждан за рубежом от неминуемой угрозы их жизни или здоровью;
- акции принудительного характера, не включающие использование вооруженной силы.

В международном праве различают два вида системы коллективной безопасности:

- 1) *Универсальная*. Глобальной организацией коллективной безопасности является ООН. Она преследует ряд целей, но главная состоит в поддержании международного мира и безопасности, принятии для этого эффективных коллективных мер (ст. 1 Устава ООН) [1].

Система коллективных мероприятий, предусмотренная Уставом ООН [1], охватывает:

- меры по запрещению угрозы силой или ее применение в отношениях между государствами (п. 4 ст. 2);
- меры мирного разрешения международных споров (гл. VI);
- меры разоружения (ст. 11, 26, 47);

- меры обеспечения безопасности в переходный период (гл. XVII);

- меры по использованию региональных организаций безопасности (гл. VIII);

- временные меры по пресечению нарушений мира (ст. 40);

- принудительные меры безопасности без использования вооруженных сил (ст. 41);

- принудительные меры с использованием вооруженных сил (ст. 42);

2) *Коллективная безопасность на региональной основе.* Устав ООН допускает существование региональных соглашений и органов безопасности (гл. VIII) и предъявляет к ним определенные требования:

- участие только государств одного политико-географического района;

- действие соглашений не должно выходить за пределы данного района;

- акции, предпринимаемые в рамках региональной системы безопасности, не могут противоречить действиям ООН и должны быть совместимы с целями и принципами Устава ООН;

- СБ ООН должен быть информирован о предпринимаемых или намечаемых действиях по поддержанию международного мира и безопасности. Главным в системе коллективных мероприятий региональных организаций безопасности (по смыслу ст. 52 Устава ООН) [1] являются:

- а) мирные средства предотвращения войны;

- б) принудительные меры с применением вооруженной силы могут предприниматься только для отражения уже совершенного нападения на одного из участников системы коллективной безопасности (т. е. на основе ст. 51 Устава ООН – коллективная самооборона);

- в) принудительные меры в рамках региональной организации безопасности могут применяться под руководством СБ ООН.

В настоящее время региональными системами коллективной безопасности являются: Организация американских государств (ОАГ), Организация африканского единства (ОАЕ), Лига арабских государств (ЛАГ), Организация Североатлантического договора (НАТО), Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), Система коллективной безопасности в рамках СНГ.

Систему международной безопасности призваны поддерживать региональные между-

народные организации в системе коллективной безопасности.

Мирное разрешение международных споров является одним из основных принципов международного права, который нашел свое закрепление в Уставе ООН (ст. 1), Декларации о принципах международного права 1970 г., Декларации принципов ЗА СБСЕ 1975 г. и др. Средствами мирного разрешения международных споров определены в ст. 33 Устава ООН [1]:

- непосредственные переговоры;

- добрые услуги и посредничество;

- смешанные комиссии – следственные и согласительные;

- международная арбитражная и судебная процедура;

- разрешение споров в международных организациях.

Первые три средства предполагают определенное участие спорящих сторон в процедуре урегулирования их разногласий. Международная арбитражная и судебная процедура исключает заинтересованные стороны из процесса урегулирования спора и требует обязательного выполнения решения, принятого международным судом или арбитражем.

Разрешение спора в международных организациях предусматривает политическое урегулирование спора.

Разоружение – это комплекс мер, направленных на прекращение наращивания материальных средств ведения войны, их ограничение, сокращение и ликвидацию. Общая международно-правовая основа разоружения заложена в Уставе ООН [1].

Основными источниками норм в области права международной безопасности являются международные договоры:

- 1) универсальные (Договор о нераспространении ядерного оружия 1968 г.);

- 2) региональные (Договор о запрещении ядерного оружия в Латинской Америке 1967 г.);

- 3) двусторонние (Договор между СССР и США об ограничении систем противоракетной обороны 1972 г.).

Международное право прямо не обязывает государства разоружаться, но по духу и букве основных международно-правовых актов они должны стремиться к перспективе всеобщего и полного разоружения под международным контролем. В международных отношениях активно используются частичные меры по разоружению:

- запрещение и ликвидация отдельных видов оружия, их производства, накопления, развертывания и применения;
- ограничение некоторых видов вооружений в количественном и качественном отношении;
- сужение возможности качественного совершенствования оружия;
- сокращение сферы или районов размещения различных видов вооружений.

Разоружение предусматривает существование института международного контроля, который наблюдает за выполнением государствами договорных обязательств в области разоружения, анализирует полученные данные и доводит их до соответствующих международных органов. Он осуществляется на различных уровнях: национальном (спутники, сейсмические станции и др. технические средства) и международном (наблюдатели, инспекции и т. п.). В настоящее время достаточно остро стоит проблема ограничения ядерного оружия. Оно относится к оружию массового уничтожения и находится под особым вниманием международного права. Хотя прямого запрета в отношении ядерного оружия еще не существует, приняты международно-правовые акты, вводящие ограничения в ядерную проблематику.

Существующие нормы направлены на то, чтобы предотвратить распространение ядерного оружия и не допустить приобретения его какими-либо государствами, кроме тех, которые официально признаны обладающими ядерным оружием (РФ, США, КНР, Великобритания, Франция). Но здесь есть проблемы. Актуальным является вопрос регулирования ядерных стратегических вооружений. К ним относятся межконтинентальные баллистические ракеты, тяжелые бомбардировщики и атомный подводный флот.

Регулированием ядерных стратегических вооружений в основном занимаются РФ и США. Ими подписан ряд соглашений: Временное соглашение о некоторых мерах в области ограничения наступательных стратегических вооружений 1972 г.; Договор об ограничении наступательных стратегических вооружений 1979 г., не вступивший в силу; Договор о сокращении и ограничении наступательных стратегических вооружений 1991 г. и Договор о дальнейшем сокращении и ограничении наступательных стратегических вооружений

1993 г., который воспринимается весьма неоднозначно.

К оружию массового уничтожения относятся также химическое и бактериологическое оружие. Бактериологическое оружие находится под всеобъемлющим запретом: запрещено не только его применение в военных целях, но и разработка, производство и накопление; запасы бактериологического оружия подлежат уничтожению или переработке в мирных целях (Конвенция о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсичного оружия и об их уничтожении 1972 г.).

Конвенция 1972 г. обязала каждого участника не разрабатывать, не производить, не накапливать:

- микробиологические и другие биологические агенты или токсины, независимо от их происхождения и производства, таких видов и в таких количествах, которые не предназначены для профилактических, защитных и других мирных целей;
- оружие, оборудование или средства доставки, предназначенные для использования таких агентов или токсинов во враждебных целях или в вооруженных конфликтах.

Государства обязались уничтожить или переключить на мирные цели не позднее 9 месяцев после вступления Конвенции в силу все агенты, токсины, оружие, оборудование и средства доставки, которыми оно обладает или которое находится под его юрисдикцией или контролем. Конвенция вступила в силу в марте 1975 г., официально считается, что с начала 1976 г. все бактериологическое оружие и средства его доставки уничтожены или переключены на мирные цели.

Химическое оружие как средство ведения войны является противозаконным на основании Протокола о запрещении применения на войне удушливых, ядовитых или иных подобных газов и бактериологических средств 1925 г. После вступления в силу подписанной в 1993 г. Конвенции о запрещении разработок производства, накопления и применения химического оружия и о его уничтожении этот вид оружия массового уничтожения также оказался под полным запретом.

Для содействия скорейшему введению такого запрета РФ и США приняли решение о прекращении производства химического оружия, сокращении имеющихся у них его запаса-

сов и принятии других мер, способствующих переходу к многостороннему сотрудничеству в этой области. Конвенция о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и о его уничтожении 1993 г. обязала каждого участника:

- не разрабатывать, не производить и не накапливать химического оружия;
- не позднее 2 лет после вступления Конвенции в силу (1997 г.) начать работу по уничтожению этого оружия и завершить не позднее 10 лет после вступления Конвенции в силу;
- процесс уничтожения химического оружия должен отвечать самым последним достижениям науки и производиться на специально оборудованных объектах.

К источникам права международной безопасности относятся универсальные договоры (Устав ООН, соглашения в области разоружения), региональные договоры (уставы региональных организаций безопасности, соглашения в области разоружения, установления мер доверия и создания безъядерных зон) и двусторонние соглашения (о мире и дружбе, о разоружении и др.). Основным источником, регламентирующим международно-правовые способы и средства обеспечения мира, является Устав ООН (гл. I, VI, VII). Поддержание международного мира и безопасности и принятие для этого эффективных коллективных мер – главные из целей ООН (ст. 1).

Составными частями права международной безопасности являются всеобщая безопасность, региональная безопасность, разоружение и меры доверия.

Принятые в рамках ООН резолюции Генеральной Ассамблеи, содержащие принципиально новые нормативные положения и ориентированные на конкретизацию предписаний Устава, также могут быть отнесены к ка-

тегории источников права международной безопасности, например «О неприменении силы в международных отношениях и запрещении навечно применения ядерного оружия» (1972 г.) или «Определение агрессии» (1974 г.). Важное место в комплексе источников права Международной безопасности занимают взаимосвязанные многосторонние и двусторонние договоры, регламентирующие правовые аспекты обеспечения мира. Эти договоры условно можно разделить на 4 группы:

1. Договоры, сдерживающие гонку ядерных вооружений в пространственном отношении.
2. Договоры, ограничивающие наращивание вооружений в количественном и качественном отношении.
3. Договоры, запрещающие производство определенных видов оружия и предписывающие их уничтожение.
4. Договоры, рассчитанные на предотвращение случайного (несанкционированного) возникновения войны.

Важное место среди источников права международной безопасности занимают документы СБСЕ – ОБСЕ и НАТО. Хотя по своей сути они являются политико-правовыми, тем не менее обеспечивают международную безопасность.

Список литературы

1. Устав ООН [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.un.org/ru/charter-united-nations/index.html>.
2. Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций [Электронный ресурс]. – URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles.shtml.
3. Юрьева Т. В. Социальная экономика : учебник / Т. В. Юрьева. – М. : Дрофа, 2001. – 352 с.

УДК 342.95

**О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ПРИМЕНЕНИЯ ч. 3 и 3.1. ст. 14.13
КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ**

Старков Кирилл Николаевич

*помощник заместителя председателя Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа,
преподаватель кафедры гражданского, административного
судопроизводства и организации судебной деятельности Восточно-Сибирского филиала ФГБОУ ВО
«Российский государственный университет правосудия», г. Иркутск
e-mail: kirillstarkov1993@mail.ru*

**ON SOME ISSUES APPLICATION OF P. 3 AND 3.1. ART. 14.13
OF THE RUSSIAN FEDERATION CODE OF ADMINISTRATIVE OFFENCES**

Kirill Starkov

*assistant deputy chairman of the Arbitration Court of the East-Siberian district,
lecturer of Department of civil, administrative legal proceedings and organization of judicial activity
of the East-Siberian branch of the FSBEIHE «The Russian State University of Justice», Irkutsk*

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена анализу проблем привлечения арбитражного управляющего к административной ответственности с учетом изменений Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях.

ABSTRACT

The article considers a problem analysis of bringing the court-appointed receiver to administrative responsibility with considering of changes in the Russian Federation Administrative Offense Code.

Ключевые слова: административное судопроизводство; административное правонарушение; арбитражный управляющий; дисквалификация.

Keywords: administrative proceedings; administrative offence; receiver; disqualification.

Федеральным законом от 29.12.2015 № 391-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» внесены изменения в ст. 14.13 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, а именно:

1) абзац второй части 3: после слова «влетит» дополнен словами «предупреждение или»; слова «или дисквалификацию на срок от шести месяцев до трех лет» исключены;

2) статья дополнена ч. 3.1 следующего содержания: «3.1. Повторное совершение административного правонарушения, предусмотренного ч. 3 настоящей статьи, если такое действие не содержит уголовно наказуемого деяния, — влечет дисквалификацию должностных лиц на срок от шести месяцев до трех лет; наложение административного штрафа на юридических лиц в размере от трехсот пятидесяти тысяч до одного миллиона рублей» [2; 5].

Указанный Федеральный закон вступил в силу 31.12.2015.

Таким образом, ч. 3 ст. 14.13 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ) была дополнена возможностью назначения административного наказания в виде предупреждения, и появилась ч. 3.1, предусматривающая дисквалификацию для арбитражных управляющих за повторное совершение правонарушения, предусмотренного ч. 3 ст. 14.13 КоАП РФ.

При применении на практике новой редакции указанной нормы возник ряд вопросов, имеющих спорный характер.

Одним из них является вопрос о том, какие требования предъявляются к первому правонарушению, которое в последствии стало основанием для признания наличия повторности и применения в дальнейшем ч. 3.1 ст. 14.13 КоАП РФ.

Стоит отметить, что в отношении повторного правонарушения (ч. 3.1) указанные сложности отсутствуют, так как согласно одному из фундаментальных положений КоАП РФ нормы, ухудшающие положение лица, не имеют обратной силы. Следовательно, в соответствии с ч. 3.1 ст. 14.13 КоАП РФ, не подлежат привлечению к административной ответственности лица, совершившие повторное правонарушение до вступления в силу названной нормы Кодекса.

Данный вывод нашел отражение в судебной практике (постановление Пятого Арбитражного апелляционного суда от 03.08.2016 № А24-1750/2016, постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 26.05.2016 № 11АП-4148/2016, от 17.08.2016 № 11АП-9890/2016, постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 11.08.2016 № 18АП-8905/2016).

Относительно же первого правонарушения имеются различные подходы.

Так, в практике есть подход, согласно которому и первое правонарушение (т. е. привлечение по ч. 3 ст. 14.13 КоАП РФ) должно быть совершено в период действия ст. 14.13 КоАП РФ в новой редакции, т. е. эпизоды вменяемого правонарушения должны быть совершены после 31 декабря 2015 г.

Указанная позиция имеет широкое распространение среди привлеченных к ответственности арбитражных управляющих, так как ее применение очевидно улучшает их положение. Среди доводов в подтверждение данной позиции указывается, что, совершая первое правонарушение до 31 декабря 2015 г., лицо не знало и не могло знать о том, что в дальнейшем в связи с изменением законодательства эти действия послужат основанием для признания наличия повторности и дальнейшей дисквалификации.

Также отмечается, что первое правонарушение является неразрывным элементом повторного правонарушения: поскольку в ч. 3.1 ст. 14.13 КоАП РФ повторность совершения правонарушения выступает не в качествеотячающего вину обстоятельства (п. 2 ч. 1 ст. 4.3 КоАП РФ), а в качестве квалифицирующего признака, то и в объективную сторону правонарушения входит как первоначальное нару-

шение требований Федерального закона о банкротстве, так и повторное (решение Арбитражного суда Республики Башкортостан от 24.06.2016 по делу № А07-10001/2016).

Вместе с тем в судебной практике имеется и второй подход, согласно которому первое правонарушение, на основе которого в дальнейшем были сделаны выводы о наличии повторности, может быть совершено и до 31 декабря 2015 г., т. е. в период действия еще старой редакции КоАП РФ, в которой ч. 3.1 ст. 14.13 отсутствовала.

Стоит отметить, что для рассмотрения вопроса о наличии или отсутствии квалифицирующего признака необходимо установление факта совершения привлекаемым к административной ответственности лицом повторно однородного административного правонарушения (п. 2 ч. 1 ст. 4.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях) [1].

При этом Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях, определяя критерии повторности, устанавливает лишь такие требования, как однородность правонарушений и факт его совершения в течение срока для привлечения к ответственности. Повторность в данном случае выступает квалифицирующим признаком правонарушения. Данный признак имеет отношение только к вновь совершенному (т. е. после изменений законодательства) правонарушению.

Ранее совершенное правонарушение не является элементом (частью) вновь совершенного деяния. Для привлечения за вновь совершенное правонарушение к ответственности по ч. 3.1 ст. 14.13 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях имеет значение только факт того, что более ранние действия правонарушителя уже получили юридическую оценку со стороны государства.

Указанный подход был отражен, в частности, в постановлении Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 14.06.2017 по делу № А33-25084/2016.

Полагаем, что именно второй подход является соответствующим действующему правовому регулированию.

Важно отметить значимость решения данного вопроса на практике. Так, Управление

Росреестра должно в протоколе верно квалифицировать совершенное деяние, в последующем обратившись в арбитражный суд с заявлением о привлечении к административной ответственности.

Ведь в случае, если Управление Росреестра ошибочно квалифицирует совершенное правонарушение по ч. 3, при наличии признаков ч. 3.1, то арбитражный суд откажет в привлечении к административной ответственности даже при наличии формально установленной объективной стороны правонарушения, так как, обнаружив неверную квалификацию совершенного деяния административным органом, суд не сможет самостоятельно переqualифицировать на верный состав, если это ухудшит положение привлекаемого к ответственности лица, а размеры и виды наказаний в ч. 3 и 3.1 указывают, что переqualификация на ч. 3.1, несомненно, является ухудшением положения (п. 20 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2005 № 5 (ред. от 19.12.2013) «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях»). Данный вывод подтверждается судебной практикой, в частности постановлением Четвертого арбитражного апелляционного суда от 13.03.2017 по делу № А10-5017/2016, решением Арбитражного суда Красноярского края от 16.11.2016 по делу № А33-19043/2016.

Следующей будет рассмотрена проблема, прямо не связанная с изменением действующего правового регулирования; но тем не менее именно из-за того, что за повторное правонарушение с 31 декабря 2015 г. к арбитражным управляющим применяется безальтернативная санкция в виде дисквалификации (и, как следствие, рост числа дисквалифицированных арбитражных управляющих), повысилась активность саморегулируемых организаций арбитражных управляющих (далее – СРО), которые ранее не были заинтересованы в активном участии в административном судопроизводстве.

Заинтересованные в том, чтобы арбитражные управляющие, члены соответствующих СРО, не подвергались административному наказанию в виде дисквалификации, СРО начали пытаться активно участвовать в судеб-

ных процессах (в частности дело № А33-25084/2016) в качестве третьих лиц, заявляя о своей заинтересованности в исходе дела, однако в большинстве случаев суды отказываются признавать СРО участниками процесса по данным делам.

В качестве доводов, обосновывающих их право на участие в процессе, СРО отмечают, что дисквалификация арбитражного управляющего наносит репутационный вред СРО; СРО представляет законные интересы арбитражных управляющих; количество арбитражных управляющих, состоящих в СРО, напрямую влияет на деловые отношения СРО и банковских, страховых организаций и т. д.

Вместе с тем полагаем, что в подавляющем большинстве случаев участие СРО в судебном процессе по данным делам не является обязательным [4].

Так, привлечение к публично-правовой ответственности (как уголовной, так и административной) строится вокруг лица, привлекаемого к ответственности, и государственного органа, уполномоченного на такое привлечение. Административная ответственность представляет собой негативную, публично-правовую оценку деяния со стороны государства и применение соответствующих мер правового реагирования в целях общей и частной превенции [3].

Таким образом, субъектный состав данных общественных отношений включает в себя, по сути, только две стороны. Участие иных лиц, даже имеющих определенный правовой интерес в исходе дела об административном правонарушении, является излишним.

Как уже было сказано, административная ответственность – это публичная оценка совершенного деяния. Лица, не имеющие отношения к вменяемым деяниям, не участвуют в данных процессах.

Как следует из общепризнанного строения административного (и уголовного, и любого иного) правонарушения, в его составе выделяются такие элементы, как объект и объективная сторона, субъект и субъективная сторона.

Лицом, участвующим в деле об административном правонарушении, в большинстве случаев является лицо, в отношении которого ведется данное дело (субъект), и уполномочен-

ный орган государственной власти. В некоторых случаях потерпевший (что достаточно редко для административной ответственности).

Здесь следует сделать оговорку, что в случае допуска СРО в качестве защитника все вышеназванное на подобное дело не распространяется, ввиду наличия существенных различий в статусе защитника по делу и третьего лица (даже если это идентичные органы – СРО).

Таким образом, на основании всего вышеизложенного, полагаем излишней и недостаточно обоснованной идею о возможности участия по делам о привлечении арбитражных управляющих по ч. 3 или 3.1 ст. 14.13 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях.

Список литературы

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 дек. 2001 г. № 195-ФЗ(ред. от 07.06.2017) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 1 (ч. 1). – Ст. 1.
2. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 29 дек. 2015 г. № 391-ФЗ (ред. от 28.12.2016) // Собрание законодательства РФ. – 2016. – № 1 (ч. 1). – Ст. 11.
3. Батычко В. Т. Административное право : конспект лекций / В. Т. Батычко. – Таганрог : ИТА ЮФУ, 2016. – 140 с.
4. Организация судебной деятельности : учебник / под ред. В. В. Ершова. – М. : РГУП, 2016. – 390 с.
5. Правоохранительные и судебные органы России : учебник / под ред. Н. А. Петухова, А. С. Мамыкина. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : РГУП, 2015. – 434 с.

УДК 342.7

ПРОБЛЕМЫ УЧАСТИЯ ИНСТИТУТОВ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В РЕАЛИЗАЦИИ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ

Барашева Елена Викторовна

кандидат экономических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин
Восточно-Сибирского филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия», г. Иркутск
e-mail: barashevaev@mail.ru

Гундаров Илья Сергеевич

студент 3-го курса очной формы обучения факультета непрерывного образования
Восточно-Сибирского филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия», г. Иркутск
e-mail: ilia.gundarov@mail.ru

PROBLEMS OF PARTICIPATION OF INSTITUTIONS OF CIVIL SOCIETY IN ANTI-CORRUPTION POLICY REALIZATION

Elena Barasheva

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of State and Legal Disciplines
of the East Siberian Branch of the FSBEI HE «The Russian State University of Justice», Irkutsk

Ilya Gundarov

student of the 3-year full-time form of study at the Faculty of Continuing Education
of the East Siberian Branch of the FSBEI HE
«The Russian State University of Justice», Irkutsk

АННОТАЦИЯ

Целью настоящего исследования является изучение проблем и перспектив участия институтов гражданского общества в реализации антикоррупционной политики. Используются формально-юридический метод и метод толкования права. Делаются выводы о недостаточной степени вовлеченности представителей гражданского общества в противодействие коррупции, предлагаются меры по практическому улучшению ситуации.

ABSTRACT

The purpose of this study is to study the problems and prospects for the involvement of civil society institutions in implementing anti-corruption policies. The formal legal method and method of interpretation of law are used. Conclusions are drawn about the insufficient involvement of representatives of civil society in counteracting corruption, and measures are proposed for practical improvement of the situation.

Ключевые слова: гражданское общество; коррупция; антикоррупционная политика; некоммерческие организации; публичные слушания.

Keywords: civil society; corruption; anti-corruption policy; non-profit organizations; public hearings.

Федеральный закон «О противодействии коррупции» [1] в п. 2 ст. 1 относит институты гражданского общества к субъектам противодействия коррупции. Сотрудничество государства с институтами гражданского общества определяется статьей 3 как один из основных принципов противодействия коррупции. Среди основных направлений деятельности госу-

дарственных органов по повышению эффективности противодействия коррупции ст. 7 Федерального закона «О противодействии коррупции» выделяет и создание механизма взаимодействия правоохранительных и иных государственных органов с институтами гражданского общества.

Стоит отметить, что в России не существует легального определения гражданского общества, да оно и не нужно. Интуитивно понятно, что гражданское общество – это сильное, хорошо организованное, мобильное общество, представители которого активно участвуют в процессе взаимодействия с государством по важнейшим общественно-политическим вопросам. Такое общество может при необходимости противостоять государству, если оно отходит от исполнения своих обязательств перед гражданами. Гражданское общество по своей сущности является тесно связанным с государством (политические партии, например, функционируют непосредственно в плоскости государственных органов, центральных и местных). К институтам гражданского общества, на наш взгляд, можно отнести политические партии и общественные движения, профессиональные ассоциации и союзы, негосударственные средства массовой информации, различных Уполномоченных по правам человека/детей/предпринимателей, иные организации и объединения.

Сегодня принято большое число актов, в которых гражданское общество фигурирует в качестве субъекта антикоррупционной политики. Соответствующая идея содержится в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, которая признает коррупцию одной из основных угроз государственной и общественной безопасности [6].

В 2013 г. была принята Концепция общественной безопасности в Российской Федерации, определяющая противодействие коррупции как задачу обеспечения общественной безопасности [7]. Среди основных направлений деятельности по обеспечению общественной безопасности Концепция называет выявление и последующее устранение причин коррупции и условий ее возникновения, разработку и осуществление профилактических мер, направленных на снижение уровня коррумпированности общественных отношений, обеспечение участия институтов гражданского общества в профилактике коррупции.

Составной частью российского антикоррупционного законодательства является также Федеральный закон «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» [2],

определяющий в числе основных принципов организации антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов (проектов нормативных правовых актов) сотрудничество федеральных органов исполнительной власти, иных государственных органов и организаций, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, а также их должностных лиц с институтами гражданского общества при проведении антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов (проектов нормативных правовых актов).

В некотором виде положения об институтах гражданского общества как о субъектах реализации антикоррупционной политики содержатся в Федеральном законе «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» [3]. Кроме того, в ныне действующем (и уже третьем по счету) Национальном плане противодействия коррупции содержится положение о необходимости Правительству Российской Федерации продолжить работу по подготовке, с участием экспертного, научного сообщества и институтов гражданского общества, предложений о совершенствовании этических основ государственной и муниципальной службы в части, касающейся соблюдения государственными и муниципальными служащими запретов, ограничений и требований, установленных в целях противодействия коррупции [5].

Необходимо упомянуть и сравнительно недавно появившийся (в 2015 г.) указ Президента РФ «О мерах по совершенствованию организации деятельности в области противодействия коррупции» [4], который утвердил «Типовое положение о комиссии по координации работы по противодействию коррупции в субъекте Российской Федерации». Среди основных задач таких комиссий указ определяет обеспечение взаимодействия органов исполнительной власти субъекта Российской Федерации и органов местного самоуправления с гражданами, институтами гражданского общества, средствами массовой информации, научными организациями по вопросам противодействия коррупции в субъекте Российской Федерации.

Также указом утверждено «Типовое положение о подразделении федерального государственного органа по профилактике кор-

рупционных и иных правонарушений». Такое подразделение осуществляет в пределах своей компетенции взаимодействие с правоохранительными органами, а также (по поручению руководителя федерального государственного органа) с территориальными органами федерального государственного органа и с подведомственными ему федеральными службами и федеральными агентствами, с организациями, созданными для выполнения задач, поставленных перед федеральным государственным органом, с гражданами, институтами гражданского общества, средствами массовой информации, научными и другими организациями.

Указом было утверждено и «Типовое положение об органе субъекта Российской Федерации по профилактике коррупционных и иных правонарушений». Эти органы осуществляют в пределах своей компетенции взаимодействие с правоохранительными органами, иными федеральными государственными органами, с государственными органами субъекта Российской Федерации, органами местного самоуправления, государственными и муниципальными организациями, с гражданами, институтами гражданского общества, средствами массовой информации, научными и другими организациями.

Выше мы дали достаточное описание положений федерального законодательства, регулирующих участие институтов гражданского общества в реализации антикоррупционной политики. Аналогичное законодательство принято во всех без исключения субъектах Российской Федерации.

Изучив российское антикоррупционное законодательство, можно сделать вывод, что механизм взаимодействия органов государственной власти всех уровней и гражданского общества в области борьбы с коррупцией, по большому счету, пока только формируется. Так, в частности, в состав комиссий по соблюдению требований к служебному (должностному) поведению государственных гражданских служащих и урегулированию конфликта интересов включаются независимые эксперты; на государственном уровне был создан проект «Открытое правительство», который способствует повышению информационной открытости органов государственной власти. Еще одним средством снижения коррупционной

составляющей является предоставление государственных услуг с помощью интернета.

Однако на сегодняшний день абсолютно очевидна необходимость более детальной регламентации механизма взаимодействия гражданского общества и органов государственной власти, поскольку нормативные правовые акты часто только законодательно закрепляют задачи, которые предполагают взаимодействие органов государственной власти с гражданским обществом либо провозглашают соответствующий принцип регулирования тех или иных общественных отношений [8, с. 6].

Таким образом, объединения усилий институтов гражданского общества и государства в сфере противодействия коррупции не происходит в достаточной мере ввиду того, что механизмы участия институтов гражданского общества в реализации антикоррупционной политики не всегда определены законодательно до степени ясности, общепонятности.

Также часто отмечается, что российские НКО (некоммерческие организации) находятся в весьма неопределенном положении: с одной стороны, противодействие коррупции и формирование в обществе негативного отношения к ней является основанием для классификации деятельности НКО как социально ориентированной, а это означает, что они могут претендовать на грантовую поддержку со стороны Министерства экономического развития РФ. С другой стороны, после принятия так называемого Закона «Об иностранных агентах» антикоррупционная деятельность приравнивается к политической, а если организация вдобавок получает «денежные средства и иное имущество от иностранных государств, их государственных органов, международных и иностранных организаций, иностранных граждан», то это дает все основания рассматривать ее в качестве иностранного агента, что в перспективе чревато отказом многих российских НКО от финансовой поддержки со стороны иностранных доноров со всеми вытекающими последствиями [10, с. 49].

Помимо того, что необходимо прекратить «кошмарить» НКО, участвующие в противодействии коррупции, мы считаем для государства (в первую очередь) и общества необходимым, напротив, поддерживать их материально и морально. Государство (в том числе, на

уровне субъектов РФ), на наш взгляд, должно само финансировать организации, противостоящие коррупции, ведь соответствующий смысл и вложен в антикоррупционное законодательство. Если при условии финансирования их деятельности со стороны государства такие организации остаются независимыми и не боятся потерять финансирование, не становятся лоялистами по этой причине, их деятельность по противодействию коррупции становится санирующей, оздоравливающей для всего общества и, разумеется, для самого государства. Такая ситуация характерна сегодня для многих стран мира, в первую очередь, европейских.

Сами же институты гражданского общества, участвующие в реализации антикоррупционной политики, должны быть активны. Они должны не только проводить свои исследования, результат которых в идеале – реагирование соответствующих органов, но и заниматься просветительской деятельностью: наряду с органами государственной власти проводить семинары, круглые столы, различные научные мероприятия антикоррупционной направленности, прививать неприятие гражданам коррупционных явлений, вести деятельность по ликвидации правовой безграмотности.

Считаем, что хорошим дополнением к приемным государственных органов стало бы развертывание деятельности приемных различных НКО, ведущих антикоррупционную работу. Сами же эти организации, получив обращение от гражданина, могли бы соответствующим образом реагировать на него, проводить независимые расследования, а в случае нехватки сил – обратиться за помощью к государству.

Нельзя не упомянуть и о роли средств массовой информации в реализации антикоррупционной политики. Будучи институтом гражданского общества, негосударственные СМИ могут и должны освещать противодействие коррупции институтами гражданского общества. Однако доля действительно негосударственных СМИ в России сегодня мала. Государственные же СМИ (хоть они и не являются институтом гражданского общества) также могут сыграть свою позитивную роль, освещая антикоррупционную работу правоохрани-

тельных органов, ведя антикоррупционную пропаганду.

Не должно оставаться в стороне и научное сообщество. Деятели юридической науки должны участвовать в проведении экспертиз законопроектов на предмет выявления нарушений антикоррупционного законодательства, исследовать коррупцию как явление, предлагать новации в борьбе с ней.

Можно осуществить и иные, вполне конкретные, мероприятия, которые помогут институтам гражданского общества, и не только им, в деле противодействия коррупции и защиты от этого явления. В частности, органы государственной власти и органы местного самоуправления могли бы улучшить свои интернет-сайты так, чтобы, зайдя на них, любой человек мог бы сразу увидеть ссылку на раздел с антикоррупционной информацией, обращениями в эти органы по конкретным коррупционным случаям. Сейчас зачастую приходится долго искать такие разделы, а иногда их и вовсе нет.

Кроме того, было бы целесообразно непосредственно у входа в госучреждения установить стенды с информацией для граждан о противодействии коррупции, в том числе и о результатах такого противодействия в данном учреждении. Возле таких стендов должны располагаться ящики для письменных обращений граждан, в частности, связанных с коррупцией.

Затруднительно определить, можно ли отнести депутатов законодательных (представительных) органов, наряду с политическими партиями, к гражданскому обществу (что подтверждает нечеткость грани между гражданским обществом и государством), но можно сказать, что они могли бы внести свой вклад в дело противодействия коррупции путем более активного использования депутатских запросов. С помощью этого инструмента депутатской деятельности можно привлекать внимание общества и соответствующих структур к конкретным коррупционным случаям или случаям, относительно которых у депутатов или у лиц, к ним обратившихся, имеется информация о коррупционных проявлениях, о нарушении законодательства о противодействии коррупции.

Наконец, можно подумать о целесообразности разработки механизма проведения публичных слушаний при назначении чиновников на ключевые должности в регионах Рос-

сии и в муниципалитетах. Считаем необходимым начать экспертную дискуссию о том, чтобы вопросы назначения на должности региональных министров, руководителей служб и агентств субъектов Российской Федерации, а также вопросы назначения глав комитетов администраций муниципальных образований были легально определены в качестве вопросов, обязательных к обсуждению на публичных слушаниях соответствующего уровня.

Данная новелла, на наш взгляд, будет способствовать повышению уровня гражданского сознания членов российского общества, открытости органов государственной власти и местного самоуправления, положительным образом повлияет на качество принимаемых вышеозначенными органами кадровых решений, укрепит обратную связь между назначаемыми чиновниками и населением. На этих слушаниях могли бы выступать как представители общественности, все без исключения, так и сам предлагаемый кандидат на должность. Подобная процедура, когда предлагаемый к назначению отвечает на вопросы участников публичных слушаний, а они в свою очередь одобряют или же не одобряют его кандидатуру, усилила бы легитимность властных органов в глазах граждан, положительно бы сказалась на противодействии коррупции, стала бы качественно новой мерой для государственного и муниципального управления в целом.

Российское антикоррупционное законодательство не всегда понятно, а органы государственной власти и чиновники не всегда стремятся помочь субъектам противодействия коррупции в их деятельности, однако соответствующая сфера законодательства, в частности, в вопросах прав и полномочий институтов гражданского общества, участвующих в реализации антикоррупционной политики, не является намертво застывшей, постоянно предлагаются изменения.

Уже в 2017 г. Государственной думой совместно с Общественной палатой Российской Федерации и президентским Советом по правам человека разрабатываются поправки к Федеральному закону «Об основах общественного контроля в Российской Федерации». В 2016 г. члены федеральной Общественной палаты заявляли, что закон не работает в полную силу, а также предложили включить ре-

зультаты общественного контроля в показатели отчетности органов государственной власти субъектов Российской Федерации, широко освещать результаты общественного контроля, используя СМИ и интернет. Обсуждается возможность дать право объединениям граждан, а также консультативным органам при Президенте и Правительстве, Федеральном Собрании, судебных органах и прокуратуре проводить проверки. Сейчас на это имеют право только федеральная и региональные общественные палаты, а также общественные советы при министерствах и ведомствах. Звучат предложения и о введении административных и уголовных санкций за препятствование работе общественников [9]. Сам факт предложения конструктивных изменений законодательства можно оценивать исключительно положительным образом. Ждем, какое решение будет в итоге принято.

Необходимо также отметить, что в России не существует какого-либо централизованного отчета компетентных государственных органов по вопросу сотрудничества с гражданским обществом в области противодействия коррупции – на сегодняшний день не совсем понятно, каких результатов достигли общественники в различных отраслях и регионах. Такой отчет позволил бы собрать воедино конкретные результаты соответствующей деятельности и проанализировать их. Нет ничего подобного и в регионах страны.

Таким образом, участие в реализации антикоррупционной политики – перспективное направление в деятельности институтов гражданского общества. Постепенное совершенствование нормативной базы в сочетании с естественным прогрессом в развитии гражданского общества в России станет прочным фундаментом этой деятельности в будущем.

Сегодня в нормативных актах много говорится о том, что институты гражданского общества должны быть активными участниками реализации антикоррупционной политики, но, к сожалению, практически ничего не сказано о конкретных формах влияния гражданского общества на процесс противодействия коррупции. Законы написаны слишком общим языком, что зачастую позволяет игнорировать общественников, отсутствуют и реальные гарантии их деятельности. Однако стоит заме-

тить, что предпосылки к уточнению и общему совершенствованию норм права в виде предложенных поправок и ведущейся экспертной дискуссии наличествуют.

Особо следует отметить, что повышение уровня открытости органов власти и их готовность к сотрудничеству будут благотворно влиять на результаты антикоррупционной работы гражданского общества, что, в свою очередь, положительно скажется на общем уровне коррупции в России. Разумеется, однако, что даже самые открытые к взаимодействию органы государственной власти и активные общественники сами по себе не смогут побороть коррупцию. Следует помнить, что одними из основных причин восприятия коррупции в целом являются низкий уровень достатка, неразвитость демократических основ в обществе и чрезмерная бюрократизация управления.

Список литературы

1. О противодействии коррупции : федер. закон от 25 дек. 2008 г. № 273-ФЗ (ред. от 03.04.2017) // Рос. газ. – 2008. – № 266.
2. Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов : федер. закон от 17 июля 2009 г. № 172-ФЗ (ред. от 21.10.2013) // Рос. газ. – 2009. – № 133.
3. Об основах общественного контроля в Российской Федерации : федер. закон от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ (ред. от 03.07.2016) // Рос. газ. – 2014. – № 163.
4. О мерах по совершенствованию организации деятельности в области противодействия коррупции : указ Президента РФ от 15 июля 2015 г. № 364 // Собрание законодательства РФ. – 2015. – № 29 (ч. 2). – Ст. 4477.
5. О Национальном плане противодействия коррупции на 2016–2017 гг. : указ Президента РФ от 1 апр. 2016 г. № 147 // Рос. газ. – 2016. – № 78.
6. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : указ Президента РФ от 31 дек. 2015 г. № 683 // Собрание законодательства РФ. – 2016. – № 1 (ч. 2). – Ст. 212.
7. Концепция общественной безопасности в Российской Федерации : утв. Президентом РФ 14 нояб. 2013 № Пр-2685 // КонсультантПлюс [Электронный ресурс] : справочная правовая система.
8. Агеев В. Н. Комиссия по координации работы по противодействию коррупции в субъекте Российской Федерации: основные задачи и механизмы их реализации // Юрид. исслед. – 2016. – № 4. – С. 1–10.
9. Закон об общественном контроле не работает в полную силу [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.russia-today.ru/article.php?i=2175>.
10. Потахина Д. П. Эффективность взаимодействия институтов гражданского общества и государства в противодействии коррупции : выпуск. квалиф. работа (030200.62) / Д. П. Потахина. – СПб. : Высш. шк. экон.; 2013. – 87 с.

УДК 930

**ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ ИНИЦИАТИВА ГРАЖДАН:
ОТ ПИСЕМ-ПРОТЕСТОВ К ИДЕЯМ ГОСУДАРСТВЕННОГО
СТРОИТЕЛЬСТВА: ПО МАТЕРИАЛАМ ЖУРНАЛА «КОММУНИСТ»
(1950–1960 гг.)**

Титов Владимир Юрьевич

кандидат исторических наук,
доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин
Восточно-Сибирского филиала ФГБОУ ВО
«Российский государственный университет правосудия»,
г. Иркутск
e-mail: titov.v@yandex.ru

**LEGISLATIVE INITIATIVE OF CITIZENS, FROM LETTERS
OF PROTEST TO THE IDEAS OF STATE BUILDING:
ON MATERIALS OF MAGAZINE «THE COMMUNIST»**

Vladimir Titov

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor
of the Department of Humanitarian and Socio-Economic Disciplines
of the East Siberian Branch of the FSBEI HE
«The Russian State University of Justice», Irkutsk

АННОТАЦИЯ

В статье дан анализ материалов центральной партийной печати Советского Союза, которые освещали предложения граждан по государственному строительству и законодательные новеллы. Материалы относятся к периоду либеральных преобразований в Союзе. Используются фонды архивов: Российского государственного архива Новейшей истории и Российского государственного архива социально-политической информации.

ABSTRACT

The article analyzes the materials of the Central party press of the Soviet Union, which covered the proposals of the citizens on state building and legislative innovations. The materials relate to the period of liberal reforms in the Soviet Union. Used archives: Russian state archive of contemporary history Russian state archive of socio-political information.

Ключевые слова: РГАНИ; РГАСПИ; письма-протесты; законодательная инициатива с мест; диалог власти с обществом.

Keywords: RGANI; RGASPI; letters of protests; legislative initiative; the dialogue of the authorities with society.

Десятилетие 1950-е – 1960-е гг. в значительной степени изменило отношение советской общественности, и особенно государства, к письму-жалобе. Из состояния, когда ее воспринимали только как банальный сигнал о злоупотреблениях, жалоба перерастает в помощника по совершенству общественных отношений и законодательного строительства.

Каждый, кто писал письма в редакции газет и журналов, имел свою правду. Безусловно, особый интерес представляют письма, которые переадресовывались либо в редакцию журнала «Коммунист», либо в аппарат ЦК. В

обоих случаях разбор корреспонденции превращался в некую небольшую дискуссию.

Журнал «Коммунист» являлся структурной единицей Отдела пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) – ЦК КПСС. В редакции «Коммуниста» разбирали только те письма-протесты, которые содержали концептуальные предложения по переустройству общества и введения новелл в законодательство.

В помощь такой работы редакции журнала, Совмин РСФСР основал в июле 1956 г. газету «Советская Россия». В задачи этого печатного органа входили: освещение идеологической работы партии, обзор хозяйственной и

культурной жизни страны. Газета выходила 6 раз в неделю, имела тираж в 1 миллион экземпляров и объем 4 листа формата «Правды». Газета имела расширенную сеть корпунктов по стране. Ее штат доходил до 205 человек, из которых в редакции работало только 25 человек. Одним из главнейших направлений в работе редакции «Советской России» ЦК КПСС считало борьбу с бюрократией и невнимательным отношением к гражданам, а также поощрения граждан к предложениям по вопросам законодательных инициатив [1. Ф. 96. Оп. 1. Историческая справка]. Масштабность охвата позволяла редакции проводить, как бы сказали социологи, хорошую выборку или срез общественного мнения. Поскольку газета непосредственно контактировала с одним из идеологических отделов ЦК КПСС РСФСР, то собираемая информация шла в первую очередь в Кремль.

Под емкой фразой «невнимательное отношение» подразумевался ряд перегибов местных партийных и советских руководителей, результатом которых становились критические оценки действий правительства. Не то чтобы советские руководители, лекторы, журналисты ругали власть, партию и правительство. Нет, такого обнаружить не удалось. Но в то же самое время их слова, а порой и действия провоцировали окружающих высказываться до некоторой степени чересчур либерально. Так, в первый же год после смерти И. В. Сталина Отдел пропаганды и агитации при ЦК КПСС разбирал несколько любопытных вопросов. Например, о примиренчестве в идеологическом вопросе в прессе [1. Ф. 5. Оп. 16. Д. 600], о неправильном отношении к критике руководства Всесоюзного комитета по делам физической культуры и спорта в печати. Чего же так боялись чиновники от идеологии? Один из самых банальных разборов в Отделе пропаганды и агитации касался проверки достоверности названных фактов в статье «Диссертация и дегустация», опубликованной газетой «Известия» в 1954 г. С точки зрения чиновников, такое двусмысленное название могло подвести некоторых читателей к не совсем правильным выводам, порочащим советскую действительность [1. Ф. 5. Оп. 16. Д. 603]. Собственно, по этой причине Совет Министров СССР (!) постоянно обсуждал создание предполагаемого проекта распоряжения о фельетонах. По замыслу Совмина и Кремля такое распоряжение

должно было стать цензурным барьером на пути не совсем удобного для советской идеологии печатного материала. Например, газеты «Московская правда», «Вечерняя Москва» [1. Ф. 5. Оп. 16. Д. 604], «Комсомольская правда», «Красный флот» [1. Ф. 5. Оп. 16. Д. 601] не единожды звучали в отчетах Отдела пропаганды и агитации.

В середине 1950-х гг. возможность допущения идеологических ошибок рассматривалась отделом не в порядке общего фронта работы, а вполне конкретно. ЦК КПСС волновали перегибы на местах по проблемам, которые часто выливались в бытовые разговоры:

- меры по дальнейшему развитию сельского хозяйства;
- мирное урегулирование;
- празднование 300-летия воссоединения Украины и России;
- пропаганда военных знаний среди гражданского населения [1. Ф. 5. Оп. 16. Д. 596];
- о фактах примиренческого отношения в некоторых парторганизациях Средней Азии к феодально-байским пережиткам [1. Ф. 5. Оп. 16. Д. 600].

Под сухим перечнем интересующих ЦК вопросов иногда скрывались интригующие воображение перлы народного творчества. Так, за неудачное, с идеологической точки зрения, упоминание о сельском хозяйстве Министерство государственной безопасности могло провести с провинившимся гражданином предупредительную беседу. Например, за подобный анекдот: «В связи с юбилеем независимости Индии правительство республики решило провести конкурс на лучшую книгу о слонах. Из ГДР прислали двенадцатитомное «Введение в слоноведение». Из США небольшую брошюру с поясняющим названием «Что должен знать средний американец о слонах»; из Советской России – трехтомник «Использование слонов в сельском хозяйстве»».

Сельское хозяйство и, как ни странно звучит, национальный вопрос оставались самыми острыми, а может быть, проблемными темами вплоть до начала горбачевской перестройки. В РГАНИ находится фонд № 89. Собственно фондом, т. е. совокупностью документов, отложившихся в результате деятельности учреждения, назвать этот объем документов сложно. В фонде № 89 представлена коллекция рассекреченных документов, рассматриваемых

в ЦК и подобранных, возможно, председателем КГБ В. Е. Семичастным, по национальным и социальным конфликтам. В фонде содержится информация, которую с моральной стороны было нецелесообразно и неудобно заявлять во всеуслышание. Кроме этого, в этом фонде находятся практически все дела диссидентов, либо в личных делах, под фамилиями, либо в разделе «Вопросы КГБ» (!) Последнее обстоятельство показывает тесную взаимосвязь Отдела пропаганды и агитации с КГБ.

Некоторые из актуальных фактов потом находили себе место на страницах специализированных изданий, таких как «Блокнот агитатора». Нечто похожее могло произойти с письмом гражданина А. И. Почтивого из Кировоградской области, направленным в ЦК КПСС на имя генсека Н. С. Хрущева. Письмо рассматривалось несколько раз по просьбе самого Н. С. Хрущева А. Б. Аристовым, Л. И. Брежневым, А. И. Кириченко, П. Н. Поспеловым, М. А. Сусловым, Е. А. Фурцевой в 1957–1958 гг. В письме Почтивый высказывал соображения по национальной политике. Он считал, что «юбилейные празднования, которые в последние годы проводятся в связи с годовщинами вхождения отдельных народов в состав России, не служат делу интернационального воспитания советской молодежи», а, напротив, даже приносят вред [2. Ф. 17. Оп. 96. Д. 7. Л. 1]!

В аналогичных письмах добровольность присоединения Кавказа, Средней Азии и Якутии часто ставилась под сомнение, потому что юбилей умалял значение Октябрьской революции. «Парадно-бюрократические мероприятия отвлекают партийных работников от кропотливой... борьбы с пережитками национализма и шовинизма», — писал Почтивый [2. Ф. 17. Оп. 96. Д. 7. Л. 2–3 об.]. Нередко националистическую вражду разжигали хулиганы, «антиобщественные элементы». Но были обстоятельства, например, в Ивановской, Калининградской, Тамбовской областях, указывающие, что просчеты в культурном обслуживании населения рождали вспышки националистических высказываний [1. Ф. 5. Оп. 34. Д. 22].

Кремль нуждался в открытом диалоге со страной, даже с элитой страны, так как журнал был рассчитан на партийную публику. Поскольку редакция оставляла за собой право отбирать письма, то никакой опасности, с точки

зрения идеологии, критика читателей для партии не имела.

Одно из первых писем, отложенное редакцией для заседаний Отдела пропаганды и агитации, касалось вопроса о равенстве. Автор писал о формализме всей государственной системы социализма, для ликвидации которого предложил повысить уровень потребления в Союзе и наладить культуру потребителей [2. Ф. 599. Оп. 1. Д. 176. Л. 7–9].

Несколько позже пришло другое аналогичное письмо, озаглавленное как предложение. Начиналось письмо такими словами: «...желательно, чтобы в легкой, местной промышленности, а также и в бытовых учреждениях ... руководящий состав не назначали, а выбирали тайным голосованием». Анонимный автор специально оговаривал право партийных организаций представлять 2–3 кандидатуры, а за это “просил” 1 кандидатуру беспартийную! Из текста письма становится ясно — подобные мечтания выражали не единицы, но пока еще и не большинство.

Это письмо написали, как и все нижеприведенные, в 1961 г., поэтому обойтись без словосочетания «коммунистическая мораль» было нельзя. Любопытные метаморфозы происходили с автором письма после упоминания этого словосочетания. В начале абзаца как всегда речь шла о «развитии критики и самокритики... борьбы против парадности, местничества» и т. п. Затем автор перешел на разбор причин, связанных с карьеризмом, бюрократизмом, и высказал мысль, что причиной всех перечисленных отрицательных сторон является анонимность советской демократии. Поколебавшись еще несколько строк, он называет свое имя — Горячун Михаил Сильвестрович, кандидат в КПСС с 1921 г. Далее гражданин Горячун в несколько витиеватой форме признается, что в начале письма не помышлял называть своего истинного имени. Сделал это автор, исходя из соображения как раз анонимности демократии в Советском Союзе. Горячун не сомневался, что его предложения вызовут стойкое неприятие у элиты советской партийной номенклатуры, поскольку он не философ, не ученый и не партийный работник [2. Ф. 599. Оп. 1. Д. 176. Л. 14–22].

О том, что критики бояться не надо, писали многие, но немногие предлагали, например, изменить порядок совещания секретарей ЦК из-за отсутствия на заседаниях Политбюро

гласной взаимной критики. Не все осмеливались говорить, что Н. С. Хрущев нарушает ленинский принцип коллективного руководства [2. Ф. 599. Оп. 1. Д. 176. Л. 26, 45].

Второй крупной темой, вынесенной в отдельный блок писем, были размышления граждан об отсутствии взаимоотношений между партией и народом. Многие читатели «Коммуниста» предлагали ЦК КПСС сохранить за партией только функции агитации и организации масс на общественно полезный труд, а все остальное отдать советским хозяйственным и общественным организациям. Один из анонимных корреспондентов вообще предложил постепенно отойти от политизированности в социально-экономических взаимоотношениях между государством и обществом.

Для этой цели он выдвинул достаточно смелый проект преобразования работы советов и съезда КПСС. Для советов предлагалось оставить в силе все прежние полномочия, но вывести из прямого подчинения обкомовских секретарей на местах, а руководителей партии и Верховного Совета подчинить профсоюзным организациям. Следом за этим предложением ставился вопрос о скорейшем введении хозрасчетных отношений между предприятиями [2. Ф. 599. Оп. 1. Д. 176. Л. 49–56].

В другом письме обратившийся в ЦК гражданин высказывал предложение о так сказать двухуровневой культуре плюрализма, когда критика вообще должна была быть, а критиковать партию и правительство разрешалось только Генеральному секретарю ЦК КПСС. Необходимым условием плюрализма писавший гражданин выдвинул обязательное требование уменьшить роль членской книжки партийца в профессиональном и карьерном росте специалиста, особенно для занятия руководящего поста [2. Ф. 599. Оп. 1. Д. 176. Л. 62].

Затем на восьми с половиной страницах снова поднималась во всю полноту проблема безальтернативности советских выборов. «Никто не будет возражать, пусть партийная часть выдвигает, например, 2 кандидатов – коммунистов, а беспартийные сами выдвигают лишь одного. Вот тогда выборы будут интересные, будет о чем поговорить и поспорить, который кандидат из 3 лучше, а при одном народ идет, как в монастырь, отдать долг. 65 лет. Пенсионер. Участник революции Ленина. Захаров П. В.» [2. Ф. 599. Оп. 1. Д. 176. Л. 70]. Такие заявления оказывались небезопасными.

Например, в Иркутске, на одном из собраний студентов, гражданин Г. К. Хороших сделал заявление, стоящее ему карьеры: «У нас в Союзе есть две партии: КПСС и беспартийные».

Размышления о соотношении партийных и беспартийных в органах власти соперничали по количеству упоминаний с такими же размышлениями о доступности некоторых товаров на прилавках магазинов.

«Одним доступно шампанское и шоколад, а другим хлеба не хватает. Где уравниловка?», – вопрошал другой анонимный корреспондент журнала «Коммунист». Выход из создавшейся ситуации писавший эти строки видел в декларировании в СССР прожиточного минимума. В конце письма вместо подписи стоял следующий афоризм: «Алкоголизм – это не болезнь, а тушик от несогласия» [2. Ф. 599. Оп. 1. Д. 176. Л. 71]!

Последним по хронологии, но первым подписанным в папке письмом было письмо инженера, кандидата в члены КПСС, Юнга из г. Ленинграда. Он делился своими соображениями о второй части нового для 1961 г. проекта Устава КПСС. Больше всего его интересовало увеличение производительности в сельском хозяйстве. Рассмотрение этого письма в контексте всех вышеперечисленных примеров важно, так как письма, датированные за 1962–1963 гг., носили по большей части характер ябедничества. Через пару месяцев после принятия Устава КПСС жаловались на конкретные случаи злоупотребления привилегиями начальников, интересовались оплатой труда у обкомовских секретарей и т. д. Однако вопросы о демократии, о беспартийных так остро уже не ставились [2. Ф. 599. Оп. 1. Д. 175. Справка к делу]. В письмах граждан в ЦК прослеживается четкая закономерность: конструктивные и в то же время острые вопросы советское общество ставило перед властью тогда, когда речь шла об экономике и программных заявлениях генсека.

Письмо инженера Юнга можно считать началом конструктивного протеста, отраженного в письмах советских граждан. Скорее всего, из-за этого Юнгу отвели первое место в папке редакционных писем. «Опыт управления экономикой таких стран, как Чехословакия, показывает, – писал Юнг, – что наиболее квалифицированно можно управлять... сравнительно небольшим компактным хозяйством с не слишком большой номенклатурой... изде-

лий». Этим же хозяйствам инженер предлагал дать самостоятельность в реализации произведенной продукции, а план разделить на две части: то, что нужно региону, и то, что утвердит Совмин [2. Ф. 599. Оп. 1. Д. 176. Л. 1–2].

Оттолкнувшись от экономических предпосылок развития сельского хозяйства, Юнг рискнул предложить некоторые преобразования в политике и повысить авторитет местных советов народных депутатов. В СССР превалировал съездный принцип управления. «Депутаты постоянно находятся на местах, съезжаясь периодически на кратковременные сессии. <...> Такая система, – констатировалось в письме, – предложена Лениным в противовес стилю работы буржуазных парламентов, где депутаты отрываются от мест». Юнг подверг такую практику серьезной критике. Ему казалось, «что кратковременные съезды – сессии, принятые» за правило в СССР, «не дают возможности депутатам советов, особенно верховным, глубоко разобраться в поставленных на обсуждение вопросах и грамотно сформулировать свое мнение по ним» [2. Ф. 599. Оп. 1. Д. 176. Л. 3–5].

В последнем пункте письма Юнг утверждал, что понятие диктатуры пролетариата уже не соответствует ни реальному, ни лексическому положению дел, поэтому употребление по отношению к рабочим слова «гегемон» некорректно.

Дилеммой отмирания рабочего класса и сохранения диктатуры пролетариата читатели «Коммуниста» озадачивались достаточно часто. Стирание границ между рабочими и колхозниками приводило к мысли, что классы, руководящий орган общества, отмирают, а государство сохраняет и умножает свои позиции. Следовательно, считал один из читателей журнала, советская государственность – это оплот и надежда будущих преобразований [2. Ф. 599. Оп. 1. Д. 173. Справка к делу].

Идея, предложенная Юнгом о гегемоне, встречала в Кремле как отклики одобрения, так и своих противников. Через год в ЦК начнут с интересом обсуждать книгу Ветцеля о Лю Шаоци. Письмо Юнга, как следовало ожидать, было не единственным, затрагивающим советское сельское хозяйство. В том же 1961 г. ряд корреспондентов ставили перед журналом «Коммунист» и аппаратом ЦК вопрос о легализации в Союзе права частной собственности на средства производства. Правда, следует

признать, что добрая половина таких писем поступала с Украины, г. Киева. Из России и отчасти Украины в общей массе писавшие письма считали частную собственность лишней. Так называемые «мелкособственнические пережитки» отождествлялись с воровством и паразитизмом. Для борьбы с этим «антиобщественным явлением» граждане предлагали:

1. Муниципализировать все жилье, в том числе и в сельской местности. Оставить за владельцами самый минимум.

2. Дачные поселки передать общественным организациям для домов отдыха, спортивных коллективов.

3. Прекратить продажу частным лицам легковых автомобилей, а вместо этого увеличить выпуск холодильников.

4. Сократить на внутреннем рынке количество предметов роскоши: мебели, ковров, ювелирных изделий.

Факт убытков, которые могло понести народное хозяйство, таких ярых приверженцев казарменного социализма никоим образом не смущал. Во-первых, они предполагали, что от эксплуатации жилищного фонда и парка легковых автомобилей в бюджет государства будет поступать не меньше средств. Во-вторых, советские предметы роскоши, по утверждениям писавших, пользовались не меньшим спросом за рубежом, туда и следовало эти предметы направлять. Самим же советским гражданам рекомендовалось, не теряя времени, военным строем двигаться к светлому коммунистическому будущему [2. Ф. 599. Оп. 1. Д. 174. Л. 7–15].

Профессор МГУ Ф. Я. Полянский нафантазировал бытовые коммуны – собрание всех здоровых жильцов для уборки мусора и благоустройства ЖКХ. На этом профессор не успокоился и решил составить для жильцов дома полувойсковой, полуказарменный распорядок дня, включавший коллективное садоводство, домовый огород, экран для кинопередвижек и общественный телевизор. «Коммуна не упустит случая коллективно отметить 1 января, 1 мая, 9 мая, 7 ноября. Затем последуют торжества по случаю дня рождения, шумные свадьбы и печальные массовые поминки». В последнем абзаце профессор размышлял о коллективных прачечных в многоквартирном доме по принципу обязательного дежурства всех жильцов [2. Ф. 599. Оп. 1. Д. 174. Л. 18].

Одним словом, аудитория «Коммуниста» говорила – если равенство и социализм, то это

должны быть равенство и социализм настоящие, одинаково применимые для всех. Так, один аноним из членов КПСС требовал (!) ввести единые законы, одинаковые для руководителей страны, партии и местных администраторов. Разнообразие пайков и других льгот вело не только к очковитирательству, но также к коррупции, за что критиковалась партийная элита Оренбургской и Ульяновской областей. Эти строки были написаны в ответ на статью в № 14 за 1960 г. «Кто не работает, тот не ест». Письмо и по тону, и по предложениям смелое, в некотором смысле неординарное. Любой другой, кто писал то же в журнал, постарался бы развить приведенный выше тезис. Но, видимо, это было не свойственно характеру анонимного коммуниста. В самом начале письма он выдвигает три других тезиса — требования к правительству: прекращение ажиотажа на тему «догнать и перегнать Америку», культивировать уважение к старшим, усилить воспитательную роль профсоюзов. В данном случае критикуются не только отдельные неблагоприятные стороны советского общества. В этом письме прослеживается четкое неприятие Н. С. Хрущева [2. Ф. 599. Оп. 1. Д. 155. Л. 1–21].

Открытый протест, нецензурное высказывание, просто любой другой хулиганский выпад против первого лица в государстве сделали бы из писавшего подсудимого. На данном примере хорошо прослеживаются две тенденции: 1) критика поступков Н. С. Хрущева без употребления имени Генерального секретаря ЦК КПСС, 2) конкретизация протеста. Все это вынуждало органы власти вести с такими читателями диалог, а не преследовать их в уголовном порядке.

Как раз здесь происходило самое любопытное изменение с общественным мнением страны. *Люди воспринимали готовность власти идти на диалог как слабость и некомпетентность первых лиц партии и правительства.* Отход от ортодоксального типа поведения Сталина сразу же вызывал у людей негатив.

Анонимный коммунист воспринимал либеральные инициативы Н. С. Хрущева как отступление от ранее завоеванных рубежей социализма и предлагал, к примеру, если не уничтожить частные садоводства, то по возмож-

ности придать дачникам характер колхозников. Затем выращенные на приусадебных участках овощи и фрукты реализовывать через государственную продажу, для чего принудительно изымать урожаи у частных [2. Ф. 599. Оп. 1. Д. 174. Л. 86].

Гражданин Г. Наканов, член КПСС, кандидат исторических наук, в своем письме точно так же становится на точку зрения брюзги, упрекающего Генерального секретаря в нечистоплотности поступков. Как казалось Наканову, внутрисполитические преобразования начала 1960-х гг. напоминали пережитки капитализма, что пагубно сказывалось на общественном мнении и воспитании нового человека. Отсутствие трудностей и исчезновение страха перед государством способствовали распространению тунеядства, пьянства, нетрудовых доходов, появлению дач и садоводств. Все это, с точки зрения Наканова, свидетельствовало об изменении роли государства в обществе, о слабости центральной власти. Предложений по выходу из создавшейся ситуации Наканов не выдвинул, зато назвал главных противников социализма: это те, кто за самоуправление, за децентрализацию и демократию [2. Ф. 599. Оп. 1. Д. 172. Л. 72].

С течением времени по мере накопления читательских писем редакция «Коммуниста» начала выделять в своих отчетах два направления по работе с письмами: ответы, анонимные письма. С анонимным направлением было все более или менее ясно, такую информацию в кратком изложении направляли в Отдел пропаганды и агитации при ЦК КПСС. Ответы представляли в этом смысле совершенно противоположную форму протеста. Читатель спрашивал у журнала, как ему лучше всего поступить в конфликтных ситуациях. Молчание со стороны журнала рано или поздно привело бы к потере читательского интереса к публикуемым материалам и лишило бы редакцию обратной связи.

Список литературы

1. РГАНИ (Российский государственный архив Новейшей истории).
2. РГАСПИ (Российский государственный архив социально-политической истории).

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 159.9:316.6

ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНО ВАЖНЫХ КАЧЕСТВ ЛИЧНОСТИ В СИСТЕМЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ СТУДЕНТОВ-ЮРИСТОВ

Терещенко Анна Григорьевна

кандидат психологических наук, доцент кафедры гуманитарных и информационных дисциплин
Иркутского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Иркутск
e-mail: 79025119540@yandex.ru

Васильев Николай Гаврилович

кандидат философских наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин
Восточно-Сибирского филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия», г. Иркутск
e-mail: ngv@bk.ru

PROBLEMS OF STUDENTS' PROFESSIONAL QUALITIES DEVELOPMENT IN THE SYSTEM OF LEGAL EDUCATION

Anna Tereshchenko

Candidate of Psychological Science, Associate Professor Institute (Branch),
All-Russian State University of Justice (The Russian Law Academy
of the Ministry of Justice of the Russian Federation), Irkutsk, the Russian Federation, Irkutsk

Nikolay Vasilyev

Candidate of Philosophy, Associate Professor of the Department of State and Legal Disciplines
East Siberian Branch of the FSBEI HE «Russian State University of Justice», Irkutsk

АННОТАЦИЯ

В статье показано, что развитие профессионально важных качеств личности юриста является сложным, многогранным феноменом, оказывающим влияние на результативность деятельности и имеющим большое значение для организации учебного процесса. Были проанализированы особенности содержания и компоненты личностной сферы студентов-юристов, определены условия реализации личностного потенциала студентов в учебном процессе. На основании теоретического анализа уточнена классификация профессионально важных качеств и умений юриста, определены цели и задачи их формирования в связи с развитием мотивации на саморазвитие и профессиональные достижения в период вузовской подготовки.

ABSTRACT

The article shows that the development of professionally important qualities of the personality of a lawyer is a complex, multifaceted phenomenon that influences the effectiveness of the activity and is of great importance for the organization of the learning process. The peculiarities of the content and components of the personal sphere of law students were analyzed, the conditions for the realization of the students' personal potential in the educational process were determined. Based on the theoretical analysis, the classification of professionally important qualities and skills of a lawyer is clarified, the goals and tasks of their formation are determined in connection with the development of motivation for self-development and professional achievements in the period of university training.

Ключевые слова: профессионально важные качества личности; профессионализм личности; профессионализм деятельности; мотивация на саморазвитие; нормативная регуляция деятельности.

Keywords: Professionally important qualities of personality; Professionalism of the person; professionalism of activity; Motivation for self-development; Normative regulation of activity.

Проблема развития профессионально важных качеств личности является чрезвычайно важной в системе профессиональной подготовки студентов юридических факультетов.

Именно на этапе первичного «освоения» профессии, который приходится на время обучения в вузе, осуществляется процесс самоопределения молодого человека в жизни, форми-

руется его жизненная и мировоззренческая позиция, осваиваются индивидуальные приемы деятельности, поведения и общения. Личностная сфера, являясь профессионально значимой для студентов-юристов, определяет перспективы личностного развития будущих специалистов.

Совокупность профессионально важных качеств и личностных особенностей отражает уровень профессиональной подготовленности и зрелости, является критерием успешности деятельности юриста.

Необходимость изучения данной проблемы в системе профессионального образования продиктована рядом обстоятельств теоретического и практического характера. Интенсивное развитие сети образовательных учреждений, осуществляющих подготовку юристов, многообразие содержания и уровней такой подготовки требуют изучения общих закономерностей профессиональной деятельности специалистов-юристов.

Актуальность данной проблемы определяется задачами оптимизации процесса личностного и профессионального самоопределения в вузе, формирования и развития у студентов ценностно-смыслового компонента будущей профессиональной деятельности.

Профессиональная деятельность оказывает воздействие на систему ценностных ориентаций личности. Эффективность профессиональной деятельности во многом зависит от совпадения ее предметно-деятельностного и ценностно-смыслового аспектов. В основе ценностно-смыслового аспекта профессиональной деятельности лежат личностные смыслы индивида, которые определяются субъективной системой ценностей.

Среди работ, посвященных проблеме профессионализма, преобладают исследования профессионализма деятельности и профессионального мастерства. Значительно меньше работ, связанных с изучением профессионализма личности и развитием профессионала. Так, известны исследования профессионализма деятельности специалистов и государственных служащих в особых и экстремальных условиях (А. А. Деркач, В. Г. Зазыкин); формирования профессионально-нравственной культуры специалиста (Богданов Е. Н.), гуманитарно-технологического развития государственных служащих (Гусева А. С.); развития духовности в процессе профессионального станов-

ления специалиста (Коваль Н. А.); развития рефлексивной культуры (Степанов С. Ю.); становления «Я-концепции» в управленческой деятельности (Агапов В. С.) [1; 2].

Концепция развития профессионала разрабатывалась с системных позиций, поэтому структурно и процессуально она выражалась в развитии соответствующих подсистем общей системы профессионализма: профессионализма деятельности, профессионализма личности, нормативной регуляции деятельности и поведения, мотивации на саморазвитие и профессиональные достижения, рефлексивной самоорганизации и креативности личности, продуктивной «Я-концепции». Составляющими профессионализма личности являются: способность к антиципации, к саморегуляции, принятию решений, ставших профессионально важными качествами [1].

Развитие зрелой личности представляется как процесс вхождения в новую профессиональную среду. Развитие всегда сопровождается изменением системы взаимодействий и отношений личности, потребностно-мотивационной сферы, ценностных ориентаций. Основными моментами в формировании концепции развития профессионала явились акмеологические представления о сущности категорий профессионал, профессионализм личности и личностно-профессиональное развитие. Данная концепция рассматривает личность в развитии до уровня профессионализма с позиций принципа активности и субъективности, которые отражают стремление личности к самоорганизации, объясняют собственную активность и развитие, разрешают противоречия между существующими возможностями и наличными потребностями [1].

Сложность, многоаспектность структурных характеристик личностной сферы студентов, их практическое значение в системе профессиональной подготовки, познания, поведения и взаимодействия человека обуславливают необходимость изучения личностной сферы юристов в неразрывной связи с системой межличностных отношений.

Профессионализм личности достигается во многом в процессе развития способностей, зависит от наличия особых качеств личности, способствующих успешному выполнению профессиональных обязанностей. Не является исключением и деятельность юриста, которая требует особого мастерства, глубоких знаний,

прочных навыков взаимодействия с другими людьми, умения вести себя в экстремальных ситуациях, принимать ответственные решения, брать на себя ответственность в решающие моменты. Именно поэтому формирование профессионально важных качеств личности должно начинаться уже со студенческой скамьи.

Профессионально важные качества личности – это индивидуальные особенности человека, обеспечивающие успешность профессионального обучения и осуществления профессиональной деятельности. Изучением этого вопроса занимаются и юристы, и психологи, и социологи [3]. Ими выделены следующие стержневые качества в структуре деятельности юриста:

- исключительная честность, предельная объективность, неутомимый поиск истины, способность принимать решения, соответствующие закону и собственному убеждению;
- чувство ответственности, без которого невозможно проявить инициативу, оперативность в расследовании преступлений;
- умение быстро переключаться с одного вида деятельности на другой;
- оптимально развитое чувство правды, умение распознавать добро и зло, противостоять чуждому влиянию;
- настойчивость в достижении цели;
- внутренняя доброжелательность;
- способность понимать людей, особое чувство восприимчивости;
- высоко развитое чувство товарищества, коллективизма;
- деловой оптимизм и др.

Профессионализм личности юриста во многом зависит от уровня развития таких качеств, которые влияют на результативность деятельности. Такими качествами являются психические свойства личности (внимание, память, воображение), психологические характеристики (эмоциональная теплота, обаяние, устойчивость, терпеливость); волевые качества (сила воли, умение осуществлять волевые усилия, волевая стойкость); личностно-профессиональные качества (организованность, ответственность, дисциплинированность, инициативность, внимательность).

Обычно в профессиограмме юриста выделяют пять аспектов деятельности: познавательный, коммуникативный, организаторский, воспитательный и удостоверительный. Для успешного выполнения этих аспектов деятель-

ности юрист должен обладать набором определенных морально-волевых качеств, обеспечивающих познавательный аспект деятельности. Это такие качества ума, как гибкость, самостоятельность, глубина, быстрота, логичность, критичность, самоконтроль, без которых невозможно установить элементы настоящего, факты прошлого, выявить необходимые доказательства.

Особое место в структуре деятельности юриста занимают качества, обеспечивающие коммуникативный аспект, связанный с умением устанавливать коммуникативные связи, налаживать межличностное взаимодействие, влиять на людей, убеждать, распознавать их эмоциональные состояния и др. К таким качествам относятся: общительность, эмоциональная устойчивость, душевное равновесие, отсутствие вспыльчивости, раздражительности; умение вести беседу, переговоры, умение правильно, грамотно и доступно выражать свои мысли. К морально-психическим качествам, обеспечивающим организаторский аспект юридической деятельности, в первую очередь следует отнести деловитость, инициативность, организаторские способности. К этой же группе качеств относят: наличие сильной воли, принципиальность, решительность, бдительность, самообладание, настойчивость, самокритичность. Для обеспечения организаторского аспекта деятельности требуется исполнительность, аккуратность, дисциплинированность и самоконтроль, самокритичность и высокая сознательность.

Любая профессия налагает на человека определенные правовые и нравственные обязанности. Юристу недостаточно усвоить только определенную сумму специальных знаний и навыков. Для успешного осуществления своей профессиональной деятельности ему необходимо высоконравственное поведение. Поэтому особое внимание следует уделять морально-психическим качествам, обеспечивающим воспитательный аспект юридической деятельности. Отсутствие воспитания при наличии образования особенно заметно и опасно в деятельности юриста. От этики юриста, его воспитания, от добросовестности, деликатности и благородства, от силы его воздействия на людей, от его общей и профессиональной культуры зависит качество расследования, а нередко и судьбы людей.

Удостоверительная функция является специфической для юридической деятельности. Деятельность юриста расписана сводами правил на уровне законов (кодексы, инструкции, наставления и др.) К морально-психическим качествам, обеспечивающим удостоверительный аспект юридической деятельности, относятся: деловитость, исполнительность, пунктуальность, уважительное отношение к закону.

Выделяют пять основных факторов профессиональной пригодности юриста, включающих соответствующие им комплексы профессионально значимых качеств личности.

Первый фактор – высокий уровень социальной (профессиональной) адаптации. Этот фактор связан с нормативностью поведения юриста в любых, в том числе сложных, экстремальных условиях профессиональной деятельности. К качествам личности, формирующим указанный фактор, следует отнести: высокий уровень правосознания; честность, гражданское мужество, совесть; принципиальность (непримиримость) в борьбе с нарушителями правопорядка; обязательность, добросовестность, исполнительность, дисциплинированность.

Свидетельством профессиональной непригодности юриста считается наличие противоположных качеств: низкий нравственный облик, нечестность, безответственное отношение к делу, недисциплинированность и др.

Второй фактор – нервно-психическая (эмоциональная) устойчивость личности. Этот фактор предполагает:

- устойчивость к стрессу, высокий уровень самоконтроля над эмоциями и поведением, работоспособность в критических, вызывающих фрустрацию, условиях;

- развитые адаптивные свойства нервной системы, сила, уравновешенность, подвижность, чувствительность, активность, динамичность, лабильность, пластичность нервных процессов, позволяющие на должном уровне сохранять работоспособность в состоянии утомления, способность адекватно реагировать на различные события.

Отрицательно оцениваются по этому фактору следующие качества личности: низкий порог устойчивости к стрессу, повышенная эмоциональная напряженность, избыточная агрессивность, импульсивность действий, невротические симптомы, быстрая истоща-

емость нервных процессов, психопатические свойства характера.

Третий фактор – высокий уровень интеллектуального развития, познавательная (когнитивная) активность юриста. Этот фактор обусловлен наличием следующих качеств личности:

- развитый интеллект, широкий кругозор, эрудиция;

- гибкое, творческое мышление, умственная работоспособность, умение выделять главное;

- развитое воображение, интуиция, способность к абстрагированию, рефлексии.

Низкая умственная работоспособность, сниженная познавательная активность, недостаточное развитие интеллектуальных способностей, неразвитое воображение, слабая память – это качества, несовместимые с эффективностью профессиональной деятельности юриста, они оцениваются как неблагоприятные.

Четвертый фактор – коммуникативная компетентность юриста. Она предполагает наличие следующих качеств личности:

- способность устанавливать эмоциональные контакты с различными участниками общения, поддерживать с ними доверительные в необходимых пределах отношения;

- проницательность, способность понимать внутренний мир собеседника, его психологические особенности, потребности, мотивы поведения, состояния психики;

- доброжелательное, вежливое отношение к людям, умение слушать участника диалога, эмпатийность (способность эмоционально отзываться на переживания собеседника);

- свободное, гибкое владение вербальными и невербальными средствами общения;

- умение в конфликтных ситуациях использовать адекватную стратегию коммуникативного поведения, менять в зависимости от обстоятельств стиль общения;

- способность к сотрудничеству, достигая компромиссов, соглашений, развитый самоконтроль над эмоциями, настроением в экстремальных ситуациях;

- адекватная самооценка;

- чувство юмора.

Качествами, затрудняющими коммуникативные процессы, снижающими их результативность, являются: замкнутость, повышенная сосредоточенность на своих проблемах, переживаниях, импульсивность, слабое владение вербальными и невербальными средствами общения.

Пятый фактор – организаторские способности. Они позволяют юристу, независимо от рода его профессиональной деятельности, оказывать управляющее воздействие на различных людей, с которыми приходится взаимодействовать в процессе профессионального общения. Поэтому для юриста профессионально важными качествами являются:

- активность, инициативность, находчивость, смелость;
- решительность, настойчивость, целеустремленность;
- умение выделять главное, прогнозировать последствия принимаемых решений, самостоятельность;
- чувство ответственности за свои действия и поступки;
- организованность, собранность, аккуратность в работе;
- коммуникативная компетентность;
- нервно-психическая устойчивость;
- адекватная самооценка;
- высокая мотивация достижения успеха.

Качествами, существенно снижающими организаторские возможности юриста, являются: психопатические свойства характера, повышенная агрессивность, несбалансированность процессов торможения и возбуждения, эмоциональная неустойчивость, пассивность, безответственность, избыточная мнительность, тревожность, сниженный интеллект, завышенная самооценка, пренебрежительное отношение к людям.

Помимо перечисленных качеств личности, эффективность деятельности юриста зависит от мотивационной сферы его личности. Поэтому представляется весьма значимым, в какой мере в структуре личности доминируют мотивы, связанные с достижением успехов, с завоеванием профессионального престижа, авторитета и уважения среди сотрудников, а также граждан, чьи законные права и интересы приходится защищать. По мнению А. А. Деркача [2], лица с высоким уровнем мотивации достижения отличаются следующими чертами: настойчивостью в достижении поставленных целей; неудовлетворенностью достигнутым; постоянным стремлением сделать дело лучше; потребностью изобретать новые приемы работы при выполнении обычных дел; неудовлетворенностью легким успехом; готовностью принять помощь и оказать ее другим.

Итак, какие качества личности должны формировать студенты-юристы? Юрист, прежде всего, должен быть справедливым, беспристрастным, порядочным, дисциплинированным человеком, тактичным, вежливым, уметь делать добро, уметь управлять своими эмоциями, быть требовательным к себе, гибким, способным к аналитической деятельности и творчеству. Он должен обладать высоким профессиональным мастерством, уважать людей, быть терпимым к недостаткам других, уважать их права, быть готовым оказать помощь, вселить уверенность в успех, не быть злопамятным, уметь разрешать сложные конфликты, уметь объективно оценивать свою работу.

Наиболее значимыми профессионально важными качествами, влияющими на продуктивность профессиональной деятельности юриста, являются: умение поставить задачи, последовательность, практичность, умение планировать и организовывать, принципиальность, уровень общей культуры, требовательность, сдержанность, организованность, профессиональная компетентность, инициативность и самостоятельность, настойчивость и упорство, самообладание.

Учитывая все вышесказанное, для развития продуктивной «Я-концепции» юриста студентам юридических вузов необходимы:

- гностические умения анализировать ситуацию;
- проектировочные умения адекватно представлять существующие функциональные связи;
- конструктивные умения выстраивать и корректировать систему поведенческих, деятельностиных стратегий;
- коммуникативные умения устанавливать взаимоотношения, регулировать их, управлять и влиять на отношения и поведение;
- рефлексивные умения реагировать адекватно ситуации;
- социально-перцептивные умения выбирать соответствующую ролевую позицию, осуществлять сотрудничество, действовать с учетом индивидуальных особенностей субъектов взаимодействия.

Одной из важнейших задач развития профессионализма является формирование нравственных механизмов регуляции поведения, которая включает в себя следующие базисные компоненты [2]:

- мотивационный (положительное отношение к юридической деятельности, стремле-

ние к самореализации и достижениям, нравственные и профессиональные установки и интересы);

- когнитивный (знания о профессиональной этике, представления о нравственности и нравственных нормах);

- гностический (владение способами и приемами, необходимыми для понимания смысла нравственных норм и предписаний);

- регулятивный (положительное отношение к лицам, с которыми осуществляется профессиональное взаимодействие, обязательность и ответственность перед ними);

- эмоционально-волевой (способность к нравственному сопереживанию, инициативность);

- оценочный (нравственная самооценка своей подготовки, результатов деятельности и отношений).

Последовательное формирование системы регуляции деятельности, поведения и отношений является основой профессионально-нравственной культуры юриста, включающей последовательную систему алгоритмов саморазвития [1]:

- актуализацию потребности в личностном и профессиональном самопознании с целью личностно-профессионального роста;

- формирование профессиональных и гуманистических ценностных установок, эталонов и норм к объектам и субъектам профессиональной деятельности;

- развитие профессионализма деятельности и личности;

- рефлексии профессиональной деятельности и личностно-профессиональных качеств;

- формирование потребности в профессиональном самосовершенствовании.

Ориентация на такую модель является основной нормативной нравственной системы регуляции деятельности юриста, его отношений и поведения как профессионала.

Таким образом, основной задачей образования является научить молодых людей искать и находить личностный смысл будущей профессиональной деятельности и принимать ответственность за выбор. В этой связи особое значение приобретает процесс личностного самоопределения в вузе, формирование и развитие системы личностных смыслов, имеющих социальный, деонтологический характер и определяющих профессиональную направленность как фактор личностного роста. В связи с этим возникает проблема внедрения в учебный процесс новых форм профессионального обучения, позволяющего интегрировать их значимость и ценность на уровне личных смыслов.

Выдвинутые теоретические положения об особенностях развития профессионально важных качеств личности юриста могут лечь в основу обоснования программы целенаправленного обучения в системе высшего профессионального образования юристов.

Список литературы

1. Деркач А. А. Психология развития профессионала : учеб. пособие / А. А. Деркач, В. Г. Зазыкин, А. К. Маркова. – М. : Изд-во РАГС, 2000. – 123 с.
2. Деркач А. А. Психолого-акмеологические основы изучения и развития рефлексивной культуры государственных служащих / А. А. Деркач, С. Ю. Степанов, И. Н. Семенов. – М. : РАГС, 1998. – 143 с.
3. Шиханцов Г. Г. Юридическая психология : учебник / Г. Г. Шиханцов ; под ред. В. А. Томсинова. – М. : Зерцало, 2000. – 352 с.

Правила оформления статей, представляемых для публикации в журнале «ГлаголЪ правосудия»

Представляемая для публикации статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы; соответствовать правилам оформления. Статья должна содержать: заглавие (название), аннотацию, ключевые слова, основной текст статьи.

В представленной статье обязательно указываются:

- Фамилия, имя, отчество всех авторов полностью, ученая степень, ученое звание, почетное звание, должность, полное название организации – место работы каждого автора в именительном падеже, страна, город (на русском и английском языках).

- Адрес электронной почты для каждого автора.

- Название статьи пишется прописными буквами и располагается по центру – на русском и английском языках.

- Аннотация состоит из 2–3 предложений, в которых описываются цели и задачи проведенного исследования, а также возможности его практического применения – на русском и английском языках.

- Ключевые слова – до 10 слов – отделяются друг от друга точкой с запятой, на русском и английском языках.

- Тематический рубрикатор – обязательно указывается код УДК и/или ГРНТИ и/или код ВАК (согласно действующей номенклатуре специальностей научных работников).

- В конце статьи – список литературы.

Объем представляемого в редакцию материала не должен превышать 15 страниц формата А4.

Работа должна быть выполнена в текстовом редакторе Word; шрифт Times New Roman – 14 пт, межстрочный интервал 1,5; параметры страницы: поля – 2 см, нумерация страниц не выставляется; абзац 1 см.

Все аббревиатуры и сокращения при первом упоминании в тексте должны быть расшифрованы.

Наличие списка литературы обязательно. Список литературы оформляется в алфавитном порядке в соответствии с ГОСТ 7.1-2003.

При ссылке на законодательный акт (или документ) необходимо указать его полное наименование и официальный источник, в котором он опубликован.

Ссылки на источники и литературу необходимо оформлять в квадратных скобках согласно списку литературы.

Библиографическая ссылка. Источник приводимых в рукописи цитат, статистических данных и т. п. должен быть точно указан. Цитаты (знаки препинания, правописание и пр.) должны быть выверены. Когда ссылка делается на иностранный источник, библиографические элементы необходимо указывать в той же последовательности, что и для источников на русском языке. Ссылка делается на языке оригинала без сокращений и аббревиатур.

Представляя статью для публикации, автор выражает согласие на ее сокращение и редактирование (после которого в обязательном порядке автору направляется по электронной почте отредактированный текст для подтверждения согласия на его публикацию в таком виде), размещение в тех справочных правовых системах, в базах данных, на электронных ресурсах (в том числе в сети Интернет), с которыми у редакции есть соответствующее соглашение.

Статьи аспирантов и соискателей проходят рецензирование на кафедрах ВСФ «РГУП».

При направлении в редакцию статьи прилагается заполненная и подписанная оферта, которую можно скачать на сайте Восточно-Сибирского филиала «РГУП» после ознакомления с редакционной политикой ВСФ «РГУП».

Материалы, не соответствующие указанным требованиям, а также опубликованные ранее или предложенные в несколько журналов, к рассмотрению и рецензированию не принимаются. Автор несет личную ответственность за оригинальность текста, а также за достоверность приведенных данных и точность цитируемых текстов.

Статьи направляются в электронном и бумажном вариантах по адресу: 664074, г. Иркутск, ул. И. Франко, 23а и на e-mail: nauka@vsfrap.irk.ru, mail@vsfrap.irk.ru.

Научное издание

**Глагол *Ъ*
ПРАВОСУДИЯ**

№ 2 (14)

Технический редактор *А. А. Митрофанова*

Распространяется бесплатно
Подписано в печать 21.12.2017

Формат 60×90 1/8

Усл. печ. л. 15,1. Тираж 100 экз. Заказ 209

Отпечатано в типографии Издательства ИГУ;
664033, Иркутск, ул. Лермонтова, 124
